

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО СТРАНАМ
ВОСТОКА

Аня Франкос

АФРИКА АФРИКАНЕРОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт востоковедения

Аня Фравкос

АФРИКА
АФРИКАНЕРОВ

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1973

Ania Francos
L'AFRIQUE DES AFRIKAANERS
Paris, Julliard, 1966

Редакционная коллегия

К. В. Малаховский (председатель), *А. Б. Давидсон*,
Н. Б. Зубков, *Г. Г. Котовский*, *Н. А. Симония*

Перевод с французского

Н. А. Световидовой

под редакцией

А. Б. Давидсона

Франкос А.

Ф 83 Африка африканеров. Пер. с франц. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1973.

232 с. («Путешествия по странам Востока»)

Очерки французской журналистки Ани Франкос о жизни в расистском государстве — ЮАР принадлежат к наиболее интересным из современных описаний этой страны. Автор специально собирал материалы для разоблачения существующих в этой стране порядков. Ей удалось встречаться и разговаривать с представителями разных расовых и социальных групп населения и в результате дать правдивые, яркие картины жизни ЮАР.

Ф $\frac{1115-2157}{042(02)-73}$ —57-73

91 (И6)

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

За последние годы наши журналисты, ученые, артисты, спортсмены побывали в очень далеких уголках мира, а во многих государствах появились сотни или даже тысячи рабочих, техников и инженеров из Москвы, Ленинграда, Новосибирска. Глазами этих людей мы можем разглядеть жизнь и быт самых разных народов. Трудно найти государство, о котором бы не было книги путевых очерков, написанных людьми из нашей страны.

Но все же такие государства есть. И среди них, может быть, самое значительное — Южно-Африканская Республика.

В сущности, на протяжении более чем полувека, со времени Октябрьской революции, контакты нашей страны с Южной Африкой всегда были весьма ограничены. Они сведены на нет в последние полтора десятилетия, когда многие государства бойкотировали расистско-колониальный режим ЮАР.

С давних времен в нашей стране не выходило ни одной книги отечественных путевых очерков по Южной Африке.

В последние годы таких очерков выходит не так уж много и за рубежом. Власти ЮАР стремятся не пускать в страну людей, от которых могут ждать осуждения своего режима. Например, в 50-х годах, когда страна еще являлась британским доминионом, был запрещен въезд Бэзилу Дэвидсону, известному английскому ученому и публицисту.

Именно поэтому книга французской журналистки Ани Франкос представляет несомненный интерес. Аня Франкос пыталась объективно описать все сферы южно-африканской жизни, куда ей удалось проникнуть. Она рассказывает и о крупнейших городах, и о резерватах. О жизни африканцев, индийцев, метисов. О разных национальных и социальных группах белого населения, и в частности о представителях народа, который еще недавно был известен как буры, а теперь называет себя африканерами — белыми африканцами.

Страстный протест Ани Франкос против любой социальной несправедливости, ее бурная поддержка всего, что она считает достойным,— все это советский читатель мог видеть, например, в ее книге «На Кубе праздник», которая вышла в Москве в 1963 г., и в ее статьях о положении на Ближнем Востоке. В Париже в 1965 г. вышла ее книга «Белая и красная» — результат ее путешествия по Алжиру.

Ее молодость, энергия, может быть, даже женское обаяние помогли ей на Юге Африки проникать в районы, которые правительство скрывает от глаз иностранцев.

Ее молодость способствовала и непосредственности восприятия всего увиденного. Правда, в поездке по Южной Африке Аня Франкос была на несколько лет старше, чем в 1961 г., когда она 22-летней девушкой знакомилась с Кубой по приглашению Кубинского Института кинематографии. Но непосредственности она не утратила. И если к кубинской революции относилась с восторженной влюбленностью, то к южно-африканским порядкам — с пылким возмущением.

Книга доносит до читателя свежесть, остроту восприятия. И это искупает ее недочеты, вызванные особыми трудностями журналистского репортажа в условиях Южной Африки.

Аня Франкос пишет: «Из предосторожности я никогда ничего не записывала». А память, даже молодая, не может, конечно, заменить записей. Поэтому не все даты, особенно исторические, да и не все факты вполне точны. В некоторых особенно важных случаях, например когда речь идет о конгрессе Коминтерна или о дате создания Коммунистической партии Южной Африки, мы при подготовке русского издания позволили себе уточнить даты — надеемся, что автор на нас не посетует.

Некоторые неточности вызваны, может быть, недостаточной исторической или этнографической подготовкой автора. Не всегда правильно употребляется термин «племя». Слова «негр» и «гуземец» воспринимаются африканцами в ЮАР как оскорбительные, поскольку именно такой оттенок придали им расисты. «Цветными» Аня Франкос называет то всех небелых, то, как это принято на Юге Африки, — одних лишь метисов. Вряд ли правильно ставить знак равенства между африканерским Брудербондом и американским ку-клукс-кланом.

Кое-что из того, о чем пишет Аня Франкос, не могло не перемениться — ведь ее книга вышла во Франции в 1966 г. Британский протекторат Басутоленд, о котором не раз говорится в книге, стал государством Лесото. Добились провозглашения независимости и другие британские протектораты — Бечуаналенд, Свазиленд. На

территории Родезии и Юго-Западной Африки, которая теперь по решению ООН именуется Намибией, дают о себе знать партизанские отряды. Нет в живых многих людей, о которых пишет Аня Франкос. Нет и Альберта Лутули, человека, олицетворявшего собой борьбу против режима Фервурда—Форстера. Он погиб в 1967 г., и Аня Франкос, вероятно, видела его одной из последних — во всяком случае среди иностранцев. Умер профессор Эдуард Ру, а профессору Саймонсу пришлось покинуть родину. Многие осуждены на пожизненное заключение. Среди них — Абрахам Фишер, он уже много лет в тюрьме и вряд ли даже знает, что ему присуждена Ленинская премия мира.

А в сентябре 1966 г. в Кейптауне в здании парламента был убит один из самых ненавидимых в стране людей — премьер-министр Фервурд. Но его место занял Форстер — еще более ненавистный африканцам.

В экономику страны и даже в ее социальную структуру эти годы, конечно, внесли некоторые изменения.

Но главные черты остались теми же, что в середине 60-х годов. А число подробных и правдивых журналистских описаний с тех пор, к сожалению, не очень возросло. И эта книга, которую мы предлагаем вниманию читателей с небольшими сокращениями, остается одним из наиболее интересных репортажей о современной Южно-Африканской Республике.

А. Б. Давидсон

«Южная Африка принадлежит всем, кто здесь живет, черным и белым, и никакое правительство не имеет права на власть, если оно не создано по воле всего народа... Только демократическое государство, выражающее волю всего народа, может гарантировать всем гражданам, без различия цвета кожи, расы, пола или вероисповедания, их законнейшие права...»

Хартия свободы

«Я поклонялся идеалу свободного и демократического общества, в котором все люди должны жить в гармонии друг с другом и пользоваться равными возможностями. Я надеюсь, что мне будет дано жить во имя этого идеала и осуществить его. Во имя этого идеала, если потребуется, я готов умереть».

Нельсон Мандела, лидер Африканского национального конгресса

«Я принял решение о том, что в этой стране законодательство должно быть классовым... Мы должны быть их господами... С туземцем следует обращаться, как с ребенком... Это моя политика, и она станет политикой Южной Африки».

Сесиль Родс. Из речи в парламенте Капской колонии в 1887 году

«Есть одна вещь, относительно которой единодушны все южноафриканцы, не считая сумасшедших: это факт существования политики, которую не следует менять никогда, суть ее заключается в сохранении главенствующего положения белых в Южной Африке».

Генерал Смэтс, премьер-министр Южно-Африканского Союза.

«Переложенная на самый простой язык, эта проблема означает не что иное, как то, что мы хотим сохранить Южную Африку белой. Сохранить ее белой может означать только одно, а именно: белое господство. Не „лидерство“, не „руководящую роль“ белых, а „полный контроль“, „господство“».

Доктор Хендрик Фервурд

ОТ АВТОРА

Почти никого из своих собеседников я ни разу не назвала настоящим именем. Имена здесь в основном вымышленные. Читатель поймет причины такой предосторожности, когда прочтет мою книгу. Зато сторонники апартхейда предстают в ней под своими подлинными именами. У меня не было никаких причин щадить их.

Я приношу благодарность южно-африканским властям, которые, приняв меня за арийку, показавшуюся им к тому же сторонницей «раздельного развития», помимо своей воли предоставили мне возможность объехать всю Южную Африку. Я приношу благодарность и моим многочисленным друзьям — белым, африканцам, индийцам, метисам, — всем, кто отважился пойти на риск, чтобы помочь мне.

Так как во время этого путешествия у меня не было возможности вести какие-либо записи (иначе стало бы ясно, что я журналистка), в моем повествовании могло бы оказаться множество «пробелов», если бы в Великобритании мне не посчастливилось отыскать неоцененное подспорье в виде книг Брайена Бантинга «Становление Южно-африканского рейха», Мэри Бенсон «Африканские патриоты» и Говэна Мбеки «Крестьянский бунт».

Все могло бы начаться с воркующего голоса стюардессы: «Fasten your seat-belt please, we are going to land in Jan-Smuts-airport»¹, и моим глазам открылись бы сверкающие холмы желтого песка вокруг Йоханнесбурга, которые я принимаю за горы золота, хотя это всего-навсего отходы.

Но чтобы дожить до этого момента, надо прежде всего получить визу; а чтобы получить визу, надо идти в южно-африканское посольство, где господа, по виду германского происхождения, и девицы, смахивающие на полицейских, задают вам множество странных вопросов и заставляют вас заполнять массу самых различных анкет.

И, конечно, на первом месте стоит вопрос о расе. Я в нерешительности. Может, я похожа на мартышку? Ужасно хочется написать, как это, говорят, сделал сын Уинстона Черчилля: «Человеческая». Но тут, в секторе иммиграции, шутить, видно, не любят, об этом красноречиво свидетельствуют бесстрастные голубые глаза секретарши. Впрочем, местные службы стараются облегчить вам задачу и в скобках курсивом значится: (африканская?), (азиатская?), (европейская?). И опять я в нерешительности. Кто же я?

В памяти всплывает одна статья, в которой говорилось, что, когда в 1950 г. южно-африканский парламент принял новый расистский закон, предписывавший провести перепись населения по расовым признакам, десятки тысяч людей (особенно в Кейптауне, где живут почти сплошь метисы) не могли точно ответить, белые они или «цветные».

Как нельзя более серьезно я спрашиваю девицу, ко-

¹ «Пристегните ремни, мы идем на посадку. Самолет прибывает в аэропорт Яна Смэтса» (англ.).

торая оформляет мое дело, каким образом можно узнать, белый ты или нет.

— Это очень просто, — отвечает она. — Закон гласит: белым считается любое лицо, которое по своей внешности является явно белым или которое считается всеми лицом белой расы, за исключением тех случаев, когда, невзирая на свою явную принадлежность к белой расе, это лицо признается всеми лицом цветной расы.

В течение некоторого времени я размышляю, в своем ли уме эта очаровательная девушка. Но вскоре я поняла, что, как и большинство ее соотечественников, она до такой степени распропагандирована, что самые преступные или попросту безумные вещи кажутся ей вполне нормальными. А ей, в свою очередь, я, по всей видимости, представляюсь несколько глуповатой, потому что она продолжает:

— Так, например, китайцы считаются цветными, а японцы — белыми.

И так как я спрашиваю: «А почему японцы, а не китайцы?» — она объясняет, что японцы не совсем желтые, к тому же в Южной Африке их не более сотни.

— А китайцев у нас целая колония. И если считать их белыми да еще предоставить им все гражданские права, почему бы тогда, как справедливо заметил один наш министр, Ван де Вет, не предоставить точно такие же права индийцам, которых насчитывается около пяти-сот тысяч, или метисам, которых миллион семьсот тысяч... А может, еще и кафрам, их двенадцать миллионов! Что же тогда станет с нами, бедными белыми, нас ведь всего-то три миллиона четыреста тысяч?

По всей видимости, «кафры» — это африканцы; что же касается почетного звания «белые», присвоенного японцам, то причина этого, мне думается, кроется в том, что Япония одна из немногих афро-азиатских стран, которая не стесняется открыто торговать с Южной Африкой и вкладывает в предприятия этой страны большие капиталы, поддерживая таким образом американские капиталовложения.

Не ведая о том, что немногим более двадцати лет назад половина моего семейства погибла в газовых камерах из-за своего не совсем арийского происхождения, девица, глядя на мою розовую кожу, по-свойски говорит мне:

— Ну вы-то, конечно, напишете «европейская раса». Совесть у южно-африканского правительства не слишком чиста, потому-то оно и не разрешает большинству журналистов и кинематографистов посещать территорию своей страны. И если кому-нибудь из них² изредка удастся проникнуть туда, они вынуждены прибегать для этого к тысяче всевозможных уловок.

Так, я, например, выдала себя за студентку, которая едет навестить одну из своих австралийских теток (австралийцы очень часто ездят в Европу через Йоханнесбург) и заодно посетить заповедник диких зверей в Крюгер-Парке.

Я не очень убеждена, что этому поверят. И когда две недели спустя я являюсь в посольство, у меня почти нет сомнений, что меня тут же выгонят вон и скажут: «Нам все известно, вы — журналистка, вы жили в Алжире, на Кубе, бывали в Черной Африке. *Vade retro, Satana!*»³.

Но нет. Мой внешний вид кажется им залогом чистоты моей расы, а заодно и моих намерений. И после того как меня заставили поклясться честью в том, что никогда в жизни я не принимала участия ни в одной радиопередаче, я получаю эту труднодоступную визу.

И вот я на аэродроме Бурже, откуда самолет через какие-нибудь двенадцать часов доставит меня на самый край Африки. Друзья крепко обнимают меня, словно я отправляюсь в лагерь смерти, и, зная мою ужасающую способность, оказавшись в стране, охваченной революционным брожением, тут же забывать о причинах, которые привели меня туда, не устают повторять:

— Главное, пиши. Пиши хоть что-нибудь. Мы все пойдем. Если ты замолчишь, мы сейчас же обратимся во французское посольство. И не делай глупостей. Не улыбайся африканцам. Не вздумай ходить на политические собрания. Ты ведь не интернациональные бригады создавать едешь, а писать статьи.

Хотя мы летим через Браззавиль, в нашем самолете нет африканцев. Большинство пассажиров — француз-

² Алэну Жакобу, представителю газеты «Монд», отказали в визе, так же как группе журналистов из «Сэнк колон а ля юн».

Американским кинематографистам удалось сделать фильм об апартхейде, делая вид, что они снимают бытовые сцены, обычаи зулусов.

³ Изыди, сатана! (лат.)

ские дельцы, которые продают станки Южной Африке. Один из них, приняв меня за богатую наследницу, решившую поразвлечься, разговаривает со мной так, точно зачитывает страницы туристического проспекта:

— Вы правильно поступили, избрав для путешествия эту страну вечного солнца с бескрайними горизонтами. Это настоящая Европа в самом сердце Африки. Обязательно посетите заповедники диких зверей, они живут там на свободе, и не забудьте о водных лыжах на золотых пляжах.

Во время посадки в Солсбери в Южной Родезии на нас уже пахнуло духом Южной Африки: как только самолет приземлился, я увидела в окно африканцев, они работали не разгибая спины под присмотром белого с рыжими волосами, очень похожего на Яна Смита, он выкрикивал какие-то указания, развалившись в качалке.

И еще четыре часа лёта над неким подобием бурой иссохшей пустыни, потом, оставив позади реку Лимпопо, мы оказались в Южно-Африканской Республике.

Нас снова заставляют заполнять какие-то анкеты для полицейских служб. Я забеспокоилась: а вдруг меня все-таки не пустят?

И снова приходится отвечать на глупый вопрос о цвете кожи. Я обращаюсь к своему соседу:

— Что за наваждение!

— Да, — отвечает он, — они такие, — словно речь шла о милых людях, которым свойственна самая что ни на есть безобидная мания.

Стюардесса напоминает мне, что необходимо заполнить анкеты, где спрашивается, не находилась ли я в политическом заключении, не жила ли прежде в одной из африканских стран, а главное, не подвергалась ли осуждению Претории. И еще один любопытный вопрос: на каком иностранном языке вы говорите? Это чтобы проверять письма? Стюардесса добавляет:

— В аэропорту они ужасно дотошные. Если им кто не понравится, они учиняют настоящий допрос.

На что похож Йоханнесбург? Может, и я тоже начну, подобно моему соседу, захлебываясь от умиления, разглагольствовать о самом большом городе Африканского континента с самым высоким жизненным уровнем?

— Вам известно, — говорит он, — что стоимость земельной площади города равняется примерно семидеся-

ти пяти миллиардам франков? Я никогда не видывал подобной роскоши: учреждения, магазины, заводы — все свидетельствует о богатстве и гении белого человека!

Что правда, то правда; после того как пересечешь всю Африку и за одиннадцать тысяч километров от Европы увидишь Йоханнесбург, впечатление это производит потрясающее! Не говоря уже о рудниках под открытым небом и горах золотого песка, сверкающего вокруг города, здесь столько заводских труб, плавильных печей и небоскребов, что на какое-то мгновение начинает казаться, будто Рур и Манхэттен перенесли на земли южнее Конго. А что это там, вдалеке, какое-то странное нагромождение, как будто кладбище машин?

— Да нет, — отвечает стюардесса. — Там живут африканцы. Их набилось в эти лачуги больше семисот тысяч. Ужасно.

Май здесь — это конец осени, и в Йоханнесбурге, расположенном на плато на высоте двух тысяч метров над уровнем моря, в это утро сияет ослепительное солнце снежных гор. В книге по географии я читала, что Трансвааль со своим крупнейшим городом Йоханнесбургом находится на вершине пирамиды, образованной горными цепями, устремляющимися все выше и выше, на юг и восток от тропических побережий Капской провинции и Наталя. Город является центром района Витватерсранд (что значит на языке африкаанс «Хребет живой воды»), где добывалось (и добывается до сих пор) семьдесят процентов мирового золота.

Прежде чем нам позволят ступить на красноватую землю аэропорта Яна Сметса, предстоит еще выдержать небольшую санитарную проверку.

— Есть ли у вас прививки от оспы и желтой лихорадки?

Я говорю своему соседу, что жители Южной Африки, должно быть, самые здоровые люди на свете.

— Да, — отвечает он, — белые. А остальные девять десятых населения живут в ужасных условиях. Постоянно свирепствуют эпидемии, половина детей умирает в раннем возрасте. — И вдруг добавляет: — Вы же знаете, что за народ эти туземцы!

На посадочной площадке за рулем всевозможного паровозного транспорта я вижу только белых. Черным дозволено толкать ручные тележки и дожидаться, стоя

навытяжку, пока кто-нибудь из нас доверит им нести ручную кладь. Почему?

Мой сосед, у которого на все есть готовый ответ, говорит, что это следствие «Job reservation act», по всей видимости, это означает закон о резервировании работы, согласно которому небелым запрещается выполнять любую квалифицированную работу, а также управлять всякого рода машинами с мотором.

— Да это и понятно, — заявляет в заключение мой сосед, — эти люди начисто лишены чувства равновесия.

Обо всем этом знаешь заранее, и все-таки нельзя спокойно отнестись к тому, что есть два выхода. На одном, едва заметном, тесном, написано «Небелые» («Net Blankets» на африкаанс), на другом, широком и свободном, куда нас направляют, потому что мы белые, написано «Только для белых» («Whites only»). Похоже, что французские пассажиры находят это вполне естественным. Представляю себе их вид, если бы, сойдя с поезда где-нибудь в Роморантене, они увидели бы несколько выходов: один, предназначенный для блондинов, другой — для рыжих и третий для тех, у кого голубые глаза...

Вступаю в нескончаемый разговор со своим попутчиком, который, по всей видимости, рад этому, и так, вместе с ним, минуя полицейский контроль. Меня, верно, принимают за его подружку, потому что все вопросы обращены только к нему, на мою же долю достается лишь звучное «Good luck!»⁴ и игривый взгляд.

Носильщики, конечно, африканцы, и им не положено давать на чай. Мой француз тут же поспешил объяснить мне:

— В этой стране ничего нельзя давать банту, который обслуживает вас, чистит вам ботинки или носит ваши чемоданы. Это его долг. И если вы нарушите это правило, вас тут же заметят.

Мы берем такси, за рулем которого сидит белая женщина. Едем по авеню Яна Смэтса, которое ведет в город, минуем богатые кварталы: Бедфорд-Вью, Парктаун... Всюду виллы с бассейнами в глубине огромных цветущих парков, а сколько разных стилей, вкусов, подражаний старине и игры воображения: старинные дома

⁴ Желая удачи (англ.).

в колониальном стиле (можно подумать, что мы в Луизиане), швейцарские шале, бунгало из дерева и стекла, абстракции а ля Бразилиа... Всюду площадки для игры в гольф, кинотеатры под открытым небом.

Город оделся в оранжевый наряд осени, и, глядя на это буйство красок, невольно задаешься вопросом, каким чудом удастся всем этим деревьям и диковинным цветам расцвести на золотосных рудниках.

И всюду: на земле, у порталов, вдоль всей дороги — черные кормилицы с белым ребенком за спиной на африканский лад.

Я глаз не могу оторвать от лавок, возле которых висят огромные мешки с апельсинами и яблоками, их продают здесь десятками килограммов, как у нас картошку. На витринах и окнах многих вилл — железные решетки. Мне почему-то кажется, что центр Йоханнесбурга походит на Нью-Йорк, верно, потому, что я не знаю Нью-Йорка. Мой спутник утверждает, что это скорее похоже на Манчестер или какие-нибудь второразрядные американские города.

Отель «Гран Насьональ», который рекомендовали мне друзья, один из самых старых в городе. Он существовал еще во времена первых поселенцев (искатели золота пили здесь брэнди в баре) и до сих пор сохранил вид старинного салуна.

Хозяева его говорят на ужасающем английском языке, они африканеры. Женщины непомерно толсты и носят на голове невообразимые шиньоны, которые делают их похожими скорее на мадам Помпадур, чем на Бриджит Бардо. Очевидно, здесь в моде пышные розовые женщины: не знаю, как им удастся держаться на высоченных каблуках-гвоздиках, платья выше колен плотно облегают их, а на головах у них любопытнейшие прически в виде небоскребов.

Швейцары и лифтеры здесь — черные, телефонист — метис, а метрдотель — индеец, должно быть, это соответствует закону о резервировании работы.

Жду, пока мне вручат ключ от моей комнаты, и тут происходит один из тех эпизодов, которые обычно, когда читают о них в европейских газетах, принимают за выдумку. Молодой негр бедного, но вполне достойного вида, со шляпой в руке, входит через крутящуюся дверь. Он робко пересекает холл и направляется к одному из

лифтов. Лицо толстого патрона становится попеременно белым, зеленым и, в конце концов, пунцовым, словно глазам его предстало зрелище скандальное, неслыханное, чудовищное. Наконец ему удалось перевести дух и прорычать вопросительно-яростное: Yes?»⁵. Негр обращивается и очень вежливо на безупречном английском языке отвечает, что он ищет работу и что ему сказали, будто для него найдется место на кухне.

Тогда патрон начинает вопить что-то на совершенно непонятном и очень странном языке, напоминающем одновременно кухонный немецкий, выродившийся голландский, отчасти идиш, а в основном какой-то племенной с громким прищелкиванием язык; должно быть, это и есть тот самый знаменитый африкаанс, которым так гордятся буры и который они хотели бы сделать основным языком страны.

Африканец опускает голову и пачинает пятиться к двери.

— Вот видите, — обращается ко мне патрон, — вы еще не знаете их. Эти свиньи думают, что им все позволено (он сказал: «Schwein»⁶). Ему, видите ли, захотелось подняться на лифте, как белому. И когда только мы избавимся от этого сброда?

Иду завтракать. Меня ждет любопытнейшее зрелище. Потомков голландцев — африканеров узнать нетрудно: очень рослые, просто великаны, да и жены под стать им по габаритам, а рядом — старые матери, которых того и гляди хватит удар, и бесчисленная свора ребятишек в возрасте от двух до двадцати лет (реформатская голландская церковь не одобряет, должно быть, противозачаточных средств). На меня оглядываются с удивлением, потому что я пью только чай с двумя тостами. Зато они едят вовсю! За соседним столиком какое-то семейство, к моему величайшему изумлению, поглощает одно блюдо за другим: копченую рыбу, мясо с грибным соусом и, в довершение всего, чай с тостами и вареньем. А ведь сейчас только десять часов утра! В семь часов они, верно, пили свой священный early tea⁷, а в час будут завтракать второй раз, уже по-настоящему.

⁵ Да? (англ.)

⁶ Свинья (нем.).

⁷ Утренний чай (англ.).

Вдруг дверь распахивается, и я испытываю такое чувство, будто передо мной разворачиваются кадры вестерна: словно красавицы былых времен, мать и две дочери в сапогах на высоких каблуках и в кружевных юбках проходят через весь зал, кидая презрительные взгляды в сторону простых смертных, вроде нас, грешных. Они уселись за стол, хлопнули в ладоши, подзывая таким образом метрдотеля-индийца, извлекли неизвестно откуда маленькие револьверы и положили их перед собой. Впоследствии я заметила, что белым оружие продается совершенно свободно, даже детям. А в газетах часто рекламируют разные модели женского оружия: последняя новинка, выпущенная в продажу, прикрепляется к резинкам для чулок.

Всю первую половину дня я разгуливаю по улицам Йоханнесбурга, по сравнению с которым самые большие африканские столицы кажутся глухими деревушками: всюду бетон, прямые, строго распланированные улицы, сверкающие неонами витрины, огромные рекламные щиты. В центре города царит необычайное оживление, здесь расположены административные учреждения, банки, представительства международных компаний и большие магазины, которые все до единого, разве что за небольшим исключением, именуются OK Bazaар.

Там продаются английские и американские товары, а также японские и немецкие, но с недавних пор (какой позор!) начались и поставки из Франции. Всюду полно coffee bar и espresso, точно таких как в Лондоне, чаще всего их содержат итальянцы и греки, эмигрировавшие из Египта, или же португальцы, вынужденные искать здесь прибежища от ангольской и мозамбикской революций. В ресторанах рекламируются обеды за три с половиной франка.

Толпа довольно безобразна. Близится зима, и женщины почитают своим долгом носить меховые шубы (правда, мех здесь стоит очень недорого); мужчин, по всей видимости, мало волнует, как они выглядят: на одних — широченные брюки и толстые спортивные пуловеры, на других — просто вельветовые шорты.

Много американских и английских машин, иногда встречаются «рено» и «пежо» (во время путешествия

по стране мне будет попадаться все больше и больше французских машин), они протискиваются между двухэтажными красными автобусами, напоминая о том, что совсем недавно Южная Африка была доминионном английского королевства.

В основном толпа состоит из белых. Но во время ленча мне приходилось наблюдать любопытнейшее явление: улица словно меняет окраску, белые устремляются из магазинов и контор к своим огромным машинам, торопясь домой или в ресторан, и тысячи черных в рабочих комбинезонах завладевают улицей. Они рассаживаются группами на земле и тротуарах и, опустив ноги в ручей, играют в домино, читают газеты, о чем-то спорят. Некоторые входят в магазины и выходят оттуда с бутербродом, апельсинами и большими картонными бутылками, на которых написано «Пиво банту». Я никак не могу понять, почему они сидят вот так на тротуарах, ведь в кафе, наверное, было бы удобнее? Проверяю надписи на дверях нескольких ресторанов, но нигде не вижу таблички «Только для белых». Обращаюсь за разъяснением к африканской девушке, которая уже давно наблюдает за мной. Сначала она несколько удивилась, потом, уловив по моему акценту, что я нездешняя, ответила:

— Да потому, что весь Йоханнесбург только для белых, и напоминать об этом не следует.

— Как это? — изумилась я. — Наверное, африканцам запрещено посещать определенные места, и все?

— Нет, — отвечает она, — для нас в Йоханнесбурге вообще нет места, нет ни ресторанов, ни кино, ни столовых. Это белая зона.

Я спрашиваю, почему она и ее друзья не сядут, по крайней мере, на скамейку. Она смотрит на меня так, будто я явилась сюда с другой планеты, и говорит:

— Это запрещено.

Да, теперь я и сама замечаю, что на всех скамейках написано «Только для белых». Девушка объясняет мне, что, если кто-нибудь из цветных осмелится сесть на скамью, предназначенную для белых, это сочтут провокацией, за которую полагается наказание: тюремное заключение до трех лет, штраф в 300 фунтов стерлингов (4500 франков) или десять ударов плетью (а то и два наказания сразу).

Продолжаю свою прогулку по улице, вдоль которой расположены склады (кажется, она называется «Гоуд-стрит», что значит на африкаанс «Золотая улица»), фотографирую группу африканцев, они сгрудились вокруг деревянных ящиков, превратив их в игорный стол, и с азартом следят за партией в домино, как вдруг совсем рядом затормозили две машины с антеннами. Вооруженные солдаты выпрыгивают оттуда и, раскидав ногами ящики, выстраивают африканцев одного за другим с поднятыми вверх руками, обыскивают их. Я ошеломлена. Эти люди ничего не сделали, они преспокойно играли. Может, убили кого поблизости? Но тогда почему же не обыскивают всех остальных прохожих и белых мастеров? «Pass», — начинает вопить сержант, как будто эти люди тайком перешли границу, не показав таможенникам своих паспортов. Тогда африканцы с перекошенными лицами поспешно достают из карманов зеленые книжечки. У одного из них ее нет, он забыл пропуск в кармане пиджака. Его немедленно втаскивают в одну из машин. Вскоре за ним следует и другой, на нем нет комбинезона, мастер утверждает, что он не с того предприятия, где работают все остальные.

— Тебе не положено находиться в Йоханнесбурге, — заявляет полицейский, листая его пропуск⁸.

У человека вид загнанного зверя, он поднимает воротник своего плаща и, низко склонив голову, садится в машину.

Как только полицейские уехали, я подхожу к одному из рабочих и прошу показать его пропуск. Он так привык к ежедневному и еженощному контролю, что беспрекословно протягивает его мне. В книжечке около девяноста страниц, на которых строго расписана вся горестная жизнь африканца. Книжечка эта ни в коей мере не похожа на удостоверение личности. Скорее уж на карточку, которую заводят на скотину или преступников. Любой полицейский за пять минут может узнать, из какого резервата явился тот или иной африканец, к какому племени он принадлежит, где ему разрешается проживать, как зовут его хозяина, какую он получает заработную плату, не должен ли он за квартиру и сколь-

⁸ Все африканцы, достигшие шестнадцати лет, независимо от их пола, должны постоянно иметь при себе пропуск. В любое время дня и ночи любой полицейский может его потребовать.

ко раз привлекался к ответственности за нарушение закона о пропусках, занимался ли политической деятельностью... Кроме того, в книжце полно разных подписей, за исключением его собственной: подпись управляющего резерватом, откуда он приехал, начальника бюро по найму рабочей силы, его хозяина, полиции. Мне думается, что африканец в этой стране так или иначе обязательно нарушает не один, так другой закон. Проверка пропусков проходит при полнейшем безразличии со стороны изредка встречающихся на улицах в часы ленча белых прохожих. Впрочем, когда я спрашиваю белого мастера, часто ли повторяются подобные сцены, он отвечает:

— Конечно, ведь у кафров всегда что-нибудь не так.

Тогда я спрашиваю его, а есть ли у него такой же точно пропуск? Он смотрит на меня как на сумасшедшую.

Иду на почту купить марки, это единственное место, где их продают. Некоторое время мне кажется, что я попала в замок Кафки: вход для белых, вход для небелых. Ну, это-то еще куда ни шло. Но ведь потом и те и другие все равно оказываются вместе в одном и том же зале. Как тут быть? В конце концов я кое-как разобралась, что есть окошечки для белых и окошечки для цветных. Точно так же и с ящиками для писем, с автоматами, где продаются марки, и телефонами. У меня голова пошла кругом: столько людей всех цветов кожи, они встречаются друг с другом, расходятся, и все это молча, не говоря ни слова. И вдруг меня охватила паника: а куда же опускают письма (письма белых людей!) мальчишки-посыльные (ведь они-то черные!)? В ящики для белых или для небелых?

Когда после обеда я возвращаюсь в отель, то уже не знаю, что надо и чего не надо делать, хотя обычно я с легкостью приспосабливаюсь к любой обстановке. Сначала я решила ехать на автобусе и только после того, как простояла в очереди добрые четверть часа, заметила, что окружающие с любопытством поглядывают на меня. Это африканцы, и на остановке табличка «Для небелых». Тогда я сажусь в первое попавшееся такси, но шофер отказывается везти меня. Спрашиваю его, в чем дело?

«Мадемуазель, — отвечает он, — вы ведь белая». —

«Ну и что?» — в отчаянии говорю я. — «Вам надо взять такси с белым шофером, — объясняет он очень любезно. — А я черный и должен возить только черных». — «Но почему?» — «Закон о резервировании работы, — отвечает он. — В Йоханнесбурге черные не имеют права работать на такси для белых... А теперь прошу вас выйти, мадемуазель, — добавляет он. — Если полиция увидит нас, вас оштрафуют, а меня посадят в тюрьму».

В конце концов я пошла пешком, успокаивая себя, что тротуар-то уж принадлежит всем. Африканцы, которые попадаются мне навстречу, как правило, бедно, но вполне прилично одеты. И если одежда у них зачастую старенькая, зато очень чистая, одеваются они с большой тщательностью. На мужчинах широкие плащи, на голове они носят котелки и почти все курят трубку. А так как многие из них в очках (свидетельство того, что они читают), их вполне можно принять за интеллектуалов, окончивших английский университет.

Женщины очень похожи на знаменитую певицу Мариам Макебу: тонкое лицо с выступающими скулами, цветной берет, кокетливо надвинутый на лоб, строгая юбка и свитер, подчеркивающий их стройную фигуру, — все это придает им вид школьниц. Вообще африканцы по сравнению с бурами кажутся аристократами.

Открываю окно в ванной комнате у себя в номере, и глазам моим предстанет любопытное зрелище. Задняя стена отеля выходит на пустырь, там полным-полно африканцев, часами стоят они в бесконечно петляющей очереди. Время от времени появляется автобус и уходит, битком набитый пассажирами, а очередь все такая же длинная.

Я запомнила одну женщину и подсчитала, что она прождала в очереди два с четвертью часа, прежде чем ей удалось сесть в переполненный автобус. Я спрашиваю одного из служащих, моющего пол на лестничной площадке, почему люди стоят так долго в очереди. Он объясняет, что это задний двор центрального вокзала. Отсюда отходят автобусы на Совето и Александру. Есть и поезда, но не все могут на них ездить, линий не так много. Он рассказывает мне, что эти две локации (townships), как здесь говорят, находятся более чем в сорока километрах от Йоханнесбурга, и некоторым при-

ходится тратить часов по шесть на проезд туда и обратно, причем каждый день.

— Шесть часов, чтобы проехать двадцать миль?

— Да, мадемуазель, — отвечает он, показывая на хвост, — ведь по несколько часов приходится ждать автобуса или поезда. А когда приезжаешь в Совето, надо еще долго идти пешком. Там есть несколько локаций, они идут одна за другой, и, говорят, народа там живет в два раза больше, чем в Йоханнесбурге, а станций очень мало. Мне, например, приходится выходить в три часа утра.

Я спрашиваю его, почему он не живет в Йоханнесбурге.

— Вам приходится ездить в Совето из-за семьи?

— Нет, — отвечает он, — я несемейный, моя жена и дети живут в резервате Транскей (позже я узнаю, что для африканца быть «несемейным» означает не иметь права жить вместе со своей женой). Дело в том, что в Йоханнесбурге нет места для банту. Туземцам не положено жить здесь. «А у вашего хозяина?» — «Тоже нельзя». — «Почему?» Он помолчал, потом сказал:

— Не знаю, это недавно ввели. Говорят, новый закон запрещает белому боссу держать у себя дома больше одного боя. Остальные обязаны возвращаться на ночь в локацию, отведенную для туземцев. Говорят, будто это сделали для того, чтобы нам было удобнее спать у себя дома.

— А где вы спите?

— В казарме для несемейных. Таков закон.

Звоню девушке по имени Пат, двоюродной сестре одного моего лондонского знакомого.

— Политикой не занимается, — предупредил он меня, — но девушка она хорошая, очень честная, весьма распространенный тип для тамошней английской среды.

Она заехала за мной на машине вместе со своим женихом Полем, студентом-медиком. Сегодня суббота, и потому они в спортивных костюмах, таков здесь обычай. Они как-то странно поглядывают на меня. По телефону я отрекомендовалась студенткой, изучаю, мол, социологию и приехала в Южную Африку на каникулы. Пат

молча ведет машину. Но в конце концов не выдерживает и с беспокойством спрашивает меня:

— Надеюсь, вы не журналистка?

Вопрос, а еще более тот драматический тон, каким он был задан, удивили меня.

— Видите ли, — пытается объяснить Пат, — если вы журналистка, это опасно для нас. Сейчас собираются принять новый закон, по которому будут наказывать людей, информирующих некоторые газеты и иностранные радиостанции.

И так как я улыбаюсь, Поль добавляет:

— Журналисты у нас подвергаются большой опасности. Власти ни перед чем не останавливаются, они могут арестовать и даже пытаться журналистов, лишь бы дознаться, не связаны ли те каким-нибудь образом с освободительным движением. Один раз арестовали англичанина. Даже консулу и тому не дали с ним свидания.

Я стараюсь успокоить его и обещаю, что не доставлю им хлопот. Он нервно курит и произносит отрывисто:

— Ах, да что там говорить, им никакого закона не надо. И так уже арестовывают, кого хотят и когда хотят, без всякого ордера на арест и без малейшего повода для обвинения, ни за что ни про что, без суда и следствия можно проторчать в тюрьме несколько месяцев. Достаточно, если вы просто знакомы с кем-нибудь, кто высказался против апартхеида, слишком часто встречаетесь с индийцами или африканцами.

Вскоре я заметила, что они то и дело оглядываются назад.

— Что-нибудь случилось? — спрашиваю я.

— Да нет, — отвечает Пат, — просто в конце концов и сам становишься ненормальным, так и кажется, что за тобой гонится полиция.

— Но ведь вы же ничего не делаете против правительства, — говорю я, — и не состоите ни в какой нелегальной организации.

Да, ни Пат, ни Поль не занимаются политикой, но их считают либералами.

— А все потому, что мы евреи⁹, и еще потому, что у

⁹ Евреи появились в стране в XIX в. В дальнейшем многие приехали сюда, спасаясь от нацизма.

нас есть друг индеец. А для африканеров этого достаточно, вот они и не доверяют нам, — рассказывает Пат.

Мы выехали за черту города, за окном мелькают прекрасные усадьбы.

— Поехали в маленький загородный ресторанчик, — говорит Поль, — там нам будет спокойнее, и мы сможем поговорить.

Устроившись в удобных креслах возле самого бассейна, мы заказали бренди. Всякий раз, как приближается кто-нибудь из официантов-африканцев, спутники мои понижают голоса.

— Туземцев вдвойне следует опасаться, они иногда работают на политическую полицию, Особый отдел, — тихо говорит Поль.

Он разворачивает «Ди Трансвалер», ежедневную газету на африкаанс, рупор премьер-министра Фервурда. Я рассматриваю карикатуру, изображающую тучного господина с крючковатым носом, он пригоршнями кидает драгоценные камни и золото на корабль, отплывающий в Англию. Тучного господина зовут Хогенгеймер. Пат утверждает, что это выпад против Гарри Оппенгеймера, президента «Англо-Американ корпорейшн», самого могущественного горнорудного концерна в Южной Африке, владения которого простираются вплоть до Танзании. Отец Гарри Оппенгеймера говорил по-английски с сильным еврейским акцентом.

— Антисемитизм становится все более заметен, — рассказывают мои спутники. — Правда, сейчас у правительства слишком много забот с африканцами, чтобы вдобавок еще заняться открытой травлей евреев, но до этого дойдет. Ведь Форстер, Фервурд да и другие министры — известные нацисты, во время войны они поддерживали Гитлера. Химстра, командующий теперь вооруженными силами Южной Африки, во время войны отказался сражаться с немцами, заявив, что «совесть не позволяет ему этого делать». Можно подумать, что мы в Германии тридцатых годов. В правительственных кругах непрестанно твердят о том, что саботажники, коммунисты, одним словом, все, кто помогает африканцам, — евреи, потому что многие из них замешаны в политических процессах последних лет. Да оно и понятно: против апартхеида выступают студенты и вообще интеллигенция, а среди них много евреев.

— А в основе всего, — добавляет Пат, — конечно, экономическая борьба. С тех пор как в 1948 г. африканеры пришли к власти, они не хотят больше оставаться только фермерами. И пытаются стать капиталистами, так что у них с англичанами борьба идет не на живот, а на смерть за контроль над всей экономикой Южной Африки. Английский империализм, от которого африканеры хотят избавиться, по-прежнему остается для них «иудейско-британским» империализмом, как говаривал в свое время Малан. Старая песня: евреев обвиняют в космополитизме, в отсутствии гражданской привязанности к своей родине, говорят, что кошелек их на лондонской бирже, а сердце — в Тель-Авиве.

Расспрашиваю, как реагируют на это здешние евреи.

— Они только и мечтают о том, как бы уехать, — говорит Пат. — Всю либерально настроенную интеллигенцию, которую еще не успели посадить под арест, выслали за границу, а есть и такие, что сами уехали, причем вернуться они не могут, в их паспорте нет обратной визы. Остальные же — коммерсанты, промышленники — собираются в Израиль. — Помолчав, она добавила: — Нам тоже придется уехать. Мы оказались между двух огней: с одной стороны, в такой обстановке жить стало невозможно, а с другой, — мы боимся революции. От черных ничего хорошего ждать нельзя. Если революция и в самом деле начнется, все будет ужасно, вряд ли африканцы станут разбираться, кто из нас либерал, а кто — расист. Может, это и малодушие с нашей стороны, но другого выхода нет. Потом, когда здесь будет создано африканское государство, мы вернемся в качестве специалистов (она улыбается). А пока мне вовсе не хочется до конца своих дней просидеть здесь в тюрьме, ведь борьба африканцев не касается меня непосредственно.

Точно так же думают и родители Пат, у которых мы все вместе обедаем.

— Евреям лучше ни во что не вмешиваться, а не то нас выгонят. Страна нам нравится. Зачем же совать свой нос, куда не следует? Ведь это касается только африканцев и буров.

Выслушав точку зрения этой маленькой группы людей, я подумала, что поведение евреев отражает довольно двусмысленную позицию Израиля, который, осуждая апартхейд в официальных заявлениях, на деле, точно

так же как и США, поддерживает торговые отношения с Южной Африкой и даже помогает ей бороться с экономическим бойкотом. Так, например, он продает африканским странам южно-африканскую продукцию. В Гане можно купить южно-африканские сигареты Peter Stewerzand или Rothmans будто бы израильского производства.

— Надо уезжать, — говорит Пат. — А жаль, это прекрасная страна, и мы родились здесь. — Потом спрашивает меня: — А как было в Алжире? Европейцы и евреи остались там после завоевания независимости?

Я отвечаю, что это зависело от их поведения во время освободительной войны. Я знала евреев, которые сидели в тюрьме за помощь Фронту национального освобождения. Они остались в Алжире. Пат говорит, что здесь такого не может быть. Теперь уже слишком поздно, белые не смогут тут остаться. Слишком поздно, и ничего нельзя изменить. А если начнется война, то это будет безжалостная, расовая война.

Поль учится в университете Йоханнесбурга, который обычно называют ВИТС (Витватерсрандский университет). Там преподают на английском языке, а в Претории, расположенной в ста пятидесяти километрах отсюда, занятия ведутся на африкаанс. Поль рассказывает, что власти считают ВИТС, так же как и английские университеты в Кейптауне и Питермарицбурге, рассадниками революционной пропаганды, возможно потому, что студенты там почти все состоят в НЮСАС — Национальном союзе южно-африканских студентов (National Union of South African Students) организации, которая борется в университетах против апартхеида.

Он объясняет, что с принятием в 1953 г. Закона об образовании для банту — расистского закона, передавшего дело образования африканцев в ведение министерства по делам туземцев, в университетах стала проводиться строгая сегрегация (а между тем университеты в Южной Африке наделены автономией и живут по своим законам). Так что теперь, за исключением редких случаев, в больших университетах обучаются только белые.

Так как единственный университет для индийцев расположен в Натале, в Витватерсрандском университете продолжают обучаться несколько индийских студентов.

— Но вряд ли они смогут учиться здесь дальше, — говорит в заключение Поль. Он предлагает встретиться с одним из его друзей в клубе на медицинском факультете.

ВИТС, огромный комплекс современных зданий, окруженный садами и спортивными площадками, мало похож на наши бедные университеты. Роскошь там неслыханная. Многие студенты приезжают на спортивных автомобилях, девушки очень элегантно одеты. Пат говорит, что главная их цель — найти здесь себе мужа.

Постоянно открыты два банка, плавательные бассейны (с неизменными табличками «Только для белых») и множество кафе.

Клуб медицинского факультета представляет собой длинную комнату, похожую на английский бар. Около двадцати юношей в белых халатах развалились в креслах: одни играют в бридж, другие в покер, потягивая с унылым видом пиво и бренди.

Друг Поля сидит в углу один. Никто с ним не разговаривает. Его темная кожа и необычайно тонкие черты лица свидетельствуют о его индийском происхождении. Мы садимся рядом с ним. На нас тут же устремляются враждебные взгляды.

Я слушаю разговоры вокруг. Говорят о вечеринке, которая состоится сегодня у одного из студентов, он живет в Парк-Норт (просьба захватить купальники: вода в бассейне подогревается), об экскурсии на маленький островок у берегов Мозамбика, там великолепная подводная охота, и о путешествиях в Англию или США. Ни слова о политике или хотя бы студенческом профсоюзном движении.

Поль представил меня, сказав, что я из Сорбонны. Тут же послышались насмешки:

— Так вы из французских революционеров? Что ж, можете порассказать у себя, что южно-африканские студенты не такие уж скверные, как о них говорят. Ну разумеется, мы не бог весть что делаем. Но в конце концов, мы же белые.

Парень, который произнес эту тираду, отнюдь не шутит. Сомнений нет, это провокация.

Спрашиваю, почему он так агрессивен.

— Ах, да все вы одинаковы, — говорит он в ответ. — Все, кто приезжает из Европы, против нас. Вернетесь

к себе и начнете рассказывать, что мы истязаем черных, что они подышают на улицах, в то время как мы утопаем в роскоши и предаемся порокам.

Друзья аплодируют ему. Тогда я предлагаю поговорить всерьез.

— Не стоит, — отвечает он скорбным тоном. — Весь мир против нас.

Гулан, индийский юноша, поднимается и говорит, что нам лучше уйти.

Мы прогуливаемся по территории университета, проходим мимо спортивной площадки, где две команды оспаривают первенство в футбольном матче.

— Давайте сядем на траву и поболтаем, а заодно и матч посмотрим.

— Нельзя, — говорит Гулан. — С этого года апартеид распространяется и на спорт, и на спектакли тоже. Уже давно люди разных национальностей не могут вместе участвовать в соревнованиях, а теперь они даже и смотреть на них вместе не имеют права. Вам можно смотреть матч, а мне — нет. Мне разрешается посещать площадку, отведенную для африканцев.

И тут я замечаю нескольких африканцев, сидящих на барьерах стадиона.

— А-а, это университетская прислуга — объясняет Пат. — Все делают вид, будто не замечают их. Но если бы явилась полиция, то могла бы арестовать и африканцев, и тех, кто пустил их.

Вечером перед нами возникает все та же проблема. Мы собирались поужинать в ресторане. Но если мы выберем ресторан для белых, Гулан не сможет с нами пойти, а если мы вместе с ним отправимся в индийский ресторан, то тогда мы нарушим закон. Я за то, чтобы пойти в индийский ресторан, каковы бы ни были последствия.

— В конце концов, я иностранка и не обязана всего этого знать.

— Зато мы обязаны, — говорит Гулан. — У нас тут же начнутся неприятности. Да и вас сразу возьмут на заметку. Туристы никогда этого не делают.

Подумав, он пригласил нас поужинать к себе домой.

— Надо только постараться не привлекать внимания, чтобы нас не заметили, — добавил он мягко.

— И речи быть не может, — заявляет Пат, — ты жи-

вешь в зоне для индийцев, мы не имеем права находиться там после наступления темноты.

Я спрашиваю, что это еще за зона. И Гулан рассказывает, что после принятия в 1950 г. так называемого Закона о расселении по группам (Group Areas Act) всю страну поделили на различные зоны, предназначенные для людей разных национальностей. Для тех, кто считается неевропейцами (индийцы, метисы, африканцы), созданы некие подобия гетто. Всех индийцев, в том числе и тех, у кого были собственные дома или лавки в городе, перевели в специальные зоны, расположенные за чертой жительства белых.

Пат не в восторге от перспективы ужинать в индийской зоне.

— В другой раз, — говорит она.

Тогда я предлагаю пойти в театр. Но и тут та же история. 12 февраля 1965 г. правительство опубликовало постановление «R.2» в дополнение к Закону о расселении по группам, запрещающее человеку одной расы находиться «на любом публичном развлекательном мероприятии, в клубе или месте, где продают прохладительные напитки, в качестве постоянного посетителя или гостя в зоне, отведенной для другой расы». Если кто-нибудь организует спектакль, нарушая при этом данное постановление, ему грозит штраф в размере четырехсот рандов (двух тысяч восьмисот франков) или же тюремное заключение сроком до двух лет.

— И вот вам результат, — рассказывает Польш, — в Южной Африке нет больше культурной жизни. Многим зарубежным артистам отказали в визе за то, что они соглашались выступать лишь перед многонациональной публикой. С той поры как был принят закон о групповых районах, исчезли и такие места, где в согласии жили люди разных национальностей: нет больше и культурных центров, где был, в частности, создан «Kwila», совсем особый южно-африканский джаз, и начали свой творческий путь многие писатели и художники, такие, каких не сыщешь во всей остальной Африке, все это бесследно исчезло.

Об этом же говорит Энтони, студент из Родезии, у которого и закончился наш вечер, после того как мы расстались с Гуланом.

— В этой стране становишься полным идиотом. Чувст-

внешь себя от всего отрезанным. Интересных книг достать невозможно. После того как в 1963 г. был принят закон о публикациях и зрелищных мероприятиях («The publication and entertainments act»), специальная комиссия имеет право «запретить» любую газету, любую книгу или фильм, которые покажутся ей неблагонадежными с точки зрения нравственных устоев и расовой политики страны. А так как все девять членов этой комиссии необразованные люди, случаются вещи невероятные. Да вот, к примеру, злая шутка, которая на деле не является таковой: они наложили запрет на «Красное и черное» Стендаля, решив, что это книга о коммунизме в Африке. Под запретом находятся книги величайших мыслителей. Разумеется, нельзя достать Сартра, не говоря уже о марксистских книгах. Если их найдут у кого-нибудь в библиотеке, владельцу грозит тяжкое наказание вплоть до тюремного заключения. Я изучаю экономику, но не имею права держать марксистских книг по политэкономии. Мне приходится пользоваться учебниками, которые хороши для торговцев, а никак не для экономистов. Как правило, запрещают французские книги, за исключением, например, Моруа. Как вам известно, у нас нет телевидения. Половина белого населения говорит на английском языке и потому пришлось бы показывать телефильмы, подготовленные Би-Би-Си, а Фервурду это кажется подрывной деятельностью. С кинофильмами та же история: кроме плохих американских фильмов ничего не увидишь, правда, в последнее время стали показывать еще и немецкие. Совсем не бывает итальянских фильмов, а о существовании кинофильмов на Востоке тут и вовсе ничего не знают.

Я спрашиваю, что произойдет, если полиция отыщет у кого-нибудь запрещенные книги. Он отвечает, что обычно этого вполне достаточно для ареста и допроса в Особом отделе.

— Многие арестованы по закону о девяноста днях, а все потому, что Особый отдел, который имеет право производить обыск в любое время без всякого ордера, наткнулся на одну или две «подозрительные» книги. Очень часто, как это было, например, во время «процесса демократов», запрещенные книги служили уликой и в результате были вынесены тяжкие приговоры.

Вот уже несколько раз я слышу это выражение

«90 дней», что же это такое? Энтони объясняет, что это так называемый закон «без следствия», дающий право каждому полицейскому без всякого ордера арестовать любого человека, подозреваемого в том, что он совершил или собирается совершить политическое преступление, а также того, кто может сообщить сведения о политическом преступлении. Таких людей ссылают и держат в одиночном заключении в течение девяноста дней, причем срок этот возобновляется до бесконечности, и для этого не требуется никакого конкретного обвинения. С 1963 г. сотни ни в чем не повинных людей стали жертвой этого закона. Утверждают, будто бы Форстер, бывший тогда министром юстиции, заявил: «В нашей власти продержат человека взаперти всю жизнь».

Я увидела, как Энтони положил подушку на телефон. Заметив мое удивление, он сказал, что полиция нашла способ подслушивать разговоры даже тогда, когда люди говорят не по телефону.

— Если бы вы только знали, сколько людей попало на этом. Микрофоны ставят повсюду: в машинах, служебных помещениях, с ума можно сойти от этого. Главное, найти предлог, чтобы посадить кого-нибудь в одиночное заключение на несколько недель. Обычно такой человек не может вынести пыток и что-нибудь да скажет. Хоть самую ничтожную малость. Даст свидетельство, пусть ложное, но это позволит арестовать кого-то еще, кто знает больше. И так, в конце концов, им удастся схватить людей, которые играют важную роль в борьбе против апартхеида. А знаете ли вы, что любой начальник почтового отделения имеет право вскрыть и конфисковать по своей собственной инициативе письмо, которое покажется ему подозрительным или имеющим отношение к политике?

Пат не любит таких разговоров. И все время смотрит на часы. В конце концов, она уходит и уводит своего жениха.

— Пат симпатичная, — говорит Энтони. — Но она играет на руку правительству. Всего боится. А им только того и надо. Странно, что она привела вас ко мне. Обычно она избегает приходить сюда. И по-своему права: если в один прекрасный день полиция заподозрит меня в том, что я занимаюсь политикой, ее вместе с женихом тоже могут арестовать, просто «как свидетелей»,

чтобы выведать сведения обо мне. А это риск. Готовится новый закон, по которому можно будет держать под арестом сроком до шести месяцев (180 дней) любое лицо, которое может быть использовано государством в качестве свидетеля на суде. Так кого угодно доконают.

Я немного удивлена, что Энтони, не зная меня толком, говорит так откровенно. Но потом я пойму, что это очень серьезный парень, которому полностью можно доверять. К тому же у него не южно-африканское гражданство; как и многие другие студенты ВИТСа, он родом из Родезии и, вероятно, потому чувствует себя в относительной безопасности.

Энтони рассказывает, что главная задача закона о свидетелях заключается в том, чтобы дознаться, где скрывается Абрахам Фишер.

— Этот удивительный человек — один из самых известных адвокатов в стране, — говорит он. — Член Коммунистической партии вплоть до самого момента ее запрещения, затем адвокат африканских лидеров, он ушел в подполье, чтобы продолжать борьбу, после того как были уничтожены многие подпольные организации сопротивления. А главное, африканеров бесит то, что Фишер, несмотря на все разговоры по этому поводу, вовсе не еврей, он принадлежит к одному из самых известных семейств буров. Дед его был министром в правительстве Оранжевого Свободного Государства. Для них это ужасно: если сами африканеры становятся коммунистами, чем же все это кончится? ¹⁰

Энтони провожает меня до отеля. На улицах пустынно, ни души и очень мало машин, лишь сторожа-африканцы с огромными дубинками в руках охраняют двери домов, пытаясь согреться у самодельных жаровен. Я замечаю, что в ночном Йоханнесбурге нет полицейских постов.

— Во-первых, — объясняет Энтони, — на ночь в Йоханнесбурге остаются только белые, зачем же посты?

¹⁰ Фишера арестовали два месяца назад, после десятимесячной подпольной работы. Ему грозит смертная казнь, ибо его обвиняют в подрывной деятельности и в стремлении свергнуть правительство насильственным путем, с тем чтобы установить «диктатуру пролетариата». Фишер отказывается признать себя виновным, так как он борется только против апартхеда.

Да и потом три четверти полицейских из четырех тысяч, которые насчитываются в стране, заняты политической слежкой. Наверное поэтому в Йоханнесбурге совершается больше краж и преступлений, чем в любом другом городе мира. На прошлой неделе в моем квартале убили пятерых людей. Зато в Совето или Александре каждую ночь облавы: три месяца назад в целях «оздоровления Йоханнесбурга» за одну только ночь было арестовано семнадцать тысяч африканцев. Полиции помогали тысячи вооруженных белых граждан. Три четверти африканцев осудили за ничтожную провинность: обычная история — нет пропуска.

Энтони повторяет то, что уже рассказывал мне коридорный в отеле. После принятия закона «об одной служанке», более полумиллиона слуг должны были покинуть комнаты, которые они занимали у своих хозяев, и каждый вечер отправляться в локации¹¹.

Это совершенно невыносимо: пригородные поезда и без того перегружены, а теперь еще этот наплыв пассажиров... Прислугу расселили в казармах для так называемых «несемейных», они живут в чудовищной тесноте. Так что все это только предлог, на деле же власти хотели, чтобы на ночь в городе оставались одни только белые. Боятся африканцев.

Воскресенье в Южной Африке. Город кажется мертвым. Делать абсолютно нечего. Магазины, бары, рестораны — все закрыто. Спектакли по случаю воскресенья тоже запрещены.

Энтони и его молодая жена заехали за мной и пригласили провести этот день с ними, они рассказывают, что большинство верующих в Южной Африке принадлежит к голландским реформатским церквям. У одной из них, *Nederduits Gereformeerde Kerk*, насчитывается около двух миллионов приверженцев, причем более миллиона — белые, остальные — метисы и африканцы.

— Могущество этой церкви беспредельно, — говорит Энтони. — Влияние ее подобно тому, которое оказывала

¹¹ Только во время одной из ночных облав в Йоханнесбурге было арестовано девятьсот африканцев. Им предъявлено обвинение в нанесении «оскорбления» правительству, выразившееся в том, что они остались ночевать у своих хозяев.

католическая церковь в средневековой Испании. Именно она дала обоснование апартхейду с религиозной точки зрения: негры — дети Ханаана, на которых лежит проклятие. А африканер — сын господ бога, сын расы избранных.

Жена Энтони — англичанка, она рассказывает, что протестантская церковь ее страны, так же как и католическая, выступает против апартхейда, считая его противным духу христианства:

— Голландские реформатские церкви не только изо всех сил поддерживают расистскую политику правительства, они отлучают от церкви церковнослужителей, отказывающихся проповедовать сегрегацию в своих приходах. В мае 1951 г. конгресс, созванный в Блумфонтейне, определил основные принципы своей кальвинистской политики. Согласно этим принципам, государство — творение бога и его беспредельной доброты, а власть является собой божью милость. В профсоюзах нет никакой необходимости, ибо государство само охраняет интересы трудящихся. Притязание на право голоса — мятеж против самого господ бога. Одна из статей, принятых на этом конгрессе, начиналась так: «Право христианского голоса — проявление совести и сознания своего долга, и потому такое право может принадлежать лишь тем, кто достиг зрелости в понимании ответственности перед лицом господ бога». (У африканцев, разумеется, такой зрелости никак не может быть.) Союзник церкви — тайное общество Брудербонд («Союз братьев»), нечто вроде ку-клукс-клана, членами которого являются даже министры, стоящие во главе Националистической партии, а следовательно, и всей страны. Церковь ведет борьбу «за единую христианско-кальвинистскую республику африканеров, которая в ответе лишь перед самим господом богом». Врагами ее являются британцы, евреи, ну и, конечно, черные¹².

Напротив моего отеля — церковь. Не знаю, какому богу в ней служат, но сегрегация там проводится неукоснительно: на утреннюю мессу ходят только белые, на одиннадцатичасовую — нарядные черные женщины с

¹² Реформатскую церковь Южной Африки исключили из Всемирного совета реформатских церквей.

детьми. Я заглядываю туда и слышу, как пастор разглагольствует на африкаанс о том, что ни в коем случае не следует забывать о существовании ада.

Говорят, добиться разрешения на посещение золотых и алмазных рудников необычайно трудно. Всемогущая Горная палата Трансвааля, основанная в 1889 г. и объединяющая большинство рудников в Ранде¹³, чрезвычайно неохотно выдает пропуска якобы потому, что рудники слишком глубоки и людям непривычным приходится там трудно.

— В действительности же, — рассказывает Энтони, — дирекция не хочет, чтобы посторонние видели, в каких ужасных условиях живут и работают горняки.

Зато по воскресным дням на специально оборудованных площадках возле компаундов — барачных лагерей, где живут рудокопы, — для туристов организуются так называемые танцы рудокопов. Друзья предлагают съездить туда. Нас предупреждают, будто бы белых зрителей там не очень любят, говорят, что «танцы эти возникли стихийно и служат развлечением для самих горняков-банту».

Автобус объезжает все большие отели Йоханнесбурга и, набрав нужное число туристов, за два ранда отвозит их на один из рудников.

В нашем автобусе больше всего американцев и португальцев из Мозамбика, правда, есть еще несколько французов и итальянцев, все деловые люди вроде молоденького представителя ЭНИ¹⁴, который перебрался сюда из Гапы, надеясь, как и там, внедрить в Южной Африке итальянские бензоколонки и победить таким образом ТОТАЛЬ¹⁵.

Общество наше, увешанное всевозможными камерами, магнитофонами и прочими записывающими аппаратами, пребывает в состоянии крайнего возбуждения, нам кажется, будто мы направляемся в самое сердце джунглей.

По краям дороги, ведущей за город, высятся буро-

¹³ Распространенное сокращение от Витватерсранд.— *Прим. перев.*

¹⁴ Итальянская нефтяная компания.— *Прим. перев.*

¹⁵ Французская нефтяная компания.— *Прим. перев.*

вые вышки, отливающие на солнце золотисто-медовым цветом.

Возле первых рудников, мимо которых мы проезжаем, виднеются пресловутые барачные лагеря. Длинные одноэтажные строения из серого камня, полное отсутствие зелени, колючая проволока, полицейские у дверей — все это напоминает мне Освенцим. Не хватает лишь знаменитой фразы вверху, на воротах: «Труд делает свободным».

На рудниках Ранда работает более пятисот тысяч африканцев. Но ненасытной Горной палате все мало, она набирает рабочих и за пределами Южной Африки. В частности, в Мозамбике и других португальских колониях, где африканцы, спасаясь от принудительных работ на помещичьих кофейных плантациях, соглашались на любые условия агентов по вербовке, ни в чем не уступающих настоящим работоторговцам.

— А португальскому правительству это выгодно, — рассказывает Энтони. — Ему причитается сорок четыре шиллинга за каждого завербованного африканца. Такое соглашение было подписано еще в 1928 г. между Горной палатой и колониальными властями Мозамбика. А теперь к тому же в результате поправок, внесенных в этот договор в 1936, 1940 и 1962 годах, пятьдесят четыре с половиной процента заморских товаров, поступающих в Йоханнесбург, обязательно проходит через мозамбикский порт Лоренсу-Маркиш.

— Вам известно, почему все африканцы хотят работать на рудниках? — вопрошает наш гид с громким смехом. — Чтобы женщины поверили в их мужскую силу. Прежде, для того чтобы вызвать любовь женщины, требовалось убить льва, теперь достаточно просто работать на руднике. Они зарабатывают столько денег, что через год уже могут купить себе нескольких жен.

Я не раз еще столкнусь в Южной Африке с этой навязчивой идеей белых относительно мужской силы африканцев.

Спрашиваю гида, часты ли несчастные случаи на рудниках.

— Их вообще не бывает, — заявляет он. — Это идеально чистая работа. Не то что в шахтах, где добывают уголь.

Энтони шепчет, что согласно статистике, приведенной

в отчете Горной палаты, с начала века сорок тысяч рудокопов погибло на рудниках во время взрывов. Кроме того, полагают, что более восьмисот шахтеров умирает ежегодно от септицемии. Основная причина несчастных случаев — расистская политика, в результате которой африканцы лишены возможности приобретать необходимый опыт.

— Что же касается белых, — добавляет он, — то их продвижение по службе определяется отнюдь не профессиональными качествами, а всего лишь цветом их кожи. Да и какое значение имеет для белого смерть какого-то там боя?

Всеми рудниками по существу владеют семь финансовых групп. Впрочем, они же контролируют и экономику всей страны с помощью банков, страховых, промышленных и торговых компаний. Наиболее крупными горнорудными компаниями являются «Англо-Америкен корпорейшн», принадлежащая Гарри Оппенгеймеру, который владеет также «Де Беерс Консолидейтед», концерном, контролирующим чуть ли не весь алмазный рынок в мире, «Консолидейтед Голдфилдс», основанная Сесилем Родсом, «Сентрал Майнинг энд Инвестментс», «Англо-Трансваал», «Юнион Инкорпорейтед» и «Йоханнесбург Консолидейтед Инвестментс». Они контролируются английским и американским капиталом. Но после 1948 г. африканеры тоже завладели несколькими рудниками, такими, например, как «Федерал Мейнбоу».

Рудник, на который мы едем, принадлежит «Сити лимитед», он существует с 1899 г., там занято восемь тысяч горняков и добывается триста тысяч унций золота в год. Об этом рассказывает наш гид.

Танцы происходили не в самом лагере, а на специально отведенной площадке. Нас предупреждали, что танцы — развлечение для горняков, а потому наше присутствие здесь будто бы не очень желательно. На самом же деле собрались одни только белые с ребятишками. И лишь в уголке, отгороженная от остальной части публики железной решеткой, — небольшая группа африканцев.

А наверху, над скамьями амфитеатра, с той стороны, где сидят африканцы, — невероятное количество черных полицейских, вооруженных огромными дубинками. Говорят, они там затем, чтобы не допускать рудокопов,

которые не участвуют в танцах, близко к площадке. А таких, верно, много, их приглушенные голоса доносятся до нас, словно могучее дыхание океана.

Спектакль уже начался. Предусмотрено более двадцати девяти танцев, которые исполняются представителями различных племен страны.

Принимать участие в танцах разрешается только самым крепким на вид. Не знаю, что побуждает африканцев соглашаться выставлять себя напоказ перед белыми. Удовольствия, во всяком случае, они от этого не получают, танцуют с явной неохотой и нередко усаживаются прямо посреди площадки на землю, скрестив руки на груди. Тогда белые в котелках (по всей видимости надсмотрщики) подгоняют их, выкрикивая что-то на африкаанс или на языках африканских народов.

Полуобнаженные рудокопы выряжены ни с чем не подобно, как утверждают мои друзья: у одних на голове перья, на других — шкуры убитых зверей, на некоторых — цветные майки, которые делают их похожими на футболистов.

На мой взгляд, спектакли эти преследуют одну единственную цель: унижить африканцев, заставить их в виде пародии изображать перед белыми то, что для них имеет какой-то определенный смысл.

Белые шумно и смачно хохочут, воистину «цивилизованная» публика. Меня охватывает такое чувство, будто это мы, белые, за железной решеткой в клетке, мы — дикие люди с примитивным складом ума, это чувство не раз вернется ко мне впоследствии.

Я задыхаюсь. Где-то сзади, за ареной, слышится рокот тамтамов: вот куда надо было пойти. Светловолосый мальчик кричит своей матери: «Он с ума сошел!». Оказывается, негр-великан, загримированный слегка под шамана, начал изображать перед ним с нескрываемой иронией и юмором, как работает рудокоп напоказ перед белыми.

Объявляется перерыв, дабы предоставить нам возможность насладиться чаем с молоком. «Туземцам запрещено давать деньги», — предупредили нас. За чаем я встретила с другими французами. Поговорили, самая обыкновенная беседа: «Какая чудесная страна! Будем надеяться, что Франция не поскупится на инвестиции. Какая перспектива для торговли! Надо вытес-

нить американцев и англичан. С этими банту они, пожалуй, перестарались. Но тоже, ничего не скажешь, надежный метод. Неизвестно, к чему привела бы иная политика, вспомните хотя бы Конго. Вот и в Алжире надо было сделать то же самое. Тогда ничего и не случилось бы. Ох, уж эти черномазые», и т. д.

Снова начались танцы, но я не хочу возвращаться туда; побродив вокруг, подхожу к горнякам, сидящим на траве. Полицейские пытаются вернуть меня назад, утверждая, что речь идет о моей собственной безопасности. Я отвечаю на очень скверном английском языке, что хочу сделать несколько фотографий, и они разрешают мне подойти поближе.

Эта толпа не имеет ничего общего с теми горняками, которых отобрали напоказ в спектакле: изможденные люди с серыми от усталости лицами, с полными тупого смирения глазами. Почти все они босы, а между тем день сегодня холодный. Одни из них набросили на себя слишком длинные походные плащи, скрывающие их тощие ноги, другие укрылись дырявым брезентом, но на большинстве нет никакой одежды, одни обветшалые лоскутья, похожие на мешки из-под картошки, прикрывают их темную кожу.

Они с вежливым и печальным удивлением расступаются при моем приближении. Но ни единого враждебного взгляда, одно лишь изумление. Я хотела поговорить с ними, но едва я приблизилась ко входу в лагерь, как путь мне преградил белый полицейский: «Мадемуазель, это очень опасно. Не советую вам этого делать».

Возвращаюсь назад, а в это время черные полицейские, не замедлив пустить в ход дубинки, загоняют горняков обратно в лагерь.

Энтони, у которого оказались знакомые в пресс-центре Горной палаты, раздобыл мне пропуск на рудники.

На рассвете мы отправляемся на тот же самый рудник. Нас уверяют, что покажут нам все, но на деле мы увидели лишь штреки, где обучают африканцев, прибывших из резерватов.

Когда мы приехали на рудник, где стояли роскошные автомобили белых рабочих, уровень жизни кото-

рых, как, впрочем, и всей остальной части белого пролетариата Южной Африки, занимает второе место в мире после США, нас взял на попечение инженер, по происхождению шотландец. Гостей наряжают горняками (белыми, разумеется): яркая чистая брезентовая накидка, сапоги, сверкающие каски. Горняки-африканцы, как правило, одеты в лохмотья, потому что, как мне сказали, им самим приходится покупать себе рабочую одежду. Самые дешевые сапоги стоят два с половиной фунта стерлингов (сорок франков), т. е. половину месячного заработка черного рабочего; брюки — два фунта восемь шиллингов.

У подножия металлической башни, возвышающейся над шахтой, африканцы ждут своей смены. Бригады подбираются по племенному признаку: основа основ апартхейда и незыблемая убежденность африканеров состоят в том, что негры различных племен не ладят друг с другом, хотя это, большей частью, неправда. Такой метод подбора бригад получил широчайшее распространение, его цель — воспрепятствовать зарождению национального самосознания у африканцев.

Прежде чем войти в темную и сырую железную клетку, которая опустит нас на дно шахты, мои спутники, переодетые горняками, вовсю позируют перед фотоаппаратом, не обращая внимания на снисходительные улыбки африканцев и босс-боя¹⁶ с удивительным обезьяноподобным лицом. Рядом со мной оказались директор отделения фирмы «Рено», обслуживающего этот район Африки, «не то чтобы расист, но...», и темнокожий египтянин, принявший христианство. Он без умолку все говорит и говорит по-французски, решив, видно, доконать меня своими фашистскими и расистскими бреднями.

Наконец мы спускаемся с молниеносной быстротой. Болят уши, дыхание перехватывает, голова горит. Золотые шахты — самые глубокие в мире. Внизу одна девушка из нашей группы упала в обморок, босс-бой едва успел подхватить ее. Бедняга не знает, как ему быть, подумать только, белая женщина у него на руках!

¹⁶ Босс-бой — африканские рабочие, ставшие прислужниками белого инженера. Они хорошо знают работу, но расовый барьер не позволяет им стать специалистами. Они стараются выжать из других негров все соки, как в свое время капо. Им и платят соответственно.

в отчете Горной палаты, с начала века сорок тысяч рудокопов погибло на рудниках во время взрывов. Кроме того, полагают, что более восьмисот шахтеров умирает ежегодно от септицемии. Основная причина несчастных случаев — расистская политика, в результате которой африканцы лишены возможности приобретать необходимый опыт.

— Что же касается белых, — добавляет он, — то их продвижение по службе определяется отнюдь не профессиональными качествами, а всего лишь цветом их кожи. Да и какое значение имеет для белого смерть какого-то там боя?

Всеми рудниками по существу владеют семь финансовых групп. Впрочем, они же контролируют и экономику всей страны с помощью банков, страховых, промышленных и торговых компаний. Наиболее крупными горнорудными компаниями являются «Англо-Американ корпорейшн», принадлежащая Гарри Оппенгеймеру, который владеет также «Де Беерс Консолидейтед», концерном, контролирующим чуть ли не весь алмазный рынок в мире, «Консолидейтед Голдфилдс», основанная Сесилем Родсом, «Сентрал Майнинг энд Инвестментс», «Англо-Трансваал», «Юнион Инкорпорейтед» и «Йоханнесбург Консолидейтед Инвестментс». Они контролируются английским и американским капиталом. Но после 1948 г. африканеры тоже завладели несколькими рудниками, такими, например, как «Федерал Мейнбоу».

Рудник, на который мы едем, принадлежит «Сити лимитед», он существует с 1899 г., там занято восемь тысяч горняков и добывается триста тысяч унций золота в год. Об этом рассказывает наш гид.

Танцы происходили не в самом лагере, а на специально отведенной площадке. Нас предупреждали, что танцы — развлечение для горняков, а потому наше присутствие здесь будто бы не очень желательно. На самом же деле собрались одни только белые с ребятишками. И лишь в уголке, отгороженная от остальной части публики железной решеткой, — небольшая группа африканцев.

А наверху, над скамьями амфитеатра, с той стороны, где сидят африканцы, — невероятное количество черных полицейских, вооруженных огромными дубинками. Говорят, они там затем, чтобы не допускать рудокопов,

которые не участвуют в танцах, близко к площадке. А таких, верно, много, их приглушенные голоса доносятся до нас, словно могучее дыхание океана.

Спектакль уже начался. Предусмотрено более двадцати девяти танцев, которые исполняются представителями различных племен страны.

Принимать участие в танцах разрешается только самым крепким на вид. Не знаю, что побуждает африканцев соглашаться выставлять себя напоказ перед белыми. Удовольствия, во всяком случае, они от этого не получают, танцуют с явной неохотой и нередко усаживаются прямо посреди площадки на землю, скрестив руки на груди. Тогда белые в котелках (по всей видимости надсмотрщики) подгоняют их, выкрикивая что-то на африкаанс или на языках африканских народов.

Полуобнаженные рудокопы выряжены ни с чем не сообразно, как утверждают мои друзья: у одних на голове перья, на других — шкуры убитых зверей, на некоторых — цветные майки, которые делают их похожими на футболистов.

На мой взгляд, спектакли эти преследуют одну единственную цель: унижить африканцев, заставить их в виде пародии изображать перед белыми то, что для них имеет какой-то определенный смысл.

Белые шумно и смачно хохочут, воистину «цивилизованная» публика. Меня охватывает такое чувство, будто это мы, белые, за железной решеткой в клетке, мы — дикие люди с примитивным складом ума, это чувство не раз вернется ко мне впоследствии.

Я задыхаюсь. Где-то сзади, за ареной, слышится рокот тамтамов: вот куда надо было пойти. Светловолосый мальчишка кричит своей матери: «Он с ума сошел!». Оказывается, негр-великан, загримированный слегка под шамана, начал изображать перед ним с нескрываемой иронией и юмором, как работает рудокоп напоказ перед белыми.

Объявляется перерыв, дабы предоставить нам возможность насладиться чаем с молоком. «Туземцам запрещено давать деньги», — предупредили нас. За чаем я встретила с другими французами. Поговорили, самая обыкновенная беседа: «Какая чудесная страна! Будем надеяться, что Франция не покусится на инвестиции. Какая перспектива для торговли! Надо вытес-

нить американцев и англичан. С этими банту они, пожалуй, перестарались. Но тоже, ничего не скажешь, надежный метод. Неизвестно, к чему привела бы иная политика, вспомните хотя бы Конго. Вот и в Алжире надо было сделать то же самое. Тогда ничего и не случилось бы. Ох, уж эти черномазые», и т. д.

Снова начались танцы, но я не хочу возвращаться туда; побродив вокруг, подхожу к горнякам, сидящим на траве. Полицейские пытаются вернуть меня назад, утверждая, что речь идет о моей собственной безопасности. Я отвечаю на очень скверном английском языке, что хочу сделать несколько фотографий, и они разрешают мне подойти поближе.

Эта толпа не имеет ничего общего с теми горняками, которых отобрали напоказ в спектакле: изможденные люди с серыми от усталости лицами, с полными тупого смирения глазами. Почти все они босы, а между тем день сегодня холодный. Одни из них набросили на себя слишком длинные походные плащи, скрывающие их тощие ноги, другие укрылись дырявым брезентом, но на большинстве нет никакой одежды, одни обветшалые лоскутья, похожие на мешки из-под картошки, прикрывают их темную кожу.

Они с вежливым и печальным удивлением расступаются при моем приближении. Но ни единого враждебного взгляда, одно лишь изумление. Я хотела поговорить с ними, но едва я приблизилась ко входу в лагерь, как путь мне преградил белый полицейский: «Мадемуазель, это очень опасно. Не советую вам этого делать».

Возвращаюсь назад, а в это время черные полицейские, не замедлив пустить в ход дубинки, загоняют горняков обратно в лагерь.

Энтони, у которого оказались знакомые в пресс-центре Горной палаты, раздобыл мне пропуск на рудники.

На рассвете мы отправляемся на тот же самый рудник. Нас уверяют, что покажут нам все, но на деле мы увидели лишь штреки, где обучают африканцев, прибывших из резерватов.

Когда мы приехали на рудник, где стояли роскошные автомобили белых рабочих, уровень жизни кото-

рых, как, впрочем, и всей остальной части белого пролетариата Южной Африки, занимает второе место в мире после США, нас взял на попечение инженер, по происхождению шотландец. Гостей наряжают горняками (белыми, разумеется): яркая чистая брезентовая накидка, сапоги, сверкающие каски. Горняки-африканцы, как правило, одеты в лохмотья, потому что, как мне сказали, им самим приходится покупать себе рабочую одежду. Самые дешевые сапоги стоят два с половиной фунта стерлингов (сорок франков), т. е. половину месячного заработка черного рабочего; брюки — два фунта восемь шиллингов.

У подножия металлической башни, возвышающейся над шахтой, африканцы ждут своей смены. Бригады подбираются по племенному признаку: основа основ апартхейда и незыблемая убежденность африканеров состоит в том, что негры различных племен не ладят друг с другом, хотя это, большей частью, неправда. Такой метод подбора бригад получил широчайшее распространение, его цель — воспрепятствовать зарождению национального самосознания у африканцев.

Прежде чем войти в темную и сырую железную клетку, которая опустит нас на дно шахты, мои спутники, переодетые горняками, всюду позируют перед фотоаппаратом, не обращая внимания на снисходительные улыбки африканцев и босс-боя¹⁶ с удивительным обезьяноподобным лицом. Рядом со мной оказались директор отделения фирмы «Рено», обслуживающего этот район Африки, «не то чтобы расист, но...», и темнокожий египтянин, принявший христианство. Он без умолку все говорит и говорит по-французски, решив, видно, доконать меня своими фашистскими и расистскими бреднями.

Наконец мы спускаемся с молниеносной быстротой. Болят уши, дыхание перехватывает, голова горит. Золотые шахты — самые глубокие в мире. Внизу одна девушка из нашей группы упала в обморок, босс-бой едва успел подхватить ее. Бедняга не знает, как ему быть, подумать только, белая женщина у него на руках!

¹⁶ Босс-бой — африканские рабочие, ставшие прислужниками белого инженера. Они хорошо знают работу, но расовый барьер не позволяет им стать специалистами. Они стараются выжать из других негров все соки, как в свое время капо. Им и платят соответственно.

Может, теперь его будут преследовать за нарушение Закона о борьбе с безнравственностью? ¹⁷.

И тотчас же белые рабочие устремляются к несчастному созданию и уносят испускающую стоны бедняжку. Но жара и в самом деле невыносимая.

Сначала мы садимся в маленький поезд, потом с трудом пробираемся через многочисленные рельсы, иногда приходится сгибаться чуть ли не пополам, натываясь каской на камень или деревянное крепление и прижимаясь к холодной, липкой стене. С адским железным гроыханьем снуют взад и вперед вагонетки, набитые породой. Самое трудное пересекать стыки: того и гляди свалишься от сильной струи сжатого воздуха, обеспечивающего вентиляцию, или споткнешься о балку, спускаясь по расшатанным лестницам и грязным скамьям, едва различая, куда ступаешь в желтом мигающем свете шахтерской лампочки. Через какие-нибудь полчаса я уже совершенно отупела от шума и взрывов, от жары и влажности и чуть не плачу.

Навстречу начинают попадаться группы негров, прибывших сюда прямо из резерватов, которых за один день собираются обучить ремеслу. Они обезумели от страха, и я их понимаю, я сама в таком же состоянии. С одной только разницей: я могу притвориться и грохнуть в обморок. А им придется здесь работать по крайней мере год. К тому же они никак не могут разобраться ни в грохоте, доносящемся снизу, из-под земли, ни в тех указаниях, которые кричат им по-английски или на «фанакало», тарабарском языке, изобретенном управляющими рудником. Это новоиспеченное наречие — невероятная смесь всевозможных слов, почерпнутых из диалектов различных африканских языков.

Навстречу нам попалась группа африканцев, которые нестройным хором пытаются повторить: «Взрывчатые вещества опасны» (на «фанакало» это звучит примерно так: «Штука, которую берешь в руки, которая делает больно и грохочет, как гром»); при виде нас их заставляют вытянуться по стойке смирно, а босс-бой, обучающий их, начинает вопить по-английски: «Доброе

¹⁷ Закон от 1927 г. о борьбе с безнравственностью, запрещающий и карающий тюремным заключением любые внебрачные связи между белыми и африканцами, в 1950 г. был дополнен и распространяется теперь на все другие расовые группировки.

утро, сэр», и они послушно повторяют «Доброе утро», скосив в нашу сторону круглые глаза. Невыносимо.

Как объяснил мне впоследствии один из профсоюзных деятелей, живущий под ограничениями домашнего ареста, для африканцев нет профессиональных училищ. Когда в 1907 г. на руднике в Ньюклейнфонтейне началась забастовка белых горняков, то вдруг обнаружилось, что рудники прекрасно могут обходиться и без них, потому что в ту пору рудокопы-африканцы были еще в достаточной степени квалифицированы. Белые испугались и снова начали бастовать, требуя введения расистских законов, которые охраняли бы права «бедных белых». И в результате открытое в 1911 г. техническое училище горняков было закрыто для цветных.

Из газет я узнала, что и в настоящее время кое-где продолжаются забастовки белых горняков, потому что отдельные компании, и в частности компания Оппенгеймера, выступают против закона о резервировании работы, пытаясь восполнить недостаток квалифицированной рабочей силы за счет предоставления специализированных видов работ африканцам. Правда, не увеличивая при этом им зарплату, которая составляет десять рандов (т. е. семьдесят франков) в месяц¹⁸. Разумеется, белым горнякам это не нравится. Нечто подобное происходило в свое время в Алжире: крупный капитал примирился с независимостью страны, а вот «маленькие белые люди» из Баб-эль-Уэда¹⁹ впали в панику при мысли о том, что им придется потесниться и уступить свое место алжирцам, и потому стали опорой оасовцев.

Я спрашиваю у сопровождающего нас инженера, который утверждает, что он против закона о резервировании работы, и считает, что его босс-бой мог бы стать прекрасным мастером, по скольку часов работают рудокопы-африканцы?

— Сорок восемь часов в неделю, — отвечает он. — Это не считая времени, затрачиваемого на подъем и спуск в шахту. Им не полагается ни оплаченных отпусков, ни праздников. В течение всех двенадцати месяцев контракта они не выходят за пределы рудника. Часы отдыха они проводят в лагере.

¹⁸ Тогда как заработная плата белого в двадцать раз больше.

¹⁹ Квартал в г. Алжире.— *Прим. перев.*

Чем глубже вниз спускаемся мы по наклонным уступам туннелей, тем невыносимей становится грохот. В конце каждого штрека несколько негров, лежа лицом к стене, присев на корточки или скрючившись в три погибели, водят взад-вперед отбойным молотком, затем сваливают в кучу отколовшиеся куски породы, перетаскивают их и грузят на вагонетки, передвигающиеся с молниеносной быстротой.

Позади африканцев, преспокойно усевшись где-нибудь в углу, белый рудокоп выкрикивает время от времени «fиге»²⁰, не давая себе даже труда зажечь фитиль взрывчатки.

— В этом одна из причин частых несчастных случаев, — говорит инженер. — Белые рабочие осуществляют здесь лишь общее руководство, и смерть негров их ничуть не трогает. Ведь это же бои, безликая масса цветных.

Я, в свою очередь, замечая, что, очевидно, белый рудокоп испытывает иногда чувство привязанности к своему босс-бою, который таскает за ним каску, чистит его одежду и выполняет часть его работы. Но дальше этого дело, видимо, не идет.

Спрашиваю, что бывает, если рудокоп нарушает правила безопасности? «Обычно он платит десять рандов (семьдесят франков). Но если это черный, он сверх того подвергается двухмесячному тюремному заключению». В подтверждение своих слов инженер приводит один случай, когда белый управляющий заплатил всего двадцать фунтов стерлингов штрафа за то, что по его вине погибло тридцать девять африканцев. Потом другой случай, который произошел на Коулбрулском руднике в 1960 г., когда погибло четыреста тридцать семь африканцев. Компания выплатила всего шестьдесят четыре фунта стерлингов, т. е. по тридцати пяти пенсов за человеческую жизнь.

Работа на поверхности легче, чем под землей. Она не прекращается ни на минуту, работают по очереди, в три смены, по восемь часов каждая. А вообще, надо сказать, ничего хорошего нет в том, чтобы видеть, как из обломков серого камня получается золото. Часами длятся операции, в результате которых огромные глыбы

²⁰ Огонь (англ.).

дробятся на куски, крошатся, растираются, превращаются в жидкую кашу, она просеивается бесчисленное число раз и в конце концов отдает смешанную с ней частицу золота. Впрочем, на этой стадии работ надо обладать большим воображением, чтобы представить себе, что вот эта-то желтая водичка и есть золото. А между тем немного погодя нам показывают пресловутый слиток, который вскоре переправят в Лондон. Восемь тысяч рудокопов целый день выбивались из сил, чтобы извлечь этот самый слиток.

Только белые имеют в Южной Африке право состоять в профсоюзах. Африканских профсоюзов не признают, а их лидеров, так же как и лидеров единственного нерасистского профсоюза САКТУ (Южно-африканский конгресс профсоюзов), бросают в тюрьмы, высылают или содержат под надзором.

Африканцев же считают не рабочими, а крестьянами, сезонниками, которые, отработав установленный контрактом срок, возвращаются в свои резерваты. Однако это далеко не так, ибо если и в самом деле по истечении годового контракта они возвращаются в свой резерват, то тотчас покидают его, заключив новый контракт, потому что земля, все такая же бесплодная и перенаселенная, по-прежнему не в состоянии прокормить их.

Кроме того, правительство выработало целую систему непосильных налогов для людей, живущих в резерватах. Сверх обычных муниципальных налогов, которые платят все без исключения африканцы, как мужчины так и женщины, их, в противоположность другим расовым группам, облагают еще всевозможными племенными и территориальными налогами²¹, предназначенными, как говорят, для развития резерватов. Таким образом, агентам компаний горнорудной промышленности ничего не стоит завербовать африканскую молодежь, соблазнив ее несуществующими чудесами работы на рудниках и подкупив вождя племени, чтобы тот выделил им необходимое число молодых крестьян.

Прежде чем пригласить нас на обед в роскошный клуб белых горняков, управляющие, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести, предлагают нам

²¹ По фунту стерлингов пятнадцать шиллингов на каждого африканского мужчину в возрасте от 18 до 65 лет.

посетить компаунд — лагерь, где живут рабочие. Нас угостили «мартини», и мы, шумно болтая о пустяках, входим в ворота, охраняемые черными полицейскими, словно идем в зоопарк.

Компаунд — это огромный четырехугольник, застроенный длинными одноэтажными бараками с пронумерованными дверями, с крохотными, зарешеченными окошками, стекла которых выбиты. Рудокопы, объясняют нам, расселяются по племенам; администрация по собственному усмотрению назначает у них главного.

Полицейские патрулируют с тяжелыми дубинками в руках. В комнате размещается иногда до дюжины человек. Кроватей нет, лишь каменные скамейки без матрасов, покрытые рваными одеялами. Только босс-боям полагаются соломенные матрасы.

В этой стране только и слышишь бесконечные разговоры о племенных различиях и племенных обычаях... Но здесь, в общежитиях, я не вижу ни одного сувенира, ни единого украшения, которые напоминали бы рабочим о родном крае. Жаровни, несколько старых глиняных посуды, мешки из-под картошки, чтобы укрываться от холода, вот и весь их скарб.

Люди, свободные сейчас от работы, стирают свое истрепанное белье в единственном водоеме. Они наполовину голые. Вряд ли потому, что им так нравится, видно, как они дрожат от холода.

Завыла сирена, возвещая о наступлении обеденного перерыва. Со всех сторон сбегаются люди, в руках у них импровизированные котелки, сделанные из консервных банок. Нас ведут в какой-то сарай, где повара, вооружившись огромными черпаками, раздают обед. Что касается обилия, то тут ничего не скажешь, так оно и есть. «И все это бесплатно», — с гордостью заявляет старший по лагерю. Я едва удержалась, чтобы не спросить его, а платят ли быки за сено, которым их кормят.

Сегодняшний обед, о котором говорят, что он приготовлен «научным» способом, состоит из проса и фасоли, в этом вареве плавают куски баранины. Мясо так скверно пахнет, что меня начинает тошнить.

На улице раздают чай и кофе. Рудокопам полагается еще и так называемое «пиво банту», которое варится здесь же, в лагере. Вот уж на чем не экономят. Мужчины пьют его целыми бидонами. Говорят, пиво это со-

держит всего три процента алкоголя, но в таких дозах эффект обеспечен.

Брожу по лагерю. Люди выглядывают в окна и улыбаются печально, приветливо. Должно быть, они понимают, что я нездешняя. Когда долго смотришь на эту безликую массу, начинаешь постепенно различать людей, из которых она состоит. Есть среди них интеллигенты, которые читают книги или незапрещенные африканские газеты (хотя глупее этих газет трудно что-нибудь придумать: это комиксы об Африке, созданные белыми); есть и такие, что тоскуют по своей семье, они пишут письма; одни затеяли шутовую борьбу, чтобы быть в форме, другие, стараясь забыться, печально перебирают струны гитары или играют на флейте...

И снова меня охватывает все то же ужасное ощущение, я задыхаюсь, мне кажется, что я в клетке, в плену вместе с другими белыми. Как бы мне хотелось поговорить с этими африканцами, узнать, откуда они, как жили раньше, что думают о будущем. Но вокруг бродят полицейские, в любую минуту готовые доложить, что «белая девушка задает вопросы кафрам».

Профсоюзный деятель, которого я встретила у Энтони, рассказывает, что сегрегация в профсоюзах существует с 1922 г., т. е. после знаменитой забастовки белых горняков. В 1924 г. закон о примирении в промышленности («Industrial conciliation act») практически исключает африканцев из профсоюзов.

— Официально тогда еще не было объявлено о том, что признаваемые законом профсоюзы должны объединять только белых, но уточнялось, что туда могут входить лишь те, кого не касается закон 1911 года о регламентации туземного труда («Native Labour Regulation act»), иными словами все, за исключением африканцев.

Когда в 1948 г. Националистическая партия пришла к власти, было принято новое законодательство о труде по образу и подобию нацистских законов.

— Теперь заработная плата зависит не от коллективного соглашения между рабочими и хозяевами, а от государства, являющегося отцом всех трудящихся, только оно по наитию божьему знает, что для них хорошо. Господин Схуман, первый министр труда, принадлежав-

ший к Националистической партии, еще в 1944 г. говорил о необходимости очистить южно-африканские профсоюзы от «англо-еврейской» заразы²², а в 1945 г. по его предложению был принят закон о туземном труде (о разрешении споров), определявший условия работы африканцев. Закон этот запрещает профсоюзам белых принимать рабочих-африканцев, а профсоюзы африканцев вообще объявляет вне закона, причем всякая попытка небелых начать забастовку карается штрафом в размере пятисот фунтов стерлингов и тремя годами тюремного заключения.

Кроме того, мой новый знакомый рассказывает, что действия профсоюзов белых были разрозненны.

Один только «Южно-африканский совет профсоюзов» (South African Trades and Labour Council), в рядах которого числилось несколько африканцев, оказал вначале некоторое сопротивление, но вскоре согласился исключить черных и заявил в своей декларации, что в будущем отказывается заниматься политикой.

— Это была победа Националистической партии, — продолжает мой собеседник. — Тем не менее профсоюзы белых раздирали противоречия, потому что в их рядах уживались расизм, склонность к консерватизму и классовое самосознание. Так, Совет профсоюзов (Trade Union Council) принимал в свои ряды индийцев, а черных — нет; в более правую Федерацию профсоюзов (Federation of Trade Union) наряду с профсоюзами белых входили и несколько смешанных; Координационный совет южно-африканских профсоюзов (Coordination Council of S. A. Trade Union), чрезвычайно реакционная организация, объединял только белых; и наконец, весьма представительная федерация железнодорожников (The Federal Consultative Council of the Railways) принимала исключительно белых.

Вот почему в целях борьбы с расовой дискриминацией в труде и был создан в 1955 г. САКТУ (Южно-африканский конгресс профсоюзов). Понимая, что профсоюзная борьба неразрывно связана с политическими выступлениями против апартхеида, мы объединили свои силы с Африканским национальным конгрессом (АНК)

²² Это был выпад против Солди Сакси, секретаря профсоюзного объединения швейников.

и другими организациями, которые борются вместе с ним, — рассказывает мой собеседник.

Но это, по всей видимости, отнюдь не облегчает задач африканского профсоюзного движения. Потому что тут же возникает проблема: где найти место, чтобы рабочие могли собраться? На руднике? Специальный закон, принятый в 1939 г., запрещает собрание людей там, где они работают, если их набирается больше двадцати, разве только по особому разрешению руководства, которое никогда его не дает. В африканском районе? Но Native administration act от 1927 г. запрещает собрания численностью более десяти человек в зонах, отведенных для туземцев, без разрешения комиссара по делам туземцев, который выдает такие разрешения только в случае свадьбы или похорон.

— Если кто-нибудь из профсоюзных деятелей осмелится явиться на завод, чтобы встретиться там с рабочими, его тут же арестуют, — продолжает рассказывать мой собеседник.

Я спрашиваю, как же все-таки выходят из положения в случае возникновения серьезных разногласий между африканскими рабочими и хозяином?

— Рабочий обязан обратиться к инспектору по организации труда, само собой разумеется, тот — белый; последний информирует комитет, назначенный министром труда. Если комитет не в силах разрешить возникшую проблему, приходится обращаться в Совет по туземному труду, организацию белых, пользующуюся такой дурной славой, что в тех случаях, когда ее служащим необходимо приехать на завод, они являются туда лишь в сопровождении полиции. Вот так и получается, что проблемы такого рода почти всегда решают представители Особого отдела. А в тех редких случаях, когда африканцы пытались бастовать, это неизбежно кончалось подобием гражданской войны. Тотчас же являлась вооруженная полиция с электродубинками, газом, бронемашинами и арестовывала всех подряд.

Он приводит пример январской забастовки 1959 г. на заводе Сен-Джон: двести восемьдесят восемь рабочих, из них двести женщин, обязали работать на рождество, не заплатив за это дополнительно ни гроша. Рабочие сидели на траве перед административным корпусом, выражая свои жалобы представителям хозяев, в

это время явилась полиция и всех их отправили в тюрьму. А вот еще пример нашумевшей забастовки на одной из крупнейших текстильных фабрик Южной Африки «Amato Textile Mills», в ней принимали участие четыре тысячи африканских рабочих, причем хозяева согласились на переговоры. Но, как всегда, все споры в конечном счете «решила» полиция. Многие из африканцев были убиты, большая часть бастовавших была арестована, даже женщины. Четыреста отцов, кормивших целые семьи, были высланы из города в резерваты.

— В любом случае, — говорит в заключение мой собеседник, — организовать африканских рабочих очень трудно, как только дело пойдет на лад, их отправляют обратно в резерваты, и все приходится начинать сначала с вновь прибывшими. Да и с профсоюзным руководством дело обстоит неважно. С тех пор как в 1950 г. был принят закон «о подавлении коммунизма», по которому любого человека можно отправить в тюрьму, систематическому аресту подвергаются все более или менее ценные руководители. В 1956 г. во время процесса «о государственной измене» перед судом предстали двадцать три деятеля САКТУ, а в 1960 г., когда после побоища в Шарпевиле было объявлено чрезвычайное положение, в тюрьму бросили сто девяносто шесть профсоюзных лидеров. Не говоря уже о десятках тех, кто живет под ограничениями домашнего ареста или осужден согласно закону «о девяноста днях».

В прошлое воскресенье мы с Энтони и его женой отправились на большое озеро в туристический район Трансвааля, куда ездят обычно на охоту или кататься на лодках, и там возле маисового поля нам повстречалась группа африканцев, на которых вместо одежды были мешки из-под картошки. Они шли цепочкой, друг за другом, держа руки за спиной, а за ними верхом на лошади ехал человек с длинным хлыстом в руке.

-- Это рабочие с фермы-тюрьмы, — пояснил Энтони. — Официально в Южной Африке существует двадцать пять ферм-тюрем. Только в 1963 г. на работу туда было направлено десять тысяч узников. Но кроме официальных существуют еще и неофициальные фермы такого рода. Стоит только какому-нибудь фермеру по-

просить, и в его распоряжение сразу же предоставят африканцев, в арестантах недостатка нет: вечная история с пропусками. А если потребуется, полиция схватит первых попавшихся африканцев, вообще не нарушавших никаких правил. Фермер обязан лишь построить на своей территории здание для арестованных. Полагают, что половина фермеров в Трансваале использует на своих землях подневольный труд. Африканцам предлагают на выбор: либо они отработают определенный срок на ферме, либо их отправят обратно в резерват. И если спросить у африканца, как поживает тот или иной его родственник, в ответ часто можно услышать: «Его продали фермеру».

Вечером у себя дома Энтони показал мне вырезки из газет, где приводились свидетельства африканцев, которых схватили и послали работать на ферму, они гнули там спину от зари до глубокой ночи, а в бараках их привязывали, словно скот, и порою даже пытали. Неужели и теперь так? — думаю я.

Да, ничего не изменилось. Об этом я узнала от одного из африканцев, с которым мне посчастливилось познакомиться в Институте расовых отношений²³. Он собирает сведения о сельской местности. Это очень образованный человек, прекрасно говорит по-английски, но держится настороже. Проверяет, можно ли довериться мне? Признаюсь, я поступила точно так же: назвалась вымышленным именем и дала несуществующий адрес. Но так уж странно повелось, что люди инстинктивно чувствуют, с кем имеют дело, и человек этот мало-помалу открылся мне.

— Чтобы по-настоящему разобраться в системе принудительных работ, надо досконально изучить земельный вопрос, — говорит он. К тому времени, когда в 1910 г. был образован Южно-Африканский Союз, белым удалось уже согнать африканцев, лишившихся своих земель, в «специальные зоны», а остальных разместить на нескольких клочках так называемой свободной собст-

²³ Институт этот не принадлежит ни к какой партии и не получает денег от правительства. Он ведет исследовательскую работу по всем направлениям (в плане политическом, экономическом и социальном) в целях разрешения существующих в Южной Африке расовых проблем. Прикрываясь процессом Фишера, правительство пытается закрыть институт и арестовать тех, кто там работает.

венности или «freehold». А в 1913 г. первым парламентом Союза был принят закон «о землях туземцев», запрещавший африканцам где бы то ни было на территории Южной Африки владеть землей, приобретать или продавать ее. Они имеют право лишь возделывать незначительные клочки земли у себя в резерватах. Площадь таких участков должна была составить 13,7% всей территории. На самом же деле этого так и не случилось, даже эта цифра показалась слишком высокой.

Закон о туземных землях и туземном фонде, принятый в 1936 г., предполагал покупку правительством земли для африканцев, но в действительности закон этот лишь способствовал экспроприации мелких земельных собственников среди негритянского населения. Таким образом, в настоящее время 12% всей земли (т. е. 17 250 тыс. га) приходится на 75% населения, а 86% земли (т. е. 124 250 тыс. га) принадлежит белым, составляющим всего 20% населения, причем лишь половина из них живет в деревне²⁴.

Но даже в резерватах, где в ужасающей скученности живет более шести миллионов негров, права на собственность не существует: земля принадлежит правительству и распоряжается ею «туземный фонд». Африканцы же являются своего рода арендаторами, им предоставляются участки крайне истощенной в результате перенаселения земли, причем, если властям вздумается, их могут попросту выгнать или переселить в другое место без всякого возмещения убытков. Что бы там ни говорили, их ни в коем случае нельзя назвать крестьянами, это определенный резерв рабочей силы, предназначенный для рудников и ферм белых. И если шесть миллионов негров пытаются как-то просуществовать в резерватах, отправляясь время от времени работать на рудники, более трех миллионов их вынуждены жить в качестве сельскохозяйственных рабочих на фермах белых.

Я спросила, а существуют ли арендаторы на фермах белых?

— Раньше, до нового закона, который был принят в 1954 г., существовали. Взрослый мужчина мог заключить контракт, согласно которому он был обязан работать

²⁴ Существует около ста трех тысяч ферм, принадлежащих белым, занимающих в среднем по 900 га. А обрабатывается из них лишь четверть.

определенное количество времени в году на фермера, а взамен получал возможность жить на этой ферме вместе со своей семьей, держать несколько голов скота и возделывать небольшой участок земли. Теперь же африканец, который живет на ферме белого, должен работать на него весь год, но не может иметь даже огорода. Целое семейство, включая и детей, отрабатывает одну только зарплату. И сто тридцать тысяч тружеников, зарегистрированных сейчас как наемные рабочие, превратятся со временем в рабов. Ибо на ферме у африканца нет никаких прав, он не может уйти от хозяина без документа, подписанного самим хозяином, в котором говорилось бы, что работы для него нет. Если же африканца задержат где-либо без такой справки, его тут же посадят в тюрьму. А если у него есть сын в возрасте от десяти до восемнадцати лет, его могут заставить работать вместо отца. Отказаться он не имеет права, иначе его ждет телесное наказание...

Все это человек рассказывает тихим, ровным голосом, повторяя время от времени: «Это, знаете ли, нелегко».

И еще он говорит, что условия жизни на фермах настолько тяжелы, а платят так мало (три фунта стерлингов, т. е. сорок два франка в месяц), что рабочие пытаются найти работу в городе.

— Там их конечно арестовывают, ведь документы-то у них не в порядке, и отправляют на ферму-тюрьму, а это еще хуже. Просто заколдованный круг. Порою достаточно того, что человек вышел на улицу, забыв свой пропуск, и его непременно арестуют; другого схватят за то, что он потерял работу и не сразу обратился в бюро по найму рабочей силы.

Арестованных приводят в участок и заявляют им, что, если они дождутся суда, дело кончится скверно. Лучше уж отработать на ферме несколько месяцев. Там им будут хорошо платить, а потом выдадут постоянный вид на жительство в городе. Такое же мошенничество совершается зачастую и в бюро по найму рабочей силы. Человеку внушают, будто его отправляют работать на рудник и заставляют подписать бумажку, которую сам он прочитать не может, на деле же он подписывает контракт, согласно которому обязан работать на ферме. Да вот, прочтите сами.

И он показывает мне досье, составленное Рут Ферст²⁵ по делу о скандале, разразившемся на одной из ферм-тюрем, где фермер повесил нескольких заключенных.

В этом досье собрано множество типичных случаев. Так, например, метис по имени Поль Энтони был арестован, за что — неизвестно. Его привели в бюро, расположенное по соседству с полицейским участком Винберха в Йоханнесбурге. В тот день состоялась облава, и в участке было много заключенных. Вечером полицейский офицер заявил, что половина людей отправится в тюрьму, а другая половина будет работать на ферме. Когда же Поль Энтони осмелился спросить, за что его арестовали, офицер ответил:

— У тебя не было пропуска.

— Но ведь я метис, — попытался объяснить Поль Энтони. — А у метисов нет пропусков. Отведите меня к судье.

— Так ты еще и скандалишь, — завопил тогда полицейский. — Двенадцать месяцев принудительных работ на ферме вместо шести!

И метис отработал год на одной из самых мрачных ферм под названием «Лесли Фарм».

Рут Ферст приводит случай с пятнадцатилетним мальчиком, которому заявили, что ему незачем ходить в школу, а нужно приобрести пропуск. Ему выдали временный пропуск. Мальчик не привык носить пропуск и по дороге домой потерял его. Во время облавы его арестовали вместе с другими африканцами. В судебном отделе для детей в Йоханнесбурге его не пожелали выслушать и отпустили домой только после наказания. Добравшись до своей сестры, которая жила в локации Александра, он уже не смог подняться, чтобы идти к родителям, потому что во время «наказания» ему сломали несколько ребер. Ночью в Александре началась облава, искали тех, кто не имел права там находиться. Мальчика снова схватили и еще раз избили, а на другой

²⁵ Рут Ферст — замечательная женщина, жена адвоката Джо Слово. Она издавала газету «Нью эйдж». Ее осудили во время процесса о государственной измене, а в 1964 г. без суда и следствия продержали в одиночном заключении сто семнадцать дней. Ей удалось бежать в Англию, и там она продолжает борьбу против апартеида.

день отправили на ферму-тюрьму, целый год он копал там картошку.

Сотрудник Института расовых отношений рассказывает мне, что в 50-х годах было столько скандалов, что министерство труда вынуждено было создать целую комиссию по расследованию смертельных случаев на многих фермах. Но это ни к чему не привело, самое большее, что комиссия смогла сделать, это оштрафовать одного-двух мучителей.

— Как видите, это настоящая мафия принудительных работ, тут замешаны и фермеры и полиция, и бюро по найму рабочей силы, и министерство по делам туземцев, — говорит в заключение мой собеседник.

Случай — великий помощник, и мне довелось побывать на одной из таких ферм в районе Бетала.

Я грелась на солнышке на ступенях национальной библиотеки, как вдруг ко мне подошла высокая рыжеволосая девушка и попросила прикурить. Мы разговорились. Она изучает теологию в университете Претории, где преподавание ведется на африкаанс. У ее родителей есть ферма в Трансваале. Когда я спросила ее, почему она не захотела учиться в ВИТСе, самом большом университете, она ответила:

— Да вы с ума сошли, там полно коммунистов, саботажников, евреев.

И тут я сразу поняла, что именно с такой девицей мне необходимо познакомиться. Разумеется, она не состоит в НЮСАС. Подобно большинству студентов, обучающихся в университетах африканеров, Паула принадлежит к Союзу студентов африканеров (Afrikaans Studentebond), организации, которая не только полностью поддерживает апартхейд, но и устраивает демонстрации с требованиями его углубления и расширения²⁶, например, предлагают ввести обязательное христианско-социальное образование.

— Так ведь это национал-социализм? — говорю я Пауле.

— Вот именно, — не моргнув глазом отвечает та. — Это единственное средство защитить христианскую и западную цивилизацию и помешать китайцам ринуться на Европу.

²⁶ Одетые как ку-клукс-клановцы, они дефилируют по улицам Претории, требуя, например, запретить НЮСАС.

Ну и повеселилась же я! Целый час она несла несусветную чушь о миссии африканеров на земле, курила мои сигареты и угощала меня яблоками.

Так, например, она заявила:

— Время от времени бог избирает тот или иной народ во имя спасения человечества. — А потом добавила: — Фервурд — святой человек. Никто в целом мире его не понимает. Да это и не удивительно, ведь когда его пытались убить, несмотря на тяжелые раны, ему все-таки удалось выжить, несомненно, это божьих рук дело, тут и говорить нечего. Никто так не любит туземцев, как он. Вся трагедия в том, что он идеалист. Идея апартхеида намного опередила нашу эпоху, поэтому общественное мнение всего остального мира не может так быстро усвоить ее и примириться с ней.

Временами мне начинало казаться, что она несколько не в своем уме, но потом я поняла, что по сравнению с большинством африканеров она более чем нормальна. И еще она мне говорила, что мир губит либерализм евреев в совокупности с дикостью негров. «Впрочем, это одно и то же, они и пахнут одинаково. Вы не почувствовали этого запаха в ВИТСе?»

Пожалуй, в тот день нюх здорово подвел ее, потому что на воскресенье она пригласила меня в гости к своим родителям.

После того как я рассказала об этой встрече Энтони и его жене, к которым я переселилась, они не могли устоять от соблазна поехать в гости вместе со мной.

— А это удобно? — засомневалась я.

— Вполне, — успокоила меня жена Энтони, уроженка Южной Африки. Они даже обрадуются, вот увидите, ведь буры очень гостеприимны.

И вот мы отправились в Западный Трансвааль. Климат там сухой, на огромных фермах выращивают маис, пшеницу и картофель. В центральной его части в основном занимаются разведением овец, а в районе Кейптауна выращивают цитрусовые, фрукты и виноград.

И всюду — заграждения с электрическим током и колючая проволока, которая всегда так не нравилась африканцам.

— Интересно, чем объясняется такая особенность буров с точки зрения психоанализа, — рассуждает Энтони. — Ведь нигде в мире нет столько колючей проволоки.

Ферма родителей Паулы в старом колониальном стиле напоминает мне Юг Соединенных Штатов, там и сям на обочине сидят негры, ребятишки бегают меж высоких деревьев с порыжелой листвой, старые няньки с золотистой кожей оборачиваются нам вслед, стараясь приосаниться.

Навстречу нам выходит отец Паулы, краснощекий колосс в традиционных шортах. В знак приветствия он возбужденно размахивает руками. Дочь предупредила его, что к ним в гости придет француженка («Она говорила, вы студентка, а по какой специальности? Социология? А это что такое?»).

— Да хранит вас бог! — вопит он уже издалека. — Жена и дочери еще не вернулись, ушли в церковь. — И, помолчав немного, добавляет: — Надеюсь, вы не пропустили службу из-за визита к нам?

— Нет, нет, — лицемерно заявляет Энтони, — мы как раз успели вовремя; чем раньше, тем лучше, а то потом непременно столкнешься с кафрами.

Мужчина разводит руками, всем своим видом выражая:

— Опять эти кафры! Что поделаешь!

Дом обставлен старинной английской мебелью, не красивой, но зато комфортабельной. Располагаемся в удобных креслах-качалках возле огромного камина, бой приносит нам бренди. Несмотря на воскресный день, а религиозные убеждения здесь крайне строги, вся семья, к моему удивлению, не прочь выпить.

Болтаем о том, о сем. Как идут дела?

— Плохо, — рассказывает отец. — Не то что раньше. Едва хватает на жизнь. (А между тем из домашней прислуги я насчитала четверых или пятерых африканцев.) Приходится уничтожать урожай, чтобы не упали цены. А тут еще надо содержать всех этих туземцев. Что же нам-то остается? (Потом уже я узнала, что он выдает ежемесячно полтора фунта своим двадцати рабочим, остальная часть заработной платы, равная этой сумме, уходит на их еду.) Кормлю я их хорошо, да еще плачу женщинам и детям за то, что они работают. Вас это удивляет?

— Да нет, что вы, — с притворным смущением восклицаю я.

— И не говорите, — заявляет он, — я знаю, в других

странах нас изображают расистами, рабовладельцами. Но вот увидите, через несколько месяцев вам не захочется уезжать от нас, вы поймете, что это единственный способ держать в руках таких примитивных людей. Вы ведь знаете, что произошло в Конго, хотя у вас в Алжире тоже не лучше. Да что там говорить, черные не могут управлять собой.

Я довольно вежливо замечаю, что алжирцы в большинстве своем вовсе не черные.

— Да неужели? — с удивлением восклицает он. — А я думал, раз африканец, значит, черный!

Позже Энтони рассказал мне, что правительство оказывает значительную поддержку фермерам, которые являются главной опорой Националистической партии во время выборов. Существует целая система специально выработанных цен, закупочных кооперативов, есть и земельный банк, предоставляющий им огромные кредиты. Их продукцию железнодорожные компании перевозят за полцены. Однако это и в самом деле не мешает им уничтожать излишки, дабы избежать понижения цен. Например, в 1962 г. оставалось в излишке тридцать девять миллионов bags²⁷ маиса. Хотя в то же время среди африканских племен, живших по соседству с фермами, на которых сжигали пшеницу и маис, умирали от голода люди; в Северном Трансваале было зарегистрировано около трехсот подобных случаев.

Наконец явились дамы. Дочери очень красивы, но на головах у них, как и у матери, возвышаются невероятные шляпы с цветами. Садимся за стол. Отец сетует, что не знал о нашем приезде раньше, а не то организовал бы «braaivleis» в нашу честь и пригласил бы соседей. «Устроили бы маленький праздник!» Я подозреваю, что «braaivleis» — это мясо, жареное на углях, которое обожают буры.

Не знаю, в какой мере наше меню соответствовало обычаям африканеров, но это было нечто грандиозное! Начали мы с фруктового салата со сливками, затем нам подали некое подобие супа, в котором плавали маленькие пирожки с мясной начинкой, потом вяленое мясо и, наконец, жареного барашка с пюре из каштанов, моркови, сладкого картофеля и жареной кукурузы. Мне на-

²⁷ Эта мера соответствует примерно девяноста килограммам.

стоятельно рекомендуют полить мясо вареньем из смородины и мятной наливкой. Вся эта снедь обильно уснащается южно-африканскими винами, в том числе и знаменитым «нидербургом», напоминающим в какой-то мере алжирский «лунг». Один за другим следуют тосты: «За Фервурда, за де Голля, двух великих людей на земле. Только они осмелились показать кукиш американцам». Я робко замечаю, что причины у них для этого были разные.

— Какое это имеет значение! — восклицает хозяин. — У американцев все до одного либералы или евреи (ничего не поделаешь, думаю я, навязчивая идея), чего они к нам пристали, спрашивается, со своими гражданскими правами? Им хорошо, у них большинство белых. Если бы негры у нас были в меньшинстве, может, и мы в таком случае дали бы им кое-какие права. А то представьте себе эдакую картину у нас: «Каждый человек имеет право голоса», как того требуют либералы. Что бы получилось? Весь парламент состоял бы из одних негров, а Кениата был бы президентом республики... (Мысленно спрашиваю себя, при чем тут президент Кении?) Выходит, нам придется отдать страну этим недоумкам? Когда мы пришли сюда, здесь была пустыня, даже банту, и тех не было. Это уж они потом явились, когда запахло золотом. А теперь мы самая индустриальная страна в Африке. Нет и нет! У нас все права на эту страну. Да и куда мы пойдём? Евреи могут уехать в Израиль, родезийские англичане (презрение в голосе) только и мечтают о том, как бы вернуться в Лондон. А нам-то, африканерам, куда прикажете деваться? В море, только в море, вот куда стремится сбросить нас весь мир. Но мы готовы драться, мы не дрогнем. Пусть приходят китайцы, африканцы, все кто хочет... И дети наши встанут все как один.

Он снова поднимает тост: «За де Голля и Фервурда!».

Фрукты со сливками, пирог со сливками, потом кофе на террасе, потому что, несмотря на холод, погода стоит отличная. Кофе, разумеется, тоже со сливками и тростниковым сахаром.

Паула менторским тоном пытается втолковать нам, что апартхейд — это совсем не то, что обычно принято считать:

Мы далеко не расисты, отнюдь нет. Мы вовсе не собираемся истреблять банту. Мы только хотим, чтобы они жили и развивались сами по себе, согласно своим собственным обычаям. Раздельное развитие — это единственный путь к разрешению всех проблем в многонациональном государстве. Это всемирный закон. Ни одной нации никогда еще не удавалось ужиться с другой, а тем более слиться воедино. Попробуйте поселить разные семьи в одном и том же доме, они перессорятся. А если каждой из этих семей дать свою крышу, где они смогут жить каждая по-своему, все будет хорошо.

Видите ли, банту в корне отличаются от нас. У них примитивное развитие, живут они племенами, им не надо знать того, что знаем мы, и учиться вместе с нами. Это взрослые, немного наивные дети, которые любят танцевать и наряжаться. А знаете, в чем состоит основная наша ошибка? (Мне-то все это смешно, а вот Энтони и его жене, которым сотни раз приходилось слушать все ту же песню, уже невмоготу.) В том, что мы долгие годы приучали их к городской жизни. Впрочем, в этом виноваты англичане со своими рудниками. Мы лишили этих банту родной почвы, и теперь они сами не знают, чего хотят. Надо вернуть их обратно в крааль. Это же пастухи, им довольно для счастья нескольких коров и жен. (Идеал, к которому стремятся лидеры Националистической партии, — заставить негров вернуться в резерваты, чтобы они могли гармонично там развиваться.)

Я спрашиваю Паулу, неужели она и в самом деле думает, что Южная Африка сможет развиваться, если все африканцы «вернутся» в свои резерваты (при условии, конечно, что они смогут уместиться там все). Кто же будет тогда работать на заводах, рудниках, на фермах?

— Вот, вот, — подхватывает Паула, — об этом-то и говорят молодые представители интеллигенции, вроде Боты, с которым вы сможете встретиться в Дурбане, они полагают, что этого вполне можно добиться. Прежде всего, следует пригласить белых рабочих из разных стран, например итальянцев, португальцев, греков. И потом надо ввести максимальную механизацию.

— А как же быть с прислугой? — спрашиваю я. — Говорят, большинство белых женщин в Южной Африке не знают даже, где у них кухня.

— Мы прекрасно сможем обойтись без кафров, — возражает старшая сестра обиженным тоном. — Госпожа Фервурд, жена нашего премьер-министра, заявила: «Мы должны жить в строгости и научиться обходиться без черных слуг». Сама же она собственными силами содержит в порядке весь свой дом в Претории.

Затем нас приглашают совершить небольшую прогулку, осмотреть ферму. На невысоком холме, на самом краю поля, стоит так называемый крааль, несколько глинобитных хижин, некоторые из них украшены яркими абстрактными рисунками. Женщины, прикрытые широкими синими одеялами, с детьми за спиной, сидят на корточках возле костра и варят просо. Возле них голые ребятишки со вздутыми животами складывают в кучки хворост. Я спрашиваю, ходят ли они в школу?

— Конечно, — отвечает Паула, — у них есть специальные школы. Вам известно, что 72 процента детей банту учатся? Разве существует в Африке другая такая страна?

Позже я узнала, что после издания в 1953 г. закона «об образовании банту» 85% школ для африканцев, находившихся прежде на попечении миссионеров, попали под контроль министерства по делам туземцев. Образование, которое получают там банту, весьма посредственное. Английский язык в этих школах запрещен, обучение там ведется на одном из десяти африканских языков страны. На английском и на африкаанс ребятишкам полагается знать ровно столько слов, сколько требуется для того, чтобы понять приказания белых.

В 1953 г., когда прошел закон «об образовании банту» Фервурд, бывший в то время министром по делам туземцев, заявил:

— Я преобразую всю систему образования так, что туземцы будут приучаться с детства к мысли о том, что для них нет равенства с белыми. Следует сменить всех учителей. Люди, которые верят в равенство, не могут быть хорошими преподавателями... Африканские дети должны научиться только тому, что позволит им жить в их собственном обществе... Для банту не может быть места в европейском обществе, они нужны лишь для выполнения некоторых видов работ... Зачем же обучать их таким вещам, которые ни при каких условиях не могут им понадобиться? Зачем учить африканского ребен-

ки математике? Его следует учить таким вещам, которые помогут ему приспособиться к жизни.

Таким образом, главное в школах для африканцев — это библейское учение, исправленное и дополненное к тому же пасторами голландской реформатской церкви.

Кроме того, если для белых детей введено теперь бесплатное обязательное образование, то для африканцев оно платное и совсем не обязательное. Согласно закону, принятому в 1958 г., каждый взрослый африканец мужского пола, кроме всех прочих налогов, обязан вносить ежегодно три с половиной ранда (т. е. двадцать три с половиной франка) в «фонд школьного образования для туземцев». А с 1960 г. такой же налог взимается с работающих африканских женщин. Строительство школ ведется за счет африканской общины, а если школа уже существует, родители учащихся обязаны вносить арендную плату. Ремонт делается тоже за счет родителей. Все школьные принадлежности также оплачиваются ими. Подсчитано, что начальное образование африканского ребенка обходится его семье в три раза дороже, чем семье белого ребенка. А между тем заработок любого африканца во много раз меньше заработка самого бедного белого.

Вот почему так мало африканских детей имеют возможность получить среднее образование. Два года назад, например, 72% учеников обучалось в первом классе, 24,9% в двух последующих и только 2,9% в последнем классе.

Не хватает африканских учителей²⁸. Условия работы в школах невыносимы. В резерватах ребятишки вместо парт используют собственные коленки. Столовых, как в былые времена, теперь не существует, деньги, предназначенные на их содержание, идут в уплату учителям, и ребята, измученные дальней дорогой и голодом, не в силах ничего воспринимать. Учеников слишком много и учиться приходится по сменам. Так что в день получается не больше трех часов занятий. «Мы не располагаем средствами, — заявил Фервурд, — и не можем платить учителям за то, чтобы они присматривали за детьми.

²⁸ Их всего двадцать пять тысяч, причем треть из них недостаточно квалифицирована. Если преподают муж и жена, то они зарабатывают максимум 320 ф. ст. (4160 фр.) в год. Тогда как несемейный белый учитель зарабатывает 603 ф. ст. (7839 фр.).

Трех часов уроков вполне достаточно, на большее африканский ум все равно не способен».

Хотите знать цель, которую преследует правительство? Свести до минимума число африканцев, которые могут выдержать экзамен при поступлении в университет.

— У нас в Претории, — рассказывает Паула, — слишком низок интеллектуальный уровень студентов, и в этом наше несчастье.

Я спрашиваю, в чем же причина.

— Нас слишком мало, поэтому берут всех подряд, без всякого отбора, — отвечает она, не давая себе труда подумать.

— Как это мало? Ведь в Южной Африке более семнадцати миллионов жителей?

— Я имею в виду белых, — говорит она.

Один преподаватель, решивший ради собственного интереса провести опрос в одном из лицеев Дурбана, пришел к выводу, что интеллектуальный уровень в южно-африканских школах для белых несравненно ниже, чем в любой другой стране. Мало того, большинство студентов, поступивших в университет, после окончания его смогли бы устроиться на работу где-нибудь за границей лишь в соответствии с их реальным уровнем развития, т. е. в качестве подсобных рабочих или кем-нибудь в этом роде.

Господин Стреенкамп, один из директоров Южно-Африканского фонда в Йоханнесбурге, говорит мне, что националисты вообще не любят слова апартхейд, ибо знают, что его ненавидят во всем мире. Они якобы предпочитают английский его перевод «Separated development» (раздельное развитие).

Познакомилась я с ним совершенно случайно. Мы заметили, что в последнее время возле дома Энтони постоянно торчит какой-то африканец. Нам показалось, что он записывает номера машин, на которых к нам приезжают гости. А так как Особый отдел нередко использует африканцев в таких целях, мы насторожились. Кроме того, однажды, когда мы вышли из университета, нас начал преследовать какой-то человек на машине, стоило нам выйти из машины, и он тут же пошел пешком следом за нами. Он был высоким, в темных ботин-

ких, черных очках и мягкой шляпе. Я подумала, что слишком уж он похож на флика²⁹, чтобы в действительности оказаться им, но, говорят, в Южной Африке их нетрудно распознать, чаще всего это африканцы самого что ни на есть крестьянского вида.

В общем, как бы там ни было, человек этот не отставал от нас ни на шаг, и тогда я, простившись с Энтони, решила отправиться с визитом к Бенмейеру, французскому директору нефтяной компании Тоталь. Друзья советовали мне остерегаться его, потому что душой и телом он предан южно-африканскому правительству. Но я подумала, что если тот тип действительно следит за мной, то-то он удивится моему визиту к Бенмейеру.

Бенмейер принял меня с величайшей любезностью.

— Ах, французская студентка! Вам нельзя отказать в смелости. И в прилежании. Это, знаете ли, редкость, чтобы молодая девушка отважилась приехать на каникулы в Южную Африку. Здесь есть что посмотреть, и есть чему поучиться. Вы одна?

Рассказываю, что со мной приключилось.

— Девочка моя, — говорит он, — положитесь на меня, как на отца. Я дам вам несколько советов. Может быть, вы не совсем поняли, но в этой стране живут не только белые. Кроме них есть еще двенадцать миллионов банту...

— Да, действительно, — заметила я с самым глупым видом. — Совсем черные люди.

— Вот именно, — обрадованно подтвердил он. И отеческим тоном стал развивать свою мысль: — Мало того, что есть черные, вы увидите, особенно в Кейптауне, и таких, которых зовут «sologed», метисы. Их больше полутора миллионов, и размножаются они с поразительной быстротой. Надо быть все время начеку, потому что иногда они с виду белые, так что сразу и не разберешься. Все зло в них. Они и пьяницы, и лентяи. Это не то, что банту, которые, между нами говоря, все равно что взрослые дети, безобидные, добрые и работающие, надо только уметь взяться за них. У меня вот уже сколько лет работает около дюжины слуг. Да они умереть за меня готовы. Нет, что и говорить, банту люди очень ми-

²⁹ Презрительная кличка полицейских во Франции. — *Прим. перев.*

ролюбивые. И если бы не эти заводицы, Южная Африка была бы настоящим земным раем...

Я делаю большие глаза и спрашиваю, а не помесь ли эти метисы белых и африканцев.

— Ни в коем случае! — возмутился он. — Это все пропаганда. В метисах нет ни капли белой крови. Они произошли от смешения готтентотов и рабов-малайцев... Конечно, первые белые поселенцы, возможно, и согрешили, но это ничтожный процент. Короче говоря, остерегайтесь метисов. Но хуже всего индийцы, их больше пятисот тысяч. Если ваша тетушка свозит вас в Дурбан, вы увидите, там их полным-полно. Обязательно надо съездить в Дурбан, в июле там самый сезон. Там как раз проводятся знаменитые скачки и состязания парусников. Индийцы очень опасные люди, они далеко не глупые, умеют работать, великолепно разбираются в коммерции и помогают друг другу. Но вот беда, ненавидят белых. И способны на все. Это от них банту заразились духом непокорности.

Так и жду, что Бенмейер вот-вот скажет в заключение: «Они — как еврей», потому что, я заметила, здесь так принято. Но нет, оказывается, он сам наполовину еврей. Один из тех евреев, у кого память слишком короткая.

Бенмейер должен ненадолго уехать во Францию и, чувствуя себя обязанным сделать для меня что-то, предлагает позвонить в Южно-Африканский фонд и отрекомендовать меня.

Его предложение меня крайне заинтересовало, потому что учреждение это, считающееся частным, на деле представляет интересы южно-африканского капитала³⁰.

Тесно связанное с южно-африканской прессой, оно имеет отделения в крупнейших странах, сохранивших финансовые интересы в Южной Африке (таких, как Великобритания, Япония, Франция и т. д.). Во главе таких отделений стоят представители крупного капитала. Бен-

³⁰ Созданная в 1959 г., организация эта была призвана «развернуть разъяснительную кампанию с тем, чтобы показать миру истинное лицо Южной Африки» и добиться международного понимания. Но в действительности основной ее задачей была борьба с тем ущербом, который нанесло южно-африканской экономике осуждение политики апартхеида.

мейер, например, представляет интересы Франции. В его обязанности входит держать в курсе всех событий французские финансовые круги; он доказывает им, что нечего опасаться вкладывать капиталы в предприятия Южной Африки, где все идет как нельзя лучше, уверяет, что политика апартхейда — это политика расового и социального мира, о революции же и речи быть не может, поэтому риска нет ни малейшего. Бенмейер способствует более активному проникновению французских капиталовложений в Южную Родезию.

— Мы должны занять место Великобритании, — заявляет он. — Уже сейчас наших соотечественников здесь двенадцать тысяч.

Устроив мне встречу со Стреенкампом («Девушка прелестная, — сказал он ему по телефону, — и широких взглядов»), Бенмейер провожает меня до двери и говорит на прощание:

— Я собираюсь во Францию и при случае скажу де Голлю, что у французской молодежи есть кое-что за душой.

Когда я вышла от Бенмейера, типа в мягкой шляпе уже не было. Я тут же отправилась в Южно-Африканский фонд, расположенный на самом верху роскошнейшего билдинга на Коммишнер-стрит.

Стреенкамп, молодой, светловолосый человек голландского склада, рассказывает мне по-французски, что предками его были, как ни странно, гугеноты, изгнанные из Франции после отмены Нантского эдикта. Он в восторге, что ему представилась возможность поговорить с французской студенткой, потому что для него «раздельное развитие — это не только вопрос интересов капитала, это, в первую очередь вопрос идеологический, речь идет о духовном, интеллектуальном развитии».

Впоследствии мне станет известно, что он является агентом Особого отдела и ему вменяется в обязанность устанавливать связь с журналистами и иностранными дельцами.

Сначала мы пьем чай с его секретаршей, необъятных размеров дамой, которой непременно надо знать, где я живу, с кем встречаюсь, каковы мои планы и связи. По всей вероятности, я ей показалась воплощением невинности, и она, вполне успокоенная, принялась пересказывать мне с громким хохотом расистские шуточки, в кото-

рых неизменно фигурировали лень и глупость африканцев, ну и, конечно, их сексуальная сила.

Но Стреенкамп был не дурак, и я перестала изображать из себя невежественную девочку, напищканную расовыми предрассудками. Я сказала ему, что в Европе, как ему должно быть известно, априори не одобряют апартхейд, но что я хочу сама во всем разобраться.

— К этому-то мы и стремимся, — обрадованно заявляет он. — Мы вовсе не требуем, чтобы мир одобрял нас, мы просто хотим, чтобы нас постарались понять. А главное, согласились бы с тем, что все, пригодное для остальной части человечества, не обязательно годится для нас. Вот вам пример: лично я ничего не имею против коммунизма.

— Вы ничего не имеете против коммунизма? — с приторным возмущением восклицаю я.

Он смеется с заговорщическим видом:

— Мы отлично понимаем друг друга: я ничего не имею против коммунизма для русских. Но не желаю его для остальной части человечества. Вот так же и с раздельным развитием. В других местах это покажется преступлением, а для нас это единственно возможное решение. Мы прекрасно знаем этих банту. Мы знаем, что сами они не способны управлять собой, знаем на опыте не одного века. И не хотим, чтобы страна вновь вернулась к варварству. А если бы три миллиона белых не стояли здесь на страже западной и христианской цивилизации, не только Африканский континент, но весь мир поглотила бы дикость.

Я с трудом сдерживаюсь, а Стреенкамп, усевшись за стол, продолжает в полном упоении:

— Банту должны развиваться в соответствии со своими способностями и обычаями у себя в родных местах, хоумленд, положившись на волю белого человека, который мало-помалу приобщит их к современной и христианской цивилизации. Банту и слышать ничего не хотят о демократии, они стремятся к такой организации, которая соответствовала бы их племенным обычаям, им требуется вождь. Мы это усвоили. Было бы заблуждением думать, что у туземцев и белых одни и те же желания. Они не такие, как мы, и едят не так, как мы, и чувствительность у них не такая, как у нас, да и любят

они иначе. (Так, знакомая песенка!) Для них женщина ничего не значит, у них все общее, и женщин они передают друг другу. Вот счастливцы! Женщина для них все равно, что скотина или земля, у них нет чувства собственности...

Если вам встретится, например, банту, которого по виду можно принять за интеллигента (врач или учитель), на первый взгляд вам покажется, что он рассуждает точно так же, как вы. А на самом деле ничего подобного: достаточно какой-нибудь малости, и он готов нацепить на себя перья и пуститься в пляс вокруг костра...

Итак, мы предоставим банту развиваться постепенно и научим их управлять друг другом в хоумленд, за примером далеко ходить не надо, существует уже Транскей, там есть свой парламент, свой премьер-министр и собственные депутаты. Со временем таких национальных центров, или бантустанов станет пять или шесть, там будут собраны все банту. Мы начали с Транскея, так как это самый значительный резерват, но вскоре такие же бантустаны создадут в Зулуленде, Сискее, Тсонга и Венда. Ибо было бы ошибкой полагать, что банту представляют собой единый народ. Лучше распределить их по отдельным национальным центрам, гражданами которых они станут. Впрочем, и сейчас уже банту, говорящие на языке коса, официально считаются гражданами Транскея. Вот почему им требуется специальный пропуск для передвижения по стране...

Я слушаю его и думаю, что это все равно, как если бы «черноногие»³¹ поделили Алжир по собственному своему усмотрению, и алжирцы должны были бы возвратиться в свои «родные дуары», наделенные некоторой автономией. Таким образом национальные центры оказались бы смещены в самые бедные районы: Кабилию, Орес, Варсенис. Провели бы и племенное деление. И алжирцы, испокон веков жившие в Алжире или Ороне, были бы провозглашены гражданами тех районов, где они отродясь не бывали. Такие горные слаборазвитые «резерваты» со всей очевидностью не могли бы уместить да еще прокормить двенадцать миллионов алжирцев. И вот, получив специальные пропуска

³¹ Так называли французов, родившихся в Алжире. Многие из них во время национально-освободительной войны алжирского народа поддерживали оасовцев.— *Прим. перев.*

и годовые контракты, они, подобно каторжникам, без какого бы то ни было трудового законодательства обязаны были бы работать на плодороднейших землях Митиджи и Оранской области или же на нефтяных промыслах. Причем они считались бы эмигрантами, а эмигрантам не положено возить с собой семью, и потому на весь срок контракта их упрятали бы в лагеря для «несемейных», где-нибудь в окрестностях «европейских» городов.

Думая об этом, я слушаю Стреенкампа, а тот соловьем разливается, повествуя о прелестях «раздельного развития».

И еще, как всякий раз, когда приходится беседовать с африканером, я размышляю, в своем ли он уме или до невероятности наивен, а может быть, наоборот, неслышанно циничен.

А вернее всего, и то, и другое, и третье — все вместе.

Я спрашиваю, а какое решение предполагается принять в отношении метисов и индийцев, ведь у них-то нет хоумлендов.

— Ничего, что-нибудь придумаем, — говорит Стреенкамп. — Создадим для них отдельные муниципалитеты, отведем специальные зоны, где у них будут свои представительные советы. Впрочем, после того как принят закон о расселении по групповым районам, они и так уже живут в специально отведенных для них зонах. Осталось только создать у них большой совет, который подчинялся бы министерству по делам метисов.

И добавляет с этакой печалью в голосе:

— Поверьте, им должно быть грустно, ведь метисы, это почти что белые. В Кейптауне, например, они живут вместе с белыми. Но другого выхода нет. Если не ввести для них, так же как и для всех остальных, раздельного развития, то в один прекрасный день в этой стране все станут метисами, так случилось в Бразилии. Представляете себе? Ведь это значит открыть свободный доступ коммунизму!

Мне с трудом удается избавиться от Стреенкампа, которому настолько понравились мои «широкие взгляды», что он непременно хочет пригласить меня к себе и зачитать собственный труд, посвященный Транскею. Он выходит со мной на улицу, а прощаясь нашептывает: «Нет, вы не уедете из этой страны. Мы найдем для вас мужа». Вот уж спасибо!

Я уезжаю из Йоханнесбурга в Кейптаун в тот самый момент, когда Особый отдел проводит обыски у всех продавцов пластинок, чтобы узнать имена и адреса тех, кто покупает пацифистские американские или английские песни, осуждающие войну во Вьетнаме и призывающие на борьбу за гражданские права. Кроме того, арестовали и подвергли допросу нескольких певцов-африканеров из молодежи за то, что они перевели на африкаанс некоторые из этих песен.

Придется лететь четыре часа самолетом, чтобы пересечь плато, протяженностью в тысячу семьсот километров, отделяющее Йобург (так здесь называют Йоханнесбург) от Кейптауна. И это еще ничего, ведь Южно-Африканская Республика занимает площадь в 1223 тыс. квадратных километров. В самом скором поезде до Кейптауна мне пришлось бы ехать около двадцати шести часов. Я просто подсакиваю, когда узнаю, что от Кейптауна до Порт-Элизабета и Ист-Лондона, ближайших намеченных мною пунктов, мне предстоит путешествовать в поезде тридцать девять часов. Понятно, почему здесь все пользуются самолетами.

Пролетая над бескрайней дикой пустыней Большой Карру (в этом районе расположен один из самых значительных в мире центров по разведению баранов), листаю газеты, и вдруг меня словно кольнуло в сердце. Еще раз перечитываю газетные строки: Форстер, тогда министр юстиции, снова начал нападки на НЮСАС. Он заявил, что руководители студенческой организации играют с огнем, раз они не боятся устанавливать связь с кубинскими и алжирскими студентами. Кроме того, он добавил, что ему известно, с чьей помощью эта связь была установлена. «Студентов учат из-за границы саботажу, видно, собираются внедрить в нашей стране коммунизм». На какое-то мгновение меня охватывает тревога: не слишком ли я разоткровенничалась с Энтони и его женой?

После засушливого Карру район Кейптауна кажется таким зеленым. Склоны холмов, спускающиеся к морю, почему-то напоминают мне Алжир, который находится на другом конце Африканского континента. Наверное, из-за виноградников. Впрочем, и климат, должно быть, такой же, вроде средиземноморского — жаркий и влажный летом, дождливый и холодный зимой. Зато купать-

ся здесь, говорят, очень плохо: воды Атлантического и Индийского океанов, встречающиеся у берегов Кейптауна, во все времена года обжигают холодом.

Окрестности аэропорта Луиса Боты, где мы приземляемся с наступлением сумерек, поражают своим великолепием. Это ничуть не похоже на Трансвааль, кажется, будто ты попал совершенно в другую страну.

Однако, насколько мне удалось заметить, здесь тоже неукоснительно соблюдается закон о резервировании работы, хотя и говорят, что законы апартхеида в этой провинции не так свирепы, как в иных местах.

За рулем багажных тачек нет ни одного африканца. Зато множество подсобных рабочих и носильщиков, спящих вокруг нас, не черные, а метисы — «капские цветные», как их именуют здесь.³²

У некоторых кожа совсем бледная, а глаза зеленые, как у кубинских мулатов, лишь курчавые волосы выдают порой их происхождение.

Уже в аэропорту замечаешь, что и белые здесь по своему внешнему виду сильно отличаются от трансваальцев, большинство нынешнего белого населения Кейптауна английского происхождения. Многие мужчины в шотландских шортах до колен, курят трубки на манер отставных майоров из английской колониальной армии в Индии.

Сажусь в автобус, который идет в Кейптаун. Рядом со мной усаживается молодой человек с большой сумкой, на которой значится «Люфтганза», западногерманская авиакомпания. Оказывается, он немец, но уже три года живет в Южной Африке. «Сюда за последнее время приехало много немцев, — рассказывает он. — Не знаю почему, но мы с африканерами нашли общий язык». Он не знает, а я-то знаю. Страшно, до чего живуча нацистская мораль.

Проезжаем мимо порта; несмотря на блокаду, там кипит жизнь, полно больших кораблей со всех концов света, даже не хватает места у причалов.

Центр города невелик: несколько высоких зданий,

³² Всего в республике 1763 тыс. метисов, причем 88% из них живут в Капской провинции

магазины, сосредоточенные вокруг Эддерли-стрит, самой большой и оживленной улицы, берущей начало в парке, расположенном у подножия горы, и круто обрывающейся у самого моря. Параллельно ей идут несколько улиц с низкими домиками в голландском стиле, с деревянными балконами вдоль всего второго этажа и крытыми террасами. Люди живут на виллах среди сосен и дубов, покрывающих холмы, которые ползут вверх, к Столовой горе.

Отель, в котором я устроилась, очень симпатичен. Хозяйка не похожа на спесивого, самодовольного босса из «Гран Насьоналя» в Йоханнесбурге. Да и вообще не заметно, чтобы белые здесь так тесно сотрудничали с Особым отделом, как это часто случалось там. Мне не задают лишних вопросов, не спрашивают, откуда я приехала, зачем и куда собираюсь ехать дальше. Вся прислуга, как женщины так и мужчины, — метисы, и вид у них не такой испуганный и забитый, как у прислуги в «Гран Насьонале».

Спускаюсь в ресторан и заказываю дюжину прославленных устриц Мосселбай, лангуста и белое вино. Не знаю почему, но окружающие взирают на меня с изумлением. Может, здесь не принято, чтобы девушка ходила в ресторан одна? А вернее всего, из-за вина. Женщинам не полагается пить на людях. Но мне все равно, не обращая внимания на инквизиторские взгляды благонамеренных семейных граждан и пристальный интерес оживившихся одиноких господ, я не спеша предаюсь своему безобидному пиршеству и пью великолепное кейптаунское вино за более чем умеренную плату в один ранд (семь франков). Что и говорить, белым здесь живется совсем неплохо!

Попробовала выйти на улицы Кейптауна. Но так же, как и в Йоханнесбурге, ночью здесь пустынно. Ни одного прохожего, лишь пронизывающий ветер разгуливает по улицам. Навстречу мне попались подвыпившие моряки-метисы с бутылками в руках, но они не окликнули меня, сделав вид, будто вообще не заметили. Они прекрасно знают, чем это пахнет — попытка познакомиться с белой при существующем законе о борьбе с безнравственностью. Мне рассказывали, что редко кто из цветных пробовал установить какие бы то ни было отношения с белой женщиной. Обычно бывает наоборот: белые,

чаще всего полицейские, насилуют и увозят на машинах метисок и африканок, а потом являются в полицию и заявляют, будто те приставали к ним. И бедняжкам приходится платить штраф или, того хуже, отправляться в тюрьму.

Лучше уж пойти спать, чем смотреть второсортные американские фильмы, которые идут во всех кинотеатрах без исключения. Мебель в моей комнате старомодная и непритязательная. Кровать простого дерева, покрытая огромным пуховиком, маленький столик, ночной горшок и массивная Библия на африкаанс и на английском. Безошибочная тактика, я поддаюсь ей, открываю Библию и заканчиваю свой день чтением Ветхого завета.

Наутро погода стоит отличная. Горничная, которая приносит мне завтрак и утренние газеты, спрашивает, откуда я. И так как я отвечаю «из Франции», она робко продолжает расспросы (в Йоханнесбурге никто не осмелился бы этого сделать): — А во Франции тоже апартхейд? — Я отрицательно качаю головой, а она снова спрашивает: — Значит, в других странах этого нет? — Нет, нигде нет, — отвечаю я. — Несчастные мы, — говорит она на прощание и уходит.

Говорят, что кейптаунская газета на африкаанс «Ди Бюргер» не такая реакционно-расистская, как «Ди Фадерланд» или «Ди Трансвалер», издаваемые в Трансваале. Из утреннего выпуска «Кейп Таймс» на английском языке узнаю, что господин Бота, министр экономического развития, заявил вчера в парламенте, что все предпринятые меры лишь начальный этап апартхейда, ибо «как все революционные идеи, апартхейд не остановится в своем развитии». В настоящее время апартхейд ввели в церкви, в театре и на спортивных площадках, теперь очередь за торговыми предприятиями. Сомневаюсь, чтобы подобная мера могла быть претворена в жизнь. Что станет с внутренним рынком, если число покупателей убавится на двенадцать миллионов?

В рубрике происшествий читаю, что двое белых детей двенадцати и тринадцати лет убили из карабинов рабочих-негров, работавших на ферме их отца: они будто бы не узнали тех и «сочли подозрительными». Детей поздравляли с меткими выстрелами.

Мне дали телефон одного молодого дипломата, который может оказаться полезным, звоню ему. Большинство дипломатов, аккредитованных в Южной Африке, довольно враждебно настроено по отношению к апартеиду.

Парламент находится в Кейптауне, но так как парламентская сессия закончилась, посольства вместе с правительством вскоре вернутся в Преторию, административную столицу страны.

Молодой дипломат назначил мне свидание лишь во второй половине дня, и я решила погулять по улицам Кейптауна. Город лениво растянулся среди цветущих садов, между Столовой горой и огромным заливом, в котором смешивают свои воды два океана. Пересекаю малайский квартал с мечетями. До чего же странно видеть здесь мечети! В Дурбане я снова увижу их, большая часть индийского населения там — мусульмане. Девочек, которых я фотографирую, зовут Фатима, Зубида, Муния, а женщины скрываются во дворе за высокой стеной, словно где-нибудь в арабской стране.

Возле порта есть нечто вроде барахолки и цветочного рынка под названием «Грэнд-Парейд». Торгуют там метисы. Пожилые англичане на пенсии приходят сюда за цветами, самые красивые цветы — протеи, их называют «Sugar Bush», так же, как и «Springbox» (что-то вроде газели) — это эмблема страны.

Основные покупатели — африканцы, которые приходят на рынок в поисках старой одежды. Одеты они гораздо хуже, чем африканцы Йоханнесбурга, подражающие, особенно по воскресеньям, несколько крикливой, но тем не менее элегантной моде американских негров, здешние же африканцы ходят чуть ли не в лохмотьях, вместо ботинок на ногах у них самодельные тапочки из автомобильных покрышек.

Хочу сфотографировать троих африканцев (несмотря на всю свою бедность, выглядят они вполне достойно, и все трое необычайно похожи на Лумумбу), как вдруг чья-то белая рука заслоняет мой объектив.

— Что за наглость! — возмущенно набрасываюсь я на типа, который так глупо пошутил.

Он вежливо отвечает:

— Простите, я думал, вы так, ничего не фотографируете.

Я в ярости возражаю:

— Нет, я фотографировала африканцев.

— Вот-вот, — отвечает он, радуясь своей шутке, — я и говорю — ничего, ведь они — ничто. Потом вдруг стал серьезным:

— А у вас в Европе нет ничего «этакого»?

— Меньше, чем здесь.

— А-а, вот видите, вам повезло, — говорит он скорбным тоном, — все они лентяи, воры, алкоголики... А главное, у нас их такая тьма. Всюду, куда ни глянь.

Можно было подумать, что он говорит о нашествии саранчи.

Ребятишки-метисы просят милостыню. В Йоханнесбурге этого не увидишь. И не потому, что африканцы там богаче и не нуждаются в подавании, просто если какого-нибудь мальчишку поймают за таким занятием, его сразу же отправят на ферму-тюрьму.

Какой-то ясновидец проповедует что-то на африкаанс, в то время как женщина поет религиозные гимны. Африканцы и метисы внимательно слушают. С большим трудом разбираю несколько слов: «Не делайте как в Конго».

В., молодой дипломат, заехал за мной. Чтобы нам не мешали, мы отправились на пляж Сипойнт, вдоль которого идет бульвар наподобие Английского бульвара в Ницце, только более просторный и роскошный. Мне почудилось, будто я попала на Лазурный берег зимой, хотя горы скорее походили на Пиренеи.

На пляже одни только белые. После того как в 1955 г. был принят закон о раздельном пользовании зонами отдыха и т. д., правительство потребовало от муниципального совета разделить пляжи по «зонам», в соответствии с существованием различных национальных групп, чтобы и в данном случае можно было проводить апартхейд.

В. говорит, что кейптаунскому муниципальному совету здорово досталось.

— Не из-за африканцев, конечно, которым отвели Миэди Бич в бухте Фолс-Бей, совсем крохотный пляжик очень далеко от города, рядом с локациями Ньянга и Гугулету, а из-за метисов, которые всегда пользовались пляжами вместе с белыми. Правительство хочет, чтобы метисам выделили два маленьких пляжа в Страндфон-

тейпе, километрах в сорока от города и очень далеко от районов, где они живут.

Напротив пляжа nudистов в Сипойнт находится остров Роббен.

— Это большой концлагерь, — рассказывает В., — где заживо погребены две тысячи политзаключенных, в том числе Мандела и Сисулу, лидеры Африканского национального конгресса, и Собукве, лидер Панафриканского конгресса. И хотя последний давным-давно уже отбыл свой срок, его все еще держат на каторге, согласно закону, принятому исключительно ради него. В законе этом говорится, что в тюрьме политзаключенный в большей безопасности, чем на воле. Ибо подобная мера спасает его от соблазна начать все сначала и понести за это более жестокую кару, не говоря уже о том, что избавляет от преследования врагов.

В. придерживается пессимистической точки зрения. С тех пор как он приехал в эту страну, дела идут все хуже и хуже.

— Чем более широкий размах принимают фашистские меры, тем меньше реагируют на это белые, даже те из них, кто отнюдь не являются фанатиками. Мы знаем, например, людей, которые в свое время голосовали за Объединенную партию, а теперь голосуют за националистов. Люди боятся. Боятся политики, а следовательно, правительства и, разумеется, боятся африканцев. А Фервурду и Форстеру только того и надо, они хотят, чтобы люди испугались и впали в истерику. А африканцев охватила полная безнадежность. Лидеры их арестованы, законы апартхейда проводятся в жизнь неукоснительно и день ото дня становятся все многочисленнее и непреклоннее. Всего какой-нибудь год назад нам часто случалось заглядывать в локации к африканским друзьям, мы встречались с их руководителями, ездили к Лутули, хотя и тогда уже он жил под надзором. Теперь ничего этого нельзя. Конечно, не нам, дипломатам, а нашим друзьям, которые боятся принимать нас у себя. Вам известно о новом проекте закона, по которому в тюрьму будут сажать людей, если их можно использовать в качестве свидетелей, причем полиция вовсе не обязана передавать их дело в суд? Так вот, закон еще не принят, а люди уже боятся, избегают принимать у себя или посещать знакомых, известных своими анти-

расистскими взглядами. За два года в этой стране как бы выросла стена страха и ненависти. Это видно хотя бы на примере слуг. Теперь, даже если вы ведете себя по отношению к ним совершенно безукоризненно, ни о каких контактах и речи быть не может. Дело здесь неизбежно кончится кровопролитием. Как-нибудь ночью все жители Совето ринутся на Йоханнесбург, а сюда хлынут люди из Ланги, Ньянги и Гугулету. Вы слышали, что произошло в Паарле, одной из локаций неподалеку от Кейптауна? Я уже не помню, что послужило предлогом, только африканцы бросились к полицейскому посту с копьями и кольями, убивая на своем пути всех попадавшихся им под руку белых. Это вполне естественно, на их месте я поступил бы точно так же. Впрочем, даже если ты не африканец, очень часто хочется поступить именно так: взять да и перерезать всех белых. В тот день, когда это случится, ни одна африканская организация не в силах будет вмешаться. Прошло время всяких там организаций и политических средств, даже для организованного насилия и то слишком поздно. Не представляю себе в этой стране ни освободительной, ни партизанской войны. Здесь может быть только безбрежное море крови, хуже, чем в Конго, и тогда потребуется, очевидно, вмешательство ООН.

В. рассказывает все это вполголоса, глядя на море и на нудистов. Мимо проносятся всадники на лошадях, любители поло...

Распростившись с В., я решила отправиться на Столовую гору, которая вполне заслуженно носит свое имя: вершина ее, куда можно добраться по канатной подвесной дороге и где расположен маленький ресторанчик, и в самом деле плоская, точно поверхность стола. До подножия горы можно доехать на троллейбусе. Но что за диво? Оказывается, в Кейптауне метисы и африканцы могут ездить в автобусах вместе с белыми. Только должны оставаться на задней площадке. А если много белых, то и на тротуаре. Я поняла это, когда хотела пропустить старую метиску. Она кивнула, чтобы я проходила, сама же она не может войти до тех пор, пока не сядут белые, все до единого.

Я поселилась у В. В этой стране трудно жить в отеле. Это противоречит сильно развитому здесь духу гостеприимства. Правда, такому обычаю немало способст-

ную просторные виллы, обильное количество прислуги, заказы по телефону, оплата чеками и доставка товаров на дом.

Сегодня мы собираемся в Стелленбос, очаровательный студенческий городок, расположенный у подножия прибрежных гор, на берегу залива Индийского океана, хотим зайти в гости к одному профессору, который только что вернулся из Юго-Западной Африки. Из Стелленбоса недавно выселили две тысячи метисов, которые жили там около двухсот лет, потому что весь этот район объявлен «зоной белых». Метисам удалось построить здесь шесть школ, четыре церкви, мечеть, большой кинотеатр, кроме того, у них было десять больших предприятий. Вместе с ними выселили и малайцев, которые с давних пор осели здесь возле могилы одного из своих святых — шейха Жозефа.

В Стелленбосском университете, где преподавание ведется на африкаанс, учатся дети Фервурда, хотя, говорят, расистский дух здесь не так силен, как в Претории. А между тем Стелленбосский университет стремятся превратить в символ чистоты расы африканеров. Утренние газеты рассказывают о только что разразившемся здесь скандале, вынудившем госпожу Фервурд произнести такую знаменательную фразу: «Вспомните конец Римской империи». Группа студенток решила создать свой клуб. Чтобы стать его членом, требовалось приобрести любовный опыт, вступив в связь с местными студентами, затем на публичных заседаниях вновь поступавшим во всеуслышание выносились оценки. Самая высокая оценка была присуждена той, которой удалось соблазнить наибольшее число студентов теологии.

Прогуливаемся в небольшом лесочке. Всюду возлежат парочки студентов, которым наше появление явно не по вкусу. Потом идем пить молоко на маленькую ферму. Весело переговариваемся. Я решила исследовать дом, и здесь все та же картина: африканцы в неизменных мешках из-под картошки вместо всякой одежды среди коров и навоза.

Говорим о Юго-Западной Африке, этой огромной пустынной территории, где сосредоточены алмазные рудники. В 1920 г. по мандату Лиги наций она была передана Южной Африке «во имя блага и экономического процветания ее народа».

Две африканские страны, Эфиопия и Либерия, состоящие в Лиге наций, возбудили в Международном суде в Гааге дело против ЮАР, обвинив ее в том, что она не выполнила своих обязательств, незаконно захватив Юго-Западную Африку. То, что творится сейчас в этой бывшей немецкой колонии, еще хуже того, что происходит в самой Южной Африке.

Профессор рассказывает, что африканцев расселили там по резерватам на самой границе с пустыней Калахари, занимающей четвертую часть всей территории страны. «Некоторые из них, например бушмены, живут в пещерах, как в каменном веке. Остальная часть страны занята алмазными рудниками или заповедниками диких зверей».

В., недавно посетивший Юго-Запад (для этого требуется специальное разрешение, которого очень трудно добиться), рассказывает, что жизненный уровень тамошних африканцев, на его взгляд, в десять раз ниже жизненного уровня южно-африканцев. «А между тем, страна эта необычайно богата: именно там добываются самые лучшие в мире алмазы. Претория и там намеревается создать бантустаны, несмотря на отрицательное отношение к ним международного общественного мнения».

Стреенкамп телеграфировал из Йоханнесбурга местному директору Южно-Африканского фонда, чтобы тот познакомил меня с «прелестями» «раздельного развития» в Капской провинции. Зовут его Дикерсон (но очень скоро он попросит называть его запросто старина Дики), это довольно высокий тип с красным носом, смахивающий на доктора Мэгу, близорукого старикашку из американских мультфильмов. Он англичанин, служил в свое время майором в Индии.

— Я не фанатик. Предпочитаю золотую середину, — любит повторять он. — Мне нравятся африканцы, они все равно что хорошие домашние псы.

На самом же деле совесть у Дикерсона не так уж чиста, особенно по отношению к метисам, хотя он очень сожалеет, что и на них теперь распространяются законы апартхейда. Но он любит жизнь и потому твердит: «Ничего не поделаешь, раз уж в этой стране все так устроено». А страну эту он любит всей душой. Как и у боль-

шинства южно-африканцев, у него просто слезы навертываются на глаза при виде какого-нибудь нового сорта протеи или цепи зеленых гор, как будто устремляющихся на приступ Столовой горы. Вот потому-то он и работает в Южно-Африканском фонде. «Не хочу, чтобы весь мир ополчился на нас и чтобы такую страну, о которой можно только мечтать, уничтожили».

Сегодня день жертвований. Один старый врач из африканеров, который вышел уже на пенсию, принес в дар сорок три ранда (триста франков). Узнав, что я француженка, он решил, видимо, сделать мне приятное, заявив: «В мире было только три великих человека: Гитлер, Фервурд и де Голль». Затем начинает говорить что-то невообразимое; из всей его речи мне запомнилось лишь одно: Германия правильно сделала, объявив войну всему миру, потому что все пытались унижить и обокрасть ее. Я не удержалась и сказала ему, что Гитлер был преступником. Тогда он начал кричать:

— Гитлер не убивал людей. Его оклеветали евреи.

Потом вдруг успокоился и ласково сказал:

— Если бы я был молодым, я поступил бы так же, как немцы, я объявил бы войну всем странам. Хотя бы африканским. Для нас это единственный выход. Нас тоже не понимают и унижают. Мы так же, как немцы, бьемся, стараясь спасти западную цивилизацию, а нас не понимают, не понимают...

Старый врач весь позеленел, и секретарша Дикерсона, голландка, до того испугалась, что принесла ему стакан воды.

Дикерсон предлагает мне посетить один завод, на котором работают тысяча восемьсот метисов. Кроме меня были и другие приглашенные: старая полусумасшедшая ирландка в капоре и белом муслиновом платье, издательница одного голландского журнала, которая по-видимому, маскируется вроде меня, и немецкий промышленник из Гамбурга, «хорошо знававший Францию в сороковых годах». Он в полном восторге оттого, что ему представилась возможность поговорить по-французски, «он обожает этот язык».

Германия, — замечает он, — уже вложила в предприятия Южной Африки более двенадцати миллионов фунтов стерлингов (28 миллионов франков) и будет продолжать в том же духе. Впрочем, цель его пребы-

вания здесь в том и состоит: развивать германо-южно-африканское сотрудничество. «У нас столько всего общего». Он кладет мне руку на плечо и тоже начинает пугать меня коммунистической и китайской опасностью. «Вы слышали, что произошло в Танзании? Этот Ньерере, он же китаец».

Завод, на который мы пришли, принадлежит фирме ВМС (British Motor Car). Здесь собирают автомобили марки «костен» и «БМВ»³³. Ходим по разным цехам. У многих рабочих кожа совсем белая, они выполняют высококвалифицированную работу. Но так как согласно недавней переписи населения их отнесли к категории цветных, платят им теперь, как всем метисам, т. е. значительно меньше того, что полагается по их квалификации.

Большинство рабочих получает семь фунтов стерлингов в неделю (девятью восемь франков). Управляющий заводом, шотландец по происхождению, говорит, что закон о резервировании работы очень мешает ему. «Некоторые рабочие могли бы стать техниками. А нам приходится приглашать иностранцев, которые по деловым качествам часто уступают нашим».

Беседую с молодым мастером, метисом. В Кейптауне, где законы апартхейда не касались в такой степени метисов, работу электриков, маляров, плотников могли выполнять не только белые. Теперь это случается все реже и реже. Мастер, о котором идет речь, работает на заводе десять лет, он руководит электромонтажными работами и получает всего сорок фунтов стерлингов в месяц (пятьсот шестьдесят франков), тогда как белый, выполняющий такую же работу, получает тридцать фунтов стерлингов в неделю (тысячу шестьсот восемьдесят франков в месяц).

Дикерсон говорит мне: «С метисами все в порядке, они входят в профсоюз». Я спрашиваю молодого мастера, как называется его профсоюз. Под пристальным взглядом босса он опускает глаза и нехотя отвечает:

— Профсоюзы небелых не признаются законом. А в профсоюзы белых нас не принимают. Но мы заключили коллективное соглашение сроком на три года.

Позже, воспользовавшись тем, что мои спутники ото-

³³ На заводе, который за день выпускает сто машин, работает тысяча восемьсот метисов и двести белых.

или подальше, я спросила мастера, есть ли какой-нибудь смысл в этом соглашении.

— Никакого, — ответил он. — Говорить о своей работе мы можем, но при одном условии — не бастовать. Если начнется забастовка, соглашение потеряет всякую силу. Кроме того, обсуждать рабочие вопросы можно только в рамках закона о резервировании работы.

Я торопливо спрашиваю его, много ли рабочих состоит в САКТУ, многонациональном профсоюзе?

Он испуганно смотрит на меня. Я говорю ему, что на меня можно положиться. «Всех, кто входил туда, арестовали», — говорит он и возвращается к своим делам. Я догоняю остальных, и мы идем в столовую, где можно пообедать за десять центов (семьдесят сантимов): тарелка риса, рагу, пирог из проса. Нам предлагают попробовать. Проглотить хотя бы кусочек такого пирога нет никакой возможности, по виду и на вкус он скорее похож на скверного качества клей. «Восхитительно», — шепчет в упоении ирландка. Я советую ей захватить несколько кусков, чтобы полакомить своих внуков.

Управляющий рассказывает, что метисы превосходные работники.

— Конечно, — подтверждает Дикерсон, — это не то что недалекие банту³⁴.

Немецкий промышленник из нашей группы настойчиво уговаривает нас посетить фарфоровый завод, наполовину немецкий, наполовину южно-африканский, акцио-

³⁴ В действительности дело обстоит так: день ото дня все сильнее становится нажим со стороны руководителей предприятий и англоязычной прессы, которые требуют большей гибкости в применении законов о резервировании работы, так как на заводах остается все меньше белых рабочих, все хотят работать только в администрации. Правительство вынуждено было даже признать, что для выполнения пятилетнего экономического плана, который предполагает ежегодное увеличение продукции на 5%, необходимо решить проблему нехватки квалифицированной рабочей силы. Точных данных о числе цветных безработных не существует, но известно, что среди белых нет и 1% безработных. Кризис рабочей силы резко ощущается на железных дорогах. По предварительным данным, ежегодно будет недоставать пятидесяти тысяч квалифицированных рабочих. Между промышленниками и Националистической партией ведутся споры по этому вопросу. Националистическая партия совершенно официально заявляет: «Нас не заставят повернуть вспять, закон для этой страны остается один: цветные не должны быть

нером которого он состоит. «Вы увидите, мы делаем более тонкий фарфор, чем в Люневиле. Раньше завод этот принадлежал французам, тогда он выпускал всего сто двадцать тонн продукции в день. А у нас он выпускает сто восемьдесят тонн». Что правда, то правда, только есть одно «но»: у французов работали взрослые люди. А немцы внедрили новый метод: они приняли на завод четыреста подростков-метисов (многим из них не исполнилось и пятнадцати лет), которые своими детскими руками работают с невероятной быстротой.

Мы посетили завод, там стояла чудовищная жара.

И пока немцы превозносили достоинства германской организации труда, я успела побеседовать с девочками, вдыхающими гипсовую пыль за мизерную плату — пять фунтов стерлингов в неделю (семьдесят франков). Они работают по девять часов и обязаны ежедневно делать две тысячи чашек. Если им удастся сделать на тысячу больше, в конце недели им прибавят лишний фунт стерлингов. Живут они далеко в резерватах, некоторым из них приходится каждый день тратить по три часа на дорогу. Две комнаты без всяких удобств стоят в неделю фунт стерлингов (четырнадцать франков), в них набирается по меньшей мере человек десять.

Голландка рассказывает, что у нее в стране рабочий за ту же работу получает в четыре раза больше.

— Работают девочки хорошо, — говорит немецкий инженер. — За три дня они успевают столько всего усвоить, белому и за год такого не осилить.

квалифицированными рабочими». На самом же деле предпринимателям зачастую предоставляется полная свобода действий, но при одном условии: небелые не должны получать за свою работу наравне с белыми. Стало известно, например, что в железнодорожной сети и почтово-телеграфном ведомстве, где недостаток в рабочей силе ощущается довольно остро, на многое стараются закрывать глаза. Так, сорок метисов было принято на работу в железнодорожное управление в Дурбане. Это вызвало большое недовольство профсоюзов белых железнодорожников. Но правительство и без того не собирается слишком часто прибегать к подобным мерам и делает все для увеличения иммиграции. Министр этого департамента совершил в 1964 г. большую поездку по Европе, стараясь завербовать как можно больше рабочих. В настоящее время, несмотря на то что каждый триместр приезжает около трех тысяч человек, этого все еще недостаточно для выполнения плана заселения, намеченного лидерами Националистической партии. Иммиграция способствует проведению политики апартхейда, ибо вновь прибывшие белые очень скоро становятся яркими сторонниками расовой политики.

В соседнем цехе рабочие-африканцы делают тарелки. Чтобы заработать пять рандов в неделю (т. е. тридцать пять франков), им положено сделать за день пять тысяч тарелок.

— Зато, — говорит толстый немец, — жилье у них бесплатное, они живут в лагерях, как рудокопы Ранда.

— А знаете, на что они употребляют деньги? — вопрошает Дикерсон. Ну, конечно, опять старая песенка. — Они отправляются в Транскей и покупают несколько жен.

Все громко хохочут. Я гляжу на добрые печальные лица рабочих, которые, верно, не виделись со своими женами и ребятишками по меньшей мере год, они, должно быть, поняли то, что сказал Дикерсон.

— В Германии, у Розенталя в Баварии, — продолжает свой рассказ силезец, — рабочий за два часа зарабатывает столько же, сколько банту получает в неделю. Так что для нас это огромная экономия, и прибыль мы получим немалую. В ближайшее время мы собираемся построить в Претории завод, который будет в два раза больше этого.

Надо было видеть, как заблестели глаза предпринимателя, когда он размышлял о немецких заводах в Южной Африке, о собственных резерватах и всех этих лагерях, которые так похожи на Освенцим...

Сегодня Дикерсон пригласил меня на свою ферму в Сомерсет-Уэст, расположенную на берегу Индийского океана. «О, совсем крохотная ферма, виноградники, анельсиновые деревья, человек двадцать рабочих, вот и все».

Сажусь на поезд в Кейптауне. Вокзал, очень современный, находится в самом центре города на Эддерли-стрит. Осторожно фотографирую несколько табличек, свидетельствующих о законах апартхеида в действии: «Для белых», «Для небелых». Навязчивая идея, которая каждый день находит все новые и новые объекты: уборные, газетные киоски с двумя кассами — одна для белых, другая для цветных.

В вагон «для небелых», на котором написано «120 мест», набилось больше пятисот человек. А ведь только на прошлой неделе здесь случилась авария³⁵.

³⁵ В прошлом году зарегистрировано сто пятьдесят аварий.

Трудно себе представить большее безумие, чем отправление пригородного поезда для африканцев. Получить место, значит выгадать два часа. И люди теряют рассудок.

Мужчины карабкаются по вагонам, взбираясь на крышу, одни пытаются влезть в окна, другие стараются ухватиться за поручень, женщины набиваются в вагонные переходы. И когда поезд трогается, кажется, будто началась килевая качка.

Дождь льет как из ведра. На каждой станции, особенно там, где есть заводы, нескончаемые хвосты метисов, они ждут своей очереди под дождем. Это зрелище переворачивает мне всю душу, когда я, усевшись одна в своем роскошном купе, еду вечером к друзьям в Родденбос.

Сомерсет-Уэст находится километрах в ста от Кейптауна. Поезд минует зоны, отведенные для метисов, резерваты наподобие бидонвилей. У меня такое впечатление, что метисам в этой стране живется хуже всего, они самые несчастные. Африканцев двенадцать миллионов, это сила, и белые боятся их, а метисов всего два миллиона, белые относятся к ним, как к существам низшего порядка, а не как к определенной группе, которую не так просто сбросить со счетов.

Дикерсон встречает меня на своей машине у маленького вокзала, возле которого подвыпившие метисы спят на обочине дороги. Трудно винить их в этом. Мне рассказали, что в течение многих лет только белые имели право покупать вино. Цветным было запрещено пить. А для фермеров Кейптауна это было выгодно. Вместо того чтобы платить рабочим, они давали им то самое вино, которое им запрещалось. Так называемая Tot system в действии (tot — мера на африкаанс). По несколько раз в день рабочим выдавалось определенное количество вина. И мало-помалу рабочие стали настоящими алкоголиками. В 1961 г. закон о запрещении спиртных напитков отменили, потому что образовался такой излишек продукции, что требовалось найти новый внутренний рынок сбыта. Теперь все, независимо от цвета кожи, могут покупать вино где угодно. Но продавать его имеют право только индийцы и метисы.

После поправок, внесенных в 1963 г., закон категорически запрещает Tot system. Но Дикерсон рассказы-

вает, что здешние фермеры продолжают ею пользоваться. Они платят рабочим фунт стерлингов в неделю, а кроме того выдают им овощи и один или два литра вина в день. И пьют не только мужчины, но и женщины.

Дикерсон убежден в своем либерализме, еще бы, ведь он платит рабочим по три фунта стерлингов в неделю.

— Правда, во время сбора винограда они работают у меня вместе с женами и детьми, — признается он.

Его «крохотная ферма» в Алжире, например, прослыла бы весьма крупным хозяйством. Дом, а вернее дворянская усадьба, выдержана, как и все местные фермы, в голландском стиле: белый фасад под наклонной крышей; два крыла и в каждом по квадратному окну с массивными наличниками и маленькими стеклами, а по центру, над дверью с резными створками, конек крыши возвышается над двумя витыми колонками, украшенными резным орнаментом. Это очень изящно и напоминает одновременно ренессанс и ампир.

В саду растут все цветы Европы да к тому же еще деревья Востока, пальмы и очень красивый кустарник под названием «Розовое яблоко».

Напрасно Дикерсон уверяет меня, что не применяет у себя Tot system, все его рабочие в большей или меньшей степени пьяны. «Суббота», — пытается объяснить он мне, но разве это оправдание? Мы пили чай, когда прибежала маленькая девочка, которую ее отец, фермер-сосед, прислал сказать, что «Томас напился и набил себе карманы бататом». Томас — это босс-бой местных рабочих, метис, у него десять детей.

И вот мы шагаем вдоль виноградников к полю сладкого картофеля, принадлежащего соседу-фермеру. Посреди поля с блаженным видом растянулся Томас, он спит, а из карманов его катятся бататы, рядом стоит пустая литровая бутылка вина. Дикерсон бьет его ногами, чтобы разбудить. Томас приоткрывает глаза, пытается встать на колени и... раздражается рыданиями... Я слышу, как он бормочет сквозь слезы: «Простите». Дикерсон несколько раз бьет его по лицу, Томас плачет еще громче. Белая девочка визжит от восторга и напевает, кружась на одном месте: «Томас — тупое животное». Дикерсон весь побагровел, цедит сквозь зубы: «Ну, проси прощения. Проси прощения у своего старого от-

ца. — Да, вы для нас истинный отец, — произносит Томас. — Простите, отец».

И верзила метис, понунив голову, бредет к своей хижине. Дикерсон преисполнен гордости: «Теперь его хватит на два месяца. Я их бью время от времени, это им только на пользу. Они — как дети, и обращаться с ними следует соответственно. Кто крепко любит, тот крепко бьет, как говорится у нас», — подмигивает он. Затем, как ни в чем не бывало, он предлагает мне осмотреть его сад, в котором он обожает работать. И там, что очень характерно для белых южно-африканцев, Дикерсон трепещет над каждым лепесточком, над каждой букашкой, отпуская время от времени игривые шуточки.

Вечером по дороге на вокзал нам встретила пьяная метиска, босоногие ребятишки всеми силами старались удержать ее, не давая упасть. «Все они такие, — заявил Дикерсон. — Напиваются и делают детей».

Я уже две недели в Кейптауне, но надеюсь, что полиция не заинтересуется мной. Дикерсон, наверное, уже сообщил куда следует, что я «милая, прелестная девушка» и ничего не смыслю в политике.

Один журналист помог мне встретиться в Кейптауне с лидером Конгресса цветного населения³⁶. Это старый, отошедший от дел адвокат, который живет под ограничениями домашнего ареста. То есть, иными словами, он не имеет права выезжать за пределы Констанции, где проживает, писать в газетах, присутствовать на митингах и даже на заседаниях суда, а кроме того, участвовать в собраниях, численностью больше двух человек.

Встретились мы с ним у одной женщины, члена муниципального совета Кейптауна, которая состоит в Либеральной партии, об этой партии я расскажу позднее.

³⁶ Партия эта не запрещена, но все лидеры ее находятся либо под домашним арестом, либо в тюрьме. Наряду с Африканским национальным конгрессом, Южно-Африканским индийским конгрессом и Конгрессом демократов, а также САКТУ она входит в единый антирасистский фронт — Союз конгрессов, программой которого является Хартия Свободы.

- В Кейптауне, — рассказывает моя новая знакомая (буду называть ее Т. Л., она принимает меня в роскошном доме колониального стиля с невероятным числом слуг-метисов, которых она, как истая южно-африканка, держит в ежовых рукавицах), — так вот, в Кейптауне всего сорок четыре муниципальных советника, из них семь метисов, для нашей страны это невероятно. В Южной Африке только те, кто владеет какой-нибудь собственностью, могут голосовать на муниципальных выборах. До прихода к власти в 1948 г. Националистической партии жители Кейптауна не знали расовых барьеров. Метисы имели хорошую работу, и у многих из них были собственные дома или квартиры. Так что они имели право выбирать советника. Но после того как был принят закон о резервировании работы, они утратили право на квалифицированную работу, их выгнали из собственных домов, оказавшихся в зонах, объявленных «белыми», и поселили в «резерватах», где дома принадлежат муниципалитету или государству.

Т. Л. — забавная женщина: она не расстается с колокольчиком, резко говорит со всеми, даже со старым адвокатом-метисом, которому с трудом удается вставить одно-два слова. Тот часто поглядывает на дверь. Если нагрянет полиция и увидит его в обществе более чем одного человека, его могут арестовать и отправить в тюрьму.

Мы обедаем возле горящего каминя. Меню типичное для Южной Африки. Т. Л. не устает повторять: «За такое короткое время вы не можете понять трагедию, которую переживает наша страна».

Старый адвокат считает, что для метисов самой большой трагедией была перепись населения накануне принятия закона о групповых районах.

Более трехсот пятидесяти тысяч человек, которые, как утверждали, «перешли границу», были зарегистрированы цветными. Они потеряли работу, их семейный очаг был разрушен, потому что закон о борьбе с безнравственностью запрещал им иметь белую жену, а у большинства из них были белые жены. До того как был принят закон о резервировании работы, около миллиона метисов выполняли квалифицированную работу. Поэтому маленькие предприятия постепенно исчезли. А недавно правительство потребовало, чтобы по отношению к

метисам Кейптауна применялись те же законы, что и в Йоханнесбурге, то есть, иными словами, метисы уже не имеют права работать даже лифтерами или водителями трамваев.

Т. Л. заявляет, что до тех пор, пока советники, входящие в ее группу, будут занимать свои посты в муниципальном совете, о выполнении этих директив и речи быть не может.

— А что творится в семьях! — подхватывает старый адвокат. — Братья и сестры вынуждены теперь жить в разных зонах, потому что одних объявили белыми, а других метисами. Некоторые матери предпочитают вообще никогда больше не видеть своих детей, которых зарегистрировали белыми, лишь бы не повредить им своим родством.

— Да они и не могут ходить друг к другу, — говорит Т. Л. — Белому после наступления темноты не положено находиться в зоне для метисов и наоборот. Те же самые порядки установлены и для метисов с африканцами. Их хотят разделить, чтобы помешать им бороться сообща. Расизм процветает вовсю. Негры не имеют больше права жить в квартале метисов или индийцев.

Т. Л. и адвокат рассказывают мне, что недавно полиция провела ночную облаву в квартале метисов и арестовала девяносто восемь негров за «нарушение неприкосновенности жилища». Эти мужчины были женаты на метисках, и хотя они сумели доказать, что находились у себя дома, регулярно платили квартирную плату, им ничто не помогло: их арестовали и выслали из Кейптауна.

Т. Л. просит служанку-метиску поведать историю одной из своих родственниц, которая вышла замуж за черного. У той отняли девятнадцатилетнего сына, которого сочли чересчур черным. Мальчика отправили в одну из казарм для «несемейных», где условия жизни хуже, чем на каторге.

— А теперь, — говорит адвокат, — введено еще раздельное обучение для метисов и индийцев. Просто кошмар!

Оказывается и служанка Т. Л. тоже старается скрыть, что ее муж, который недавно умер, был африканцем, она боится, как бы ее сына не перевели в школу для африканцев. Т. Л. поясняет:

В 1964 г. в школы Капской провинции был разослан циркуляр, согласно которому всех метисов отчислили из школ для белых. Министр Бота яснее ясного определил смысл этого циркуляра. «С самого начала была допущена грубая ошибка в деле воспитания метисов, — заявил он. — Мы должны давать им совершенно иное образование. Иначе они окажутся за бортом, потому что надежды их не оправдаются». Националисты хотят сделать из метисов людей, стоящих несколько выше черных, но намного ниже белых.

Уже поздно, и старый адвокат поспешно прощается с нами, потому что ночью дороги контролируются.

Сегодня Т. Л. решила показать мне кварталы, где с незапамятных времен жили метисы свободных профессий: врачи, адвокаты, преподаватели. Теперь эта часть города, откуда открывается красивейший вид, объявлена белой зоной, и все жители обязаны выехать отсюда.

— Сорок тысяч метисов уже выселено. До конца года будет выселено еще девяносто тысяч, — рассказывает Т. Л.

Квартал, который мы исходили вдоль и поперек, отличается необычайной чистотой. Мы разговорились с молодой женщиной, которая укачивала ребенка у себя в саду на чудной лужайке. Она рассказывает, что ее семья получила ордер на выселение.

— Мы хотим попробовать продать наш дом белым, которые поселятся здесь вместо нас, но цену назначает государство, а это всего четверть его настоящей цены.

— Простой бандитизм, — ворчит Т. Л. — Вместо метисов здесь собираются поселить иммигрантов, итальянцев и португальцев. К тем, кто отказывается выезжать, является полиция и выгоняет их немедленно. А это значит, что они и вовсе не получают никаких денег.

Я спрашиваю, неужели муниципальные советы ничего не могут поделать против такого беззакония? Она усмехается с горечью:

— Пытаемся. Только к чему все это? Чем активнее мы протестуем, тем больше беззаконий придумывают власти. По закону о расселении по группам обследования должны были проводить инспектора специального Бюро по расселению. Среди них попадались неплохие

люди, и случалось, они не могли устоять перед отчаянием цветных и протестом белого населения, которое не всегда согласно с такого рода деяниями. После внесения поправок в этот закон обследование проводит полиция. А это значит, что теперь могут выселить человека по одному только подозрению. Проводя обследование, полицейский комиссар может явиться когда угодно, в любое время дня и ночи, без всякого ордера. Он выясняет, все ли жильцы принадлежат к одной и той же национальности и имеют ли они право находиться в той или иной зоне. Если человек откажется открыть дверь, ему придется уплатить штраф — тысячу фунтов стерлингов — да еще отсидеть год в тюрьме. Достаточно декрета министра планирования, чтобы разделить район на зоны. Вам следовало бы посмотреть, как проводится расселение. Людей могут выселить в одночасье, погрузить в грузовик со всем их скарбом, а то и заставить отшагать пешком десятки километров, которые отделяют их старый квартал от места нового жительства в резервате. Так вот и бредут они один за другим: старики, дети, беременные женщины. Если белым не нравится старый квартал, его уничтожают тут же, а дома сжигают. Люди плачут, впадают в отчаяние, потом привыкают. Апартхейд подобен раку, он постепенно распространяется на все. И в один прекрасный день все мы можем очутиться под замком, за тюремной решеткой.

У Т. Л., которая выглядит такой непреклонной и твердой, слезы навертываются на глаза.

— В этой стране лучше не думать, а то с ума сойдешь, — говорит она.

Она считает, что все белые, даже те, кто в душе против апартхейда, настолько запуганы, что в случае революции выступят против африканцев.

— Вы и представить себе не можете, до чего просто целый народ обратить в рабство, — говорит она.

Будущее? Ей оно представляется довольно мрачным.

— Мир ничего не сделает, и все пойдет своим чередом, ведь позволили же Гитлеру прийти к власти, потому что это было на руку кому-то. И лишь потом, когда он напал на Польшу, мир испугался. Так и с южно-африканскими нацистами, их никто не трогает. И в конце концов они захватят всю остальную Африку. Они уже готовятся к этому.

В Кейптауне самым волнующим был для меня тот день, когда я посетила контору, открытую ассоциацией «Черные шарфы»³⁷ и Институтом расовых отношений в Этлоуне, одном из предместий Кейптауна. Организации эти решили прийти на помощь африканцам, запутавшимся в лабиринте законов, которых они не понимают (а кто их понимает?), помочь им распутать бесконечные тяжбы из-за пропусков, преодолеть нависшую над ними угрозу выселения из провинции и отправки в хоумленд.

В 1964 г. в дополнение к закону, регламентирующему приток рабочей силы из резерватов в города (распространяющийся и на женщин тоже), была принята поправка (Bantu Amendment act). В результате этого изменения в законе африканцев лишили последних прав на свободу передвижения, смену местожительства и найма на работу за пределами резерватов, их низвели до положения иностранцев, временно получивших разрешение на пребывание в этой стране ввиду нехватки рабочей силы. Новый закон вызван необходимостью проводить в жизнь политику, суть которой Бота изложил на заседании парламента 7 мая 1965 г.: «Банту могут находиться в белых районах лишь для того, чтобы работать, но не для пользования всеми привилегиями, как-то: право на гражданство, политические права, социальная интеграция и пр. В этом мы непреклонны. Благодаря такой политике, даже в случае численного увеличения банту, их присутствие не будет представлять для нас угрозы».

Африканцев, проживающих в городах, правительство держит в постоянном страхе, периодически «высылая» всех безработных и членов их семей в резерваты, с которыми зачастую у них не сохранилось никакой связи. В западной части Капской провинции подобное выселение проводится в соответствии с политикой правительства, направленной на использование в этом районе рабочей силы цветных. Таким образом ежегодно «высылают» десятки тысяч африканцев, и сколько с этим свя-

³⁷ «Черные шарфы» («Black Sash») — так называют себя члены ассоциации белых женщин, в основном придерживающихся либеральных взглядов, которые организуют марши протеста и митинги, направленные против политики правительства. Они именуют себя «занозой в пятке Националистической партии».

зано унижений, страданий. А между тем в связи с развитием экономики спрос на африканскую рабочую силу непрерывно растет, и число африканцев в так называемых белых зонах ничуть не уменьшается, скорее наоборот. Следовательно, цель выселения состоит не в количественном ограничении африканской рабочей силы, а в том, чтобы держать африканцев в страхе. Рабочих высылают вместе с семьями, но в то же время разрешают им вернуться в одиночку с контрактом на определенный срок. Африканское население вынуждено постоянно перемещаться, в этом «государстве белых» ему отказано в постоянном местожительстве и семейном очаге.

С девяти часов утра перед конторой в Этлоуне толпится множество людей, в основном это женщины с детьми за спиной, но есть и мужчины со шляпами в руках, в пальто до пят. Они терпеливо ждут в надежде, что хоть тут их выслушают и помогут выбраться из лабиринта, в котором они запутались. И снова меня поражают корректность и достоинство, отличающие африканцев этой страны.

На другой стороне улицы остановилась машина, в ней двое тучных мужчин в мягких шляпах: Особый отдел не дремлет. Здешняя контора отнюдь не подпольная, обе возглавляющие ее организации пока еще не запрещены, но полиция так и рыщет вокруг, устраивает обыски, отбирает документы, записывает имена белых женщин, которые работают здесь, и африканцев, являющихся на консультацию.

— Они хотят запугать нас, — рассказывает г-жа Смит, одна из тех, кто добровольно приходит сюда, — таков уж метод Форстера: если он не решается запретить ту или иную организацию, обвинив ее в «саботаже», он натравливает полицию, чтобы сделать жизнь людей невыносимой, держать их в страхе. Но мы не из пугливых. И каждое утро приходим сюда, к своему рабочему столу.

Г-же Смит помогает африканская переводчица, она внимательно слушает сбивчивые объяснения африканцев, потом переводит на английский. Зулусский язык и коса звучат в этой комнате непривычно и странно.

— Африканцу ни под каким видом не разрешается находиться в зоне белых, — продолжает свой рассказ г-жа Смит. — Но самое-то ужасное заключается в том, что контролируются не только сельские и городские зо-

ны, постоянно проверяется право человека на проживание в том или ином городе.

Она рассказывает мне о противоречащей всякому здравому смыслу практике: африканец, который родился в каком-то определенном городе и всю жизнь, ну, скажем, пятьдесят лет, проживал в нем, а потом уехал хотя бы на две недели, не имеет права возвращаться туда и оставаться там больше 72 часов. Если он нарушит этот запрет без специального на то разрешения, он считается преступником.

Африканец, проживающий в том или ином городе пятьдесят лет, но родившийся в другом месте, может потерять право на жительство в этом городе, если его приговорят к штрафу в пятьдесят фунтов стерлингов.

Африканец, проживающий в одном и том же городе в течение двадцати лет, не должен оставаться там более 72 часов, если хоть раз выедет на работу за пределы этого города.

Африканец, в течение четырнадцати лет проживающий и работающий в определенном городе, не имеет права в случае потери работы находиться там более 72 часов.

Африканец, девять лет проживающий в одном и том же городе и в течение всего этого времени служивший у одного и того же хозяина, имеет право лишь на пребывание там не более семидесяти двух часов.

Африканец, который с момента своего рождения постоянно жил в одном городе, не вправе оставлять у себя более чем на 72 часа замужнюю дочь, сына старше восемнадцати лет, племянницу, племянника или внука.

Африканец, родившийся в данном городе и проживший в нем пятнадцать лет, не имеет права пригласить к себе в гости более чем на 72 часа друга-африканца.

Если африканец родился в городе, проживал там в течение четырнадцати лет и работал у одного и того же хозяина девять лет, он не имеет права принимать у себя более 72 часов ни жену, ни дочь, даже если она не замужем, ни сына, достигшего восемнадцати лет, если они родились в другом месте.

Кафка да и только.

— Выходит, для того, чтобы африканец имел право на постоянное жительство, — говорю я, — он должен родиться в этом городе, никуда не уезжать из него в те-

чение пятнадцати лет и служить у одного и того же хозяина более десяти лет?

— В принципе да, — отвечает г-жа Смит. — Но даже в этом случае министр по делам развития и управления банту может выслать его, если сочтет, что число африканцев, проживающих в этом городе, превышает существующую потребность в рабочей силе.

И так как я безмолвствую, она продолжает:

— Представьте себе, что африканец, родившийся в Кейптауне, живший и работавший там в течение тридцати лет, получает разрешение отправиться на работу, ну, скажем, в... Саймонстаун, расположенный не так уж далеко. Он тут же теряет право на возвращение в Кейптаун. Хотя в то же время у него нет никаких прав оставаться на постоянное жительство в Саймонстауне, если только он не прожил там пятнадцать лет. И лишь по прошествии этого срока, при условии, конечно, что закон за это время не изменится снова, он получит право жить там постоянно. Иначе его репатрируют... на несуществующую «родину». А вывод из этого таков: в настоящее время есть тысячи африканских семей, по крайней мере таких большая часть, у которых нет права жить где бы то ни было. С такими случаями мы сталкиваемся сотню раз в течение одной недели (за прошлый год их было семь тысяч). К несчастью, единственное, что мы можем сделать, — это разъяснить африканцам существующий закон и попытаться позвонить в магистрат. Но и это не так уж плохо: обычно чиновники из министерства по делам развития и управления банту, вместо того чтобы вникнуть в суть дела, предпочитают вызывать полицию.

Напротив нас садится молодая африканка с маленьким ребенком на руках. Она показывает свой пропуск, словно одного его вида достаточно для того, чтобы все объяснить. Разобравшись в бесконечном количестве штампов и записей, мы поняли, наконец, что она обязана жить в резервате в Транскее; вот уже четыре месяца как она нелегально находится в Кейптауне, недавно ее арестовали и теперь она ждет суда.

Г-жа Смит терпеливо выслушивает все объяснения. Муж этой женщины работает в Кейптауне меньше пятнадцати лет, а потому его молодой жене не положено жить здесь вместе с ним.

В первый раз она так же нелегально приезжала к

мужу, потому что тот перестал ей писать и не посылал больше денег (мне объясняют, что многие рабочие бросают свои семьи, потому что не могут навещать их из страха потерять работу и быть высланными обратно в резерват). Тогда ее арестовали и отправили в Транскей. Ребенок, который у нее родился, заболел туберкулезом. Она приехала в Кейптаун и показала ребенка врачу, тот выдал ей справку, в которой говорилось, что малыша надо отправить в какой-нибудь санаторий неподалеку от города. Вернувшись в Транскей, она попыталась объяснить все это администратору, но тот ответил, что она не имеет права возвращаться в Кейптаун. Разумеется, она собрала свои пожитки и отправилась к мужу. По дороге в санаторий она попала в облаву, ее привели в полицию. Через три дня ее выпустили на поруки, отбрав у нее десять рандов (семьдесят франков), т. е. месячный заработок мужа. И с тех пор она ходит из конторы в контору.

— Что делать? — обращается ко мне г-жа Смит. — Если она останется здесь, ее посадят в тюрьму. Если же она вернется в Транскей, ребенок, конечно, умрет, ведь лечить его там некому. Попробую позвонить администратору.

А вот что случилось с другой женщиной, которой тоже ничем нельзя помочь. Ее муж работает в Кейптауне двенадцать лет, и поэтому жена его не имеет права жить вместе с ним. Ей хотелось ребенка, и она получила разрешение приехать к нему на 72 часа. Она была уверена, что этого срока недостаточно и упрямо просила разрешения на более длительный визит. Ей попался не такой жестокий администратор, как другие, он расчувствовался и выдал ей разрешение на три месяца. Но так как и этого времени оказалось мало, она решила нарушить запрет и остаться. Во время очередной облавы ее арестовали. Когда ее выпустили на свободу под залог, она пришла сюда просить помочь ей найти способ остаться с мужем. Так как она совершенно здорова, ни один врач не согласится выдать ей справку, которая помогла бы ей снова разжалобить администратора. Когда она уходила, на лице ее было написано такое отчаяние, что я понял: она скорее снова пойдет в тюрьму, чем вернется в Транскей.

И так до бесконечности. К нам подходят две женщи-

ны. Одна из них великолепно говорит по-английски, одета на европейский манер, она работает прислугой и имеет право жить в Кейптауне; ее подруга, как и все местные женщины, не знает других языков, кроме коса, вместо платья она задрапирована в оранжевый кусок материи. Она приехала к мужу, который проживает в Кейптауне десять лет, ей хотелось бы иметь ребенка, но у нее уже было четыре выкидыша и ей необходимо находиться под наблюдением врача, не говоря уже о нормальных условиях жизни. Ее пропуск кончился неделю назад, она должна уезжать. Подруга объясняет, что, если она вернется в Крааль к своим родителям в Транскее, она снова потеряет ребенка. Там нет врача. Чем тут помочь? К несчастью, нечем.

А вот перед нами мужчина в лохмотьях, но очень чистый, он робко приближается к столу. «Меня зовут Молико», — произносит он по-английски. Затем пускается в долгие объяснения, из которых явствует, что он работал в Кейптауне по контракту у одного и того же хозяина с 1947 по 1961 г. За все это время он не виделся с семьей и потому вернулся в Транскей. Но так как в Кейптауне он проработал всего четырнадцать лет, чтобы вернуться туда, ему нужен был новый контракт. Зная об этом, он приехал в Кейптаун тайком. Но, опасаясь, как бы его не арестовали без контракта, он выбросил свой пропуск. «Потерял», — объясняет он нам, как будто мы из полиции. Г-жа Смит говорит мне, что он потерял его нарочно, надеясь, что потом сможет придумать какую-нибудь историю.

— Я вернулся в Кейптаун, потому что мой бывший хозяин позвал меня, только он забыл послать контракт нашему администратору, и все-таки мне поставили штамп, разрешили приехать в Кейптаун, — продолжает мужчина свой рассказ с огорченным видом. — Если бы только я не потерял свой пропуск.

Вряд ли это так. Г-жа Смит позвонила на завод, где, как он утверждает, его ждут, никто, оказывается, и не думал приглашать его.

Дайте мне пропуск со штампом, — просит он.

Г-жа Смит объясняет ему, что она не имеет никакого отношения к министерству по делам развития и упорядочения банту. Все, что она может сделать, это дать ему денег, чтобы он раздобыл себе новый пропуск. «Он

здесь нелегально, так что его все равно арестуют и отправят на ферму-тюрьму или вышлют в Транскей».

Она пытается объяснить мужчине, что ему надо вернуться в Транскей и сходить к администратору резервага, чтобы тот занес его в списки нуждающихся в работе. Когда какому-нибудь хозяину потребуются рабочие, он напишет в местное трудовое бюро. Администратор сообщит ему имена людей из списка. И тогда хозяин подготовит контракты в пяти экземплярах и пошлет их в кейптаунское отделение министерства по делам банту, где решат, в какой локации тот или иной рабочий будет жить, потом в полицию и администратору Транскея. Там африканцу поставят пресловутый штамп на пропуск. И только после этого он сможет приехать на год.

На смену ему является молодая чета, оба хорошо одеты и прекрасно говорят по-английски. Они рассказывают, что у них трое маленьких детей, самому младшему из них всего месяц. Молодая женщина — учительница, до замужества она жила со своей матерью в одной из локаций Кейптауна. Муж ее уроженец Транскея, но занимаемой должности ему не положено держать при себе семью. По закону жена его должна жить в Транскее с родителями мужа, хотя никогда прежде там не бывала.

— Не говоря уже о том, что придется жить врозь, — говорит муж, — это просто бесчеловечно: моя жена горожанка, она знает только английский, а родители мои говорят на коса и живут в хижине в горах, да и жизнь у них совсем иная — племенные обычаи и все прочее. Она христианка, а они все еще веруют в племенных богов. Они принадлежат к разным мирам и не могут понять друг друга.

Единственный выход для этой женщины — развод, тогда она сможет вернуться в локацию к своей матери. Но ее несчастных детей, которые не прожили в Кейптауне пятнадцати лет (ведь самому старшему из них пять лет), неизбежно отправят в Транскей.

Я ухожу из конторы в середине дня, а очередь у дверей все такая же длинная.

Африканцы, которые работают возле Кейптауна, живут в Ланге, Ньянге или Гугулету, это самые большие

локации. Ланга, расположенная приблизительно в пятнадцати километрах от Кейптауна, единственное место, где с давних пор люди живут семьями и имеют на это постоянное разрешение.

Белому не положено появляться в африканской локации, разве только по специальному пропуску, который может выдать административное управление по делам банту. У В. я познакомилась с г-жой О., сотрудницей социального обеспечения, которая занимается африканскими уголовниками.

— Любое уголовное преступление, в котором обвиняется африканец, неизбежно является следствием апартхеида, — рассказывает она. — Все африканцы — политические правонарушители.

У нее постоянный пропуск, разрешающий ей посещать Лангу и некоторые другие локации, за исключением Гугулету, потому что на самом деле это не столько город, сколько своего рода обширный лагерь по перегруппировке. Рабочие там не имеют права обзаводиться семьей, и полиция не пропускает к ним иностранцев. Я попросила ее взять меня с собой, и она предложила мне посетить вместе с ней довольно большую локацию, которую я буду называть П., потому что, по ее словам, администратор там неплохой человек.

Между последними домами, в которых живут белые, и входом в П. на несколько километров простирается пустырь. Впрочем, это не только здесь, все африканские города окружены пустырями. В случае восстания полиции ничего не стоит нагрянуть туда с танками и бомбардировщиками, полностью избежав жертв среди белого населения.

В П., расположенном подобно всем локациям во впадине, на обширном четырехугольном пространстве, обнесенном колючей проволокой, проживает около сорока тысяч человек. У входа огромный плакат, на котором по-английски, на языках коса и африкаанс написано: «Город П. Посторонним, не имеющим специального пропуска министерства по делам банту, вход воспрещен».

— Спрячьтесь, попробуем проскочить. Полицейские вас не заметят, — говорит мне г-жа О.

Проезжаем мимо большого деревянного строения —

административного здания, мимо полицейского поста, расположенного на самом верху, откуда можно обозревать весь П., мимо тюрьмы, которую нельзя фотографировать, иначе сам туда попадешь. Прямые улицы, низкие деревянные или из красного кирпича домики, ни одного деревца или клочка зелени.

— Запрещено администрацией, — объясняет мне г-жа О. — В случае волнений здесь все будет видно как на ладони и простреливаться продольным огнем.

На улицах босоногие ребятишки, старики в странном одеянии. Это члены одной из многочисленных сект, получивших в последнее время широкое распространение. Африканцы почти поголовно отказываются принимать христианство, потому что это религия белых, религия тех, кто угнетает их.

Мы собираемся навестить жену директора единственного во всем районе лицея для африканских детей. Она встречает нас на пороге своего чистенького домика, возле которого растет розовый куст. Это очень красивая женщина лет сорока, с тонким лицом и изысканными манерами. Она учительница, окончила в свое время лицей для метисов, тогда это еще было возможно. Мы осматриваем маленький домик, который она снимает, так уж заведено, в локациях нельзя владеть собственным домом. Три крохотных комнатки, их очень трудно сделать удобными, потому что живет она там с мужем и пятью детьми. Радиоприемник — главное украшение гостиной, специальная модель для африканцев, «чтобы мы не слушали другие африканские станции, — печально улыбаясь, говорит учительница. — Официально это объясняется тем, что такие радиоприемники стоят дешевле и соответствуют нашим средствам».

Сначала она несколько недоверчиво встретила меня, но г-жа О. сказала ей, что мне можно доверять. «Мы никому уже не верим, и это вполне простительно, — сказала в ответ учительница. — Мы люди отчаявшиеся».

Она оставила дверь открытой. «Чтобы соседи не донесли полиции о нашем заговоре. У нас не принято закрывать дверь». Г-жа О. рассказывает, что в локациях полиция не разрешает ставить дверей между комнатами, так легче проводить ночные обыски.

Но и эта мера предосторожности не помешала кому-то из доносчиков, которых везде хватает, сообщ-

щить о нашем визите. Через четверть часа послышался вой сирены полицейской машины. Белый полицейский в штатском и двое африканцев в форме выскакивают из машины и без всякого стука врываются к нам. Я приветствую их по-французски. Они в некотором замешательстве. Наша хозяйка объясняет им, что я студентка из Франции и приехала к ней вместе с г-жой О., сотрудницей социального обеспечения, которую здесь хорошо знают. «Мы как раз собирались к администратору, — добавляет она. — Эта девушка изучает социологию и интересуется организацией африканских общин».

— Следуйте за нами, — заявляет белый флик. — Надо немедленно уладить все это.

Мы идем к административному корпусу, возле которого толпятся африканцы. Белый администратор здесь все равно что всемогущий господь бог. Ему случается быть добрым, любить негров, ну, разумеется, с высоты своего величия, таков, например, администратор П., который, по словам учительницы, никак не может вырваться из тисков противоречий между тем, что он считает справедливым, и требованиями министерства по делам развития и управления банту. «Кстати, он собирается подать в отставку, потому что не в силах больше причинять нам то зло, которое его обязывают делать. Печально, если он и в самом деле уйдет. Для нас это будет день траура, все его будут оплакивать, потому что на смену ему непременно пришлют какого-нибудь садиста, их теперь всюду полно».

Администратор довольно тучный человек, он занят какими-то делами, ему помогают негры. С него градом катится пот, вид у него усталый. «Прошу прощения за нашествие полицейских, — обращается он к нашей знакомой. — Вы ведь сами все понимаете». Он говорит с учительницей с явным уважением, испытывая определенную неловкость. Заставив меня подписать кучу всяких бумаг, он выдает специальный документ, разрешающий мне пробыть здесь всего один час, в документе уточняется, что я не имею права вести с африканцами враждебных по отношению к министерству по делам развития и управления банту разговоров.

Мы возвращаемся к учительнице. По ее мнению, главная проблема — это выселение всех небелых за

пределы Капской провинции, то-есть все то же, с чем довелось мне столкнуться у представительниц организации «Черные шарфы» в Этлоуне. Оказывается, сама учительница не имеет права на постоянное жительство в П. В любой момент ее могут отправить на родину, хоумленд, так как до закона о групповых районах она учительствовала в разных городах.

— Весь вопрос в том, где мне найти хоумленд? Как большинство африканцев этой страны, я родилась не в резервате, а в зоне, объявленной теперь «белой». Сестры мои живут в Порт-Элизабете. Но это не остановит полицию, и когда ей вздумается, меня выселят из Капской провинции и отправят в огромный лагерь для перемещенных лиц, сейчас как раз организуются такие в Сискее, Уиклайзе возле Кингстауна, это бесплодная пустыня, где ничего не растет.

Г-жа О. говорит, что у мужа нашей знакомой имеется постоянный вид на жительство. Но что станет с детьми? Все зависит от разрешения, которое есть у отца: их могут либо оставить с ним, либо отправить в резерват к его родителям.

— Они нашли способ заставить нас страдать самым жестоким образом, — говорит учительница, — уничтожив главное, что есть у африканцев, — семью.

Она говорит шепотом, то и дело вытирая глаза и непрестанно поглядывая на улицу. Не могу придумать ничего особо утешительного, но говорю все-таки, что вечно так длиться не может: когда в других странах узнают о том, что здесь творится, мир непременно вмешается. Она смеется с горечью.

— Неправда, нам никто не поможет, и мы это знаем. Великобритания, Соединенные Штаты, Франция поддерживают Южную Африку, торгуют с ней. Другие африканские страны тоже не в силах нам помочь, им самим нужны деньги. Иногда мне кажется, уж лучше бы на нас бросили атомную бомбу, тогда все разом бы и кончилось...

Она показывает мне свой пропуск.

— Разве это похоже на удостоверение личности? У собак и у тех куда лучше. Мы существуем лишь постольку, поскольку у нас есть хозяин, да и то только в том случае, если мы платим налоги. А если с нами что-нибудь случится, нашу семью даже не поставят об этом

в известность, это представляет интерес лишь для того, на кого мы работаем.

Она продолжает:

— Если бы вы только знали все, что творится в П. Ни одной ночи не обходится без облавы. Два дня назад полицейские явились в два часа ночи, причем не полицейские П., а кейптаунские, да не одни, а вместе с вооруженными белыми добровольцами. Администратор не хотел их пускать, но что он мог поделывать? Они высадили в домах окна и двери и стали проверять всех жителей, одного за другим. Арестовали кучу людей. Одну женщину забрали вместе с двумя детьми, она не видела мужа пять лет (он только что вышел из тюрьмы) и три дня назад тайком приехала сюда. Девушку, которая работает у белых в Сипойнте, в двадцати километрах отсюда, тоже забрали, она приехала в гости к друзьям, а вернуться к хозяевам не успела, было слишком поздно. Арестовали молодого человека, который остался ночевать у своей невесты без разрешения полиции. А вот вам еще один случай: к повару знаменитого клуба «Килвэн Гров» приехала жена с больным шестимесячным ребенком, она не успела предупредить полицию, что останется еще на несколько дней. Ночью ее забрали, малыш умер от холода в полицейском участке. Я могла бы целыми днями перечислять вам все наши несчастья.

Она предлагает нам пойти встретить ее мужа у лица. Но прежде надо еще раз зайти к администратору, он согласился продлить мой пропуск, взяв с меня обещание никому не говорить об этом и как можно скорее затем уехать.

По дороге в лицей мы должны пересечь участок, где в отдалении виднется большое здание с разбитыми окнами, обнесенное колючей проволокой: общежитие для «несемейных».

— Там творится что-то ужасное, — рассказывает наша знакомая, — полиция дает им вино, гашиш, всячески поддерживает племенные нравы. Они часто дерутся и убивают друг друга.

На стенах видны следы от пуль — память о происходивших здесь и в Ланге волнениях во время расстрела в Шарпевиле; здесь тогда тоже убили человек десять.

Лицей представляет собой небольшое деревянное

строение, огороженное колючей проволокой. Муж учительницы оказался очаровательным человеком, он говорит громким голосом и не пугается, как большинство африканцев, когда его о чем-нибудь спрашивают.

— Теперь я решил на все наплевать, — рассказывает он. — Рано или поздно меня все равно арестуют. Так что до тех пор недурно бы успеть высказать вслух то, что я думаю про себя. Дня не проходит без того, чтобы ко мне домой или в лицей не заглядывала полиция. Особенно они любят являться по утрам, часа в четыре, очень интересуются, не у меня ли проходят подпольные собрания.

Он рассказывает об образовании для банту:

— Ребята охвачены школьным образованием лишь на пятьдесят процентов. А дальше дело пойдет еще хуже. Все, чему их теперь учат, настолько бесполезно, что уж лучше бы им сидеть дома. В моем лицее всего триста восемьдесят учеников, а ведь он один на четыре локаций. Родители и не стремятся дать детям высшее образование. Они рассуждают так: «Такой-то, мол, человек образованный, а что ему это дает? Он живет в резервате вместе со мной и в такой же точно бедности; он под надзором полиции, его часто сажают в тюрьму. Так какой смысл для африканцев учиться?» А расистскому правительству Фервурда только того и надо, оно хочет довести нас до отчаяния, заставить вернуться к первобытному образу жизни. Политика эта проявляется на каждом шагу, обо всем и не расскажешь. Ребятишкам приходится иногда идти в школу пешком больше двадцати километров. До 1955 г. им давали чай с бутербродами, теперь же, «в целях соблюдения африканских обычаев», их заставляют поститься весь день, а потом отправляют домой есть просо.

Он ведет меня в класс, где девочки получают хозяйственные навыки.

— Вот вам пример образования для банту. — В углу класса я вижу электрическую плиту и заброшенную утварь. — Мы хотели познакомить девочек с современной кухней, научить гладить электрическим утюгом. Ведь даже для того, чтобы стать прислугой, а это единственно доступное место в будущем для девушки, такие навыки могут пригодиться. Так нет, явилась полиция вместе с представителем министерства образования для банту.

Нам заявили, что африканские обычаи следует уважать, т. е., иными словами, девочек следует обучать «полезным вещам», например готовить на костре, присев на корточках, толочь просо и украшать лицо разводами грязи... Они хотят заставить нас обратиться к пещерному веку, племенной жизни. А разве сами они хотели бы жить так, как жили их предки во времена Яна Ван Рибека? Да они просто с ума спятили, вот и все.

Я спрашиваю его, каково настроение людей в П. Удалось ли пустить здесь корни революционным организациям?

— Видите ли, — отвечает он, — из-за политики правительства, которая в том и состоит, чтобы помешать обосноваться в Кейптауне коренному африканскому населению, таким организациям, как Африканский национальный конгресс, всегда было трудно всерьез и глубоко охватить этот район. АНК имеет огромное значение для всей страны. А в Ланге, например, одной из самых больших локаций Капской провинции, наибольшей популярностью пользуется Панафриканский конгресс, впрочем, и зародился-то он именно там, причин тому немало, и другие смогут рассказать вам о них лучше, чем я. Для таких локаций, как Ланга и в еще большей степени Ньянга и Гугулету, характерно то, что население их отказывается следовать лозунгам, призывающим к терпению и выдержке, они могут вдруг, ни с того ни с сего казалось бы, схватить топоры, колья, вообще все, что подвернется под руку, и ринуться на Кейптаун, невзирая на картечь и танки. Сами понимаете, население подвергается таким репрессиям, что люди боятся заниматься политикой в обычном смысле этого слова. Политика хороша для либералов-белых, рассуждают они, а нам ничего не дает. Они измотаны и отчаялись вконец, похожи на застоявшееся болото, но попробуйте пробудить их, и вы увидите. Знаете, как начинается мятеж в локации? Достаточно самого пустякового предложения. Помню, это случилось в Северном Трансваале. Белая женщина пришла к африканке, которая стирала ее белье, и потребовала у нее две простыни, которые будто бы пропали. Африканка прекрасно знала, что не брала их, но, испугавшись, спряталась. Белая вызвала полицию, африканка убежала, полицейские пустили вслед ей собак, и тут началось: собралась толпа людей

с камнями и линчевала одного или двух полицейских. (Остальные попросили подмогу, появились танки, многих арестовали. На другой день обнаружили двух полицейских-негров с перерезанным горлом...

А вот вам еще один случай. Однажды в районе Дурбана перегруженный, как обычно, поезд для африканцев перевернулся, были убитые и раненые. Те, кому удалось спастись, схватили двоих подвернувшихся им под руку белых и убили их. Таким я вижу будущее моей страны. Может быть, я неправ? Но именно так реагирует молодежь, которую вы видите на улицах, ее называют «цоци». Их стремление к насилию, убийствам вытекает из той обстановки, в которой мы живем. Насилие это надо подчинить определенной идее, организовать.

На прощание он познакомил меня с одним из своих учеников. Высокий подросток с тонкими чертами лица спрашивает меня, может ли африканец стать инженером во Франции?

— Конечно, — отвечаю я.

— Даже африканец из нашей страны? У вас есть специальная школа для африканцев?

— Нет, — говорю я, — в Сорбонне да и во всех других университетах и высших школах во Франции учатся люди всех цветов кожи и вероисповеданий. Апартхейд существует лишь в Южной Африке.

Тогда он спрашивает меня, не может ли Франция предоставить ему стипендию?

— Возможно, — отвечаю я. — Только как ему удастся выбраться из своей страны? У африканцев нет паспортов, и потому они не могут выехать за границу, власти опасаются, что вернувшись, они начнут вести партизанскую войну.

— Да и зачем мне быть инженером? — говорит мальчик в конце концов. — Африканец не имеет права на такую профессию. Мне все равно не найти работы. Придется, как всем у нас, идти на рудники.

Вот уже несколько дней, как меня обуял страх. Когда вечером я сажусь в поезд на Родденбос, мне начинает казаться, что мирный гражданин, уткнувшийся в газету «Ди Бюргер» напротив меня, не иначе как агент

Особого отдела. Меня страшит вовсе не то, что я могу попасть в тюрьму, я просто боюсь, что меня вышлют до того, как я успею повидать нужных мне людей. Вот почему, несмотря на весь свой страх, я решаюсь наконец вступить в контакт с человеком, состоящим в подпольной революционной организации Африканский национальный конгресс.

О том, что я приеду, его предупредили мои лондонские друзья, но он не знает точно когда. М. Х. — врач, работает в одной из локаций Капской провинции.

М. Х. пришел в десять часов. Это довольно полный человек лет сорока, с упитанным лицом, на котором светятся живые умные глаза. На нем плащ, котелок, он курит столь обожаемую местными африканцами длинную трубку.

Встреча состоялась после наступления темноты у англиканского священника, который имеет право на посещение локаций, а следовательно, может быть знаком с этим человеком.

Когда я обратилась к нему, как к члену АНК, он с улыбкой ответил мне:

— Я, как и все, состоял в АНК в те дни, когда это была легальная организация. Но после ее запрещения в 1960 г. никто не имеет права состоять в этой организации. Так что я буду говорить с вами просто как африканец.

Я почему-то уверена, что человек этот не просто член АНК, а один из руководителей его в Капской провинции, который чудом не «сгорел», и потому сердце мое сжимается от ужаса: а что если из-за меня с ним что-нибудь случится?

Я спрашиваю его, коса он или зулус. Он громко смеется:

— Так вот чему научили вас наши друзья за границей? (Он поморщился.) Я просто южно-африканец, и все тут. Говорит он на несколько тяжеловесном английском языке, к которому примешиваются иногда слова африкаанс.

Во время всей нашей долгой беседы я не перестаю выдумывать оправдания своего пребывания здесь, на случай если явится полиция.

С тех пор как я нахожусь в этой стране, я непрестанно думаю о том, каким чудом удастся африканцам

поддерживать связь, какова история их освободительного движения, а следовательно, и АНК.

М. Х. без всякого злого умысла спрашивает меня:

— А вы уверены, что вам это действительно интересно? Вы будете вспоминать об этом? А я и не знал, что французы интересуются бедными кафрами из Южной Африки.

Стараюсь уверить его, что он ошибается, хотя и сама не совсем в этом убеждена.

— Мы сражались против белых на протяжении нескольких веков, — начал он, — и если в конечном счете мы проиграли, то причиной тому не только их прекрасно вооруженная и организованная армия. Нас удалось победить не бурам, а англичанам и их империи. Так что англичане несут еще бóльшую ответственность, чем Фервурд. Во время войны с бурами начал организовываться новый класс африканцев — полуинтеллигенция, а вернее, пожалуй, мелкая буржуазия. Некоторым африканцам в Кимберли и в Капской провинции удалось найти квалифицированную работу, и дети их получили великолепное образование в школах, открытых миссионерами. Молодежь была не согласна со стариками, которые хотели продолжать борьбу устаревшими методами межплеменных войн. Они начали создавать политические ассоциации, первая из них появилась в 1880 г. в английской Капской колонии, где некоторые квалифицированные африканцы получили право голоса. Она называлась «Союз африканцев» (Imbumba Uama Afrika).

Священник замечает, что примерно тогда же родилась и первая политическая партия буров — Союз африканеров (Afrikaaner Bond). Я прошу М. Х. говорить как можно медленнее³⁸. Он рассказывает тихим голосом, пытаясь даже иногда говорить по-французски:

— Как вам известно, после мирного договора, заключенного между англичанами и бурами в Феринихинге, англичане забыли о своих обещаниях африканцам, и в угоду бурам дискриминация стала проводиться по всей стране и даже в бывших английских колониях —

³⁸ Из предосторожности я никогда ничего не записывала. Это обязывало меня быть крайне внимательной и стараться удерживать все в памяти.

Натале и Капской провинции. Африканцы реагировали на это по-разному. То было время, когда Ганди, приехавший из Индии защитить права индийских трудящихся, которые, как рабы, работали на плантациях сахарного тростника в Натале, основал Индийский конгресс Натале (The Natal Indian Congress). Это он начал кампанию пассивного сопротивления, его примеру последовали африканцы. Другие организации, например организация цветного населения, только что созданная тогда в Кейптауне, направили английскому имперскому правительству несколько петиций, но все они остались без внимания. Наконец в 1906 г. в Натале Бамбата — вождь зулусов — начал вооруженную борьбу против европейцев, которые хотели обложить налогом бедных африканских крестьян. Война была ужасной: в одной только битве погибло более трех тысяч человек. Так было подавлено последнее восстание племен.

В 1909 г. в Национальном конвенте, собравшемся в Блумфонтейне, не было ни одного представителя африканцев, а именно там было принято решение о создании Южно-Африканского Союза. Тогда лидеры организаций цветных решили встретиться, чтобы направить затем в Лондон делегацию, которая заявила бы, что они против ЮАС — Союза белых. Делегация, возглавляемая доктором Рубусана, лицом очень известным среди африканской интеллигенции, попробовала убедить английский парламент не соглашаться на создание Союза без участия африканцев. Но делегацию слушать не стали, а отправили обратно, сказав: «Все образуется на месте. Попытайтесь найти общий язык с новым правительством и постепенно к вам привыкнут». — М. Х. помолчал немного, потом, покачав головой, сказал: — Ах, эти англичане! Они и теперь в вопросе о Родезии занимают точно такую же позицию.

С той поры и начались несчастья африканцев. Первый южно-африканский кабинет министров, состоявший из прославленных генералов бурской армии — Боты, Яна Сметса и Герцога, принял закон, запрещающий использовать африканцев на определенных работах, а затем и другой, запрещающий им отказываться от контракта до истечения его срока и бастовать. Африканское общество как таковое было практически уничтожено. Крестьян обложили чудовищным налогом, и они были

вынуждены работать на белых за мизерную плату! Независимые, гордые скотоводы стали рудокопами, судомойками, садовниками или привратниками. Вожди же их превратились в прислужников правительства белых.

К тому времени вернулся из США, где благодаря дружбе с американскими миссионерами из Инанды ему удалось получить образование, молодой адвокат Пиксли Ка Исака Семе, уроженец гор Зулуленда. В Йоханнесбурге его поразило унижительное положение африканцев, которые были обязаны теперь снимать шляпу при виде белых.

Встретившись с лидерами прежних африканских организаций, он понял, что старая межплеменная вражда удивительно живуча и что, как в былые времена, зулус отказывается бороться в одних рядах с тсонга, да и сами коса из-за пустяковых междоусобиц чуть что хватаются за оружие. Он пришел к выводу, что единственно возможный путь к свободе для его братьев заключается в создании организации, которая объединила бы все племена, чтобы и речи больше не было о коса, пондо, тембу, зулу, ботсвана, шангаан или басуто — ведь все они африканцы. Ему удалось убедить многих людей, пользующихся уважением в различных кругах, в необходимости созвать конференцию всех вождей и лидеров. Такой съезд состоялся в январе 1912 г. И появился Африканский национальный конгресс, который по сей день возглавляет нашу борьбу³⁹. — Он поднял палец и с улыбкой, стараясь подчеркнуть всю важность своих слов, произнес: — Ибо если АНК выстоял вопреки всему и пережил все организации, которые стремились заменить его, то это исключительно потому, что в работе своей он никогда не исходил из племенных принципов. Со времени его основания в конгресс входили и люди из краалей, и обитатели самых отдаленных зулусских деревень, жители утопающего в зелени Транскея и пустынного Бечуаналенда, Свазиленда и гористого Басутоленда, не говоря уже о тех, кто жил в народных кварталах Йоханнесбурга, в бидонвиях Дурбана, на фермах Оранжевого государства и Капской провинции. Самые разнообразные люди входили в его состав: пасто-

³⁹ Конгресс принял структуру, подобную американскому конгрессу и палате лордов.

ры и священники, учителя, адвокаты, рудокопы и прислуга... Именно тогда впервые прозвучала песня, созданная человеком из племени коса, и ставшая своего рода гимном оппозиции — «Боже, благослови Африку» («Nkosi Sikelele I Afrika»).

Я спрашиваю, как на это реагировали белые.

— Пойдите... В это же самое время стали собираться воедино и националистические силы буров. Бота исключил из состава своего кабинета Герцога за его антибританскую позицию, и тот заложил основы Националистической партии. Да, да, той самой, которую теперь возглавляет Фервурд.

Африканеры, воплощавшие экстремистские силы белых, поняли, что они заручились, наконец, поддержкой вполне надежного человека. В то время Семе и другие руководители АНК попытались организовать союзы африканских фермеров, купив для них фермы, где те должны были работать сообща. Белые заволновались. «Христианской цивилизации на этом континенте приходит конец. Надо что-то делать», — кричали они. Африканцы лишились каких бы то ни было политических прав, но у них оставалось еще немного земли. И вот, в 1913 г. у них не осталось ничего. Парламент принял закон о землях туземцев, согласно которому 90% всей земли передавалось во владение белым.

С тех пор было принято столько поправок к этому закону, что, как вам известно, ни один африканец не имеет больше права владеть участком земли или снимать его в аренду, и это в своей собственной стране. Он должен довольствоваться тем, что ему дозволено быть арендатором в правительственных резерватах.

АНК, неизвестно почему не терявший веру в Великобританию, направил в Лондон делегацию, призванную обратить внимание английского правительства на это беззаконие, но в этот момент разразилась первая мировая война, так что проблемы зулусов и коса никого больше не интересовали. И снова, в который уже раз, африканцы сражались во имя дела, их самих не касавшегося. На время они забыли о своих невзгодах и 5000 из них выступили вместе с англичанами на борьбу против немцев в Юго-Западной Африке.

После окончания войны АНК, все еще не распрощавшийся с иллюзиями, посылает еще одну делегацию, на

тот раз на Версальскую конференцию, с просьбой предоставить африканцам право на самоопределение, потому что, видите ли, Вильсон, тогдашний президент США, будто бы заявил: «Настало время для самоопределения маленьких наций». Забавно отметить тот факт, что о независимости Южной Африки заботились не только мы. Кроме правительственной делегации, возглавляемой Сметсом и Ботой, на конференции присутствовала и делегация Националистической партии во главе с Герцогом и Маланом. Разумеется, великие державы не располагали достаточным временем для того чтобы внимать просьбам маленьких делегаций, так что все это ни к чему не привело. И никто ничего не добился.

АНК переживал кризис. Руководство его состояло из интеллигентов, в какой-то мере даже снобов, обожавших Великобританию. И в конце концов основное ядро его отошло от всякой политической деятельности. Тогда-то президентом АНК и был избран Сэмюэл Мапок Макгато, священник и учитель из Трансвааля, пользовавшийся большим авторитетом у горняков Ранда, число которых значительно увеличилось после принятия закона о земле.

Годы, последовавшие за первой мировой войной, были трудными годами: росла дороговизна, и среди белых было много безработных. Но если для белых рабочих жизнь стала тяжелой, то для африканцев — просто невыносимой. Во время войны были изданы разного рода законы, связанные с работой, лишившие африканцев каких бы то ни было прав. Тем не менее им удалось организовать профсоюз (Союз рабочих промышленности и торговли), который в 1929 г. распался, но немало способствовал делу воспитания африканцев в городах и крупных горнорудных центрах.

Примерно в это же время возникла и Интернациональная социалистическая лига, состоявшая в основном из белого населения, на базе которой впоследствии была создана Коммунистическая партия. Первой значительной акцией АНК была так называемая «забастовка ночных горшков». В ту пору не было уборных, и каждое утро африканцы должны были выносить гигиенические ведра белых. Те, кого называли «ночные бо́и», потребовали увеличения заработной платы, им отказали. Конгресс объявил забастовку. Весь Йоханнесбург был отравлен

зловонием. В конце концов арестовали нескольких лидеров АНК, а вместе с ними и белых руководителей Интернациональной социалистической лиги. Так в первый, но далеко не в последний раз в нашей стране были брошены в тюрьму белые и черные вместе. Хотя, надо сказать, коммунисты не признавали в обуржуазившихся лидерах АНК товарищей по борьбе.

В двадцатые-тридцатые годы забастовочное движение все ширилось. Одним из самых знаменательных этапов этой борьбы был массовый отказ женщин от пропусков. Африканские женщины долгое время боролись против закона о пропусках и смирились лишь в 1959 г.

В ту эпоху еще верили в силу пассивного сопротивления, зерно которого заронил Ганди. Люди собирались, пели «Боже, благослови Африку» и другие религиозные песни, а потом сжигали или рвали в клочья пропуска. Но не следует забывать, что ответом долготерпению всегда бывает насилие. Так, в 1921 и 1923 гг. Смэтс спровоцировал два кровопролития. На мирную демонстрацию были брошены танки и пушки, а между тем режим Фервурда и кровавая расправа в Шарпевиле — все это еще было впереди.

В 1924 г. на смену проанглийскому правительству во главе со Смэтсом пришел бур Герцог, к власти его привела коалиция небогатых слоев белых (фермеров, горняков), до тех пор неизменно голосовавших за лейбористов, но невзлюбивших Смэтса за его жестокую расправу с забастовкой белых и считавших его с той поры ставленником английского капитала.

Тотчас же последовали новые расистские законы, права голоса лишились квалифицированные африканцы Капской провинции, зато его предоставили всем белым женщинам; были уменьшены налоги на белых, а на африканцев увеличены на 25%.

АНК бездействовал. Гумеде, бывший тогда его президентом, утратил почти всякий авторитет у руководства конгресса. Его стали называть коммунистом, упрекали за то, что он призывал африканцев вести политическую и экономическую борьбу и говорил, что они добиваются не только права свободно входить в любое кафе. Многие вожди племен, укреплению власти которых способствовал Герцог, утверждали, будто африканцы

веруют в бога и королей, а не в коммунизм, и что поэтому АНК не должен-де устраивать забастовок, «которые вызывают ответное насилие». В деятельности АНК наступил заметный спад. Враждующие между собой Смэтс и Герцог примирились и создали Объединенную партию, получившую в парламенте большинство в две трети голосов. Малан, оставшийся в одиночестве со своей Националистической партией, решил провести реорганизацию, которая способствовала бы «очищению». В 1936 г. на всеобщей конференции, созванной в Блумфонтейне, голоса, призывавшие перейти к действию, снова оказались в меньшинстве.

К этому моменту политически активные африканцы стали членами Коммунистической партии подобно Котане, который стал тогда ее генеральным секретарем. Теперь все они входят в руководство АНК.

Во время второй мировой войны не произошло ничего из ряда вон выходящего. Правда, на этот раз африканцы в большинстве своем отказались выступить с оружием в руках на стороне англичан. А некоторые хотели даже сражаться на стороне немцев. Несомненно одно: англичане боялись давать оружие африканцам.

Конгресс выработал новый, более демократический устав. Была упразднена Палата вождей, наиболее активные представители молодежи основали Молодежную лигу. Многие из ее активистов были рабочими-самоучками, такие, как Уолтер Сисулу и Энтон Лемде. Другие же, как, например, Нельсон Мандела, — сыновьями вождей. Судьба Манделы вообще типична. В то время некоторые молодые африканцы оканчивали школы миссионеров, а затем получали возможность продолжать учебу, добившись стипендии. Они читали книги, газеты и в конце концов восстали против старого, умеренного и оппортунистического руководства АНК. Молодежная лига воспитала целую плеяду руководителей, готовых к настоящей борьбе.

Весь послевоенный период был отмечен насилием. Молодежь Лиги чувствовала, что старые методы уже не годились. Все чаще и чаще в локациях по самым незначительным поводам вспыхивали мятежи. Если находился человек, который мог организовать людей, все шло хорошо, но зачастую дело начиналось мирным шествием к административному зданию, а кончалось всеобщей по-

тасовкой. Тем временем АНК, Индийский конгресс и Конгресс цветного населения сообща устраивали то тут, то там совместные демонстрации против системы пропусков. Индийцы выступали особенно активно. Вы что-нибудь слышали о докторе Даду? Это коммунист, лидер Индийского конгресса. Именно такие люди, как он, начертали нам путь в будущее, к той Южной Африке, которую следует еще построить. Африканеры стремятся разобщить нас, разделив на племена, индийцев, метисов, белых и африканцев. Но после войны люди, подобные индийскому коммунисту Даду, мусульманину Качалиа, африканскому националисту Манделе, дочери еврейских коммунистов из Литвы Рут Ферст, собрались вместе, чтобы выработать общую линию.

Я спрашиваю его, а не были ли коммунистами представители Молодежной лиги?

— Нет. Пожалуй, в то время они, и в частности Мандела, выступали в какой-то мере против коммунистов. Ну, прежде всего, по причинам религиозного характера, а потом и в силу своего воспитания. Кроме того, они считали, что обязаны бороться против апартхеида вместе с другими национальными группами, но в то же время думали, что каждая такая группа должна сохранять свою автономию. Можно даже утверждать, что поначалу молодежь была настроена против сотрудничества с белыми.

Окончательно освободиться от прежнего оппортунистического руководства АНК помогла большая забастовка горняков в 1946 г. Хотя африканские профсоюзы были объявлены вне закона еще в 1924 г., лидерам АНК и в том числе Дж. Марксу, деятелю Коммунистической партии, удалось создать Союз горняков. Они-то и организовали одну из самых значительных забастовок, когда-либо происходивших в этой стране. На бирже началась паника. Забастовка угрожала распространиться на всю страну: индийцы и метисы выразили свою солидарность. Белых охватил ужас. Последовали страшные репрессии. В толпу стреляли, было много убитых. Судили пятьдесят два человека, их обвиняли в подстрекательстве к забастовке. Среди них были африканцы, в том числе Дж. Маркс, который действительно принимал участие в подготовке забастовки, но были также и белые коммунисты вроде Абрахама Фишера или индийцы, как,

например, Даду, который к тому времени сидел уже в тюрьме в Натале.

Можно было предположить, что события, происшедшие в то время в мире, заставят призадуматься белых в Южной Африке. Ничуть не бывало: на выборах 1948 г. победила Националистическая партия африканеров. Мало того, победить на выборах Д. Малану помогла программа апартхейда, это слово прозвучало тогда впервые. Политика сегрегации, проводимая Объединенной партией, была детской игрой по сравнению с тем, что последовало дальше.

В 1949 г. происходили выборы в АНК, и Молодежная лига получила большую силу в руководстве. Доктор Джеймс Морока, вновь избранный президент, был первым в ЮАС африканским врачом. Под давлением молодежи была намечена более последовательная программа действий, хотя Конгресс по-прежнему выступал за мирный путь.

Вскоре парламент стал принимать законы, положившие основу политики апартхейда, и главным из них был Закон о расселении по группам. Затем последовал пресловутый закон о подавлении коммунизма, объявивший вне закона Коммунистическую партию и коммунизм, а на деле призванный подавить всякую активную оппозицию апартхейду. Ибо определение, данное коммунизму в этом законе, было весьма расплывчато и всеобъемлюще.

Священник обращается ко мне со смехом:

— Если бы только дознались, что я принимаю вас, меня самого могли бы арестовать по закону о подавлении коммунизма. — И так как я улыбаюсь, он продолжает: — Не смейтесь. Многие христиане, философия которых совершенно противоположна коммунистическому мировоззрению, были брошены в тюрьмы на основании этого закона...

Взглянув на часы, М. Х. продолжает свое повествование:

— После того как Коммунистическая партия оказалась под запретом, многие африканцы, в том числе и Дж. Маркс, всю свою деятельность сосредоточили на АНК. И 26 июня 1950 г. под руководством АНК была объявлена всеобщая забастовка. В Йоханнесбурге она прошла успешно, в других местах провалилась. В этот

момент такие люди, как Сисулу, заговорили о согласованной с индийцами программе действий. Сначала молодежь, и в их числе Мандела, не соглашалась на это; они считали, что африканцам надо действовать самостоятельно. Но их удалось убедить, и совместное с индийцами заседание состоялось. Именно там впервые проявил себя как руководитель национального масштаба Лутули, бывший в то время президентом АНК в Натале. На конгрессе 1953 г. его избрали президентом АНК. Правительство лишило Лутули прав вождя за его деятельность в рядах АНК, но престиж его от этого только возрос.

Программа совместных действий бросала вызов несправедливым законам. За восемь месяцев восемь с половиной тысяч человек добровольно пошли под арест, совершив какой-нибудь преднамеренный проступок, выражая таким образом протест против законов апартеида. Общенациональным руководителем добровольцев стал Мандела. Тогда-то он и проявил себя талантливым организатором.

Я попросила М. Х. привести примеры такого сознательного неповиновения.

— О, возможностей представлялось немало, можно было, например, разорвать пропуск на глазах у полицейских, войти на железнодорожную станцию в дверь, предназначенную для белых, или явиться в локацию без разрешения после наступления темноты. Даже женщины, обычно такие тихие, из тех, что никогда и голоса не повысят, могли появиться в общественных местах, посещаемых только белыми, громко распевая при этом патриотические песни.

Полиция систематически сажала протестующих в тюрьмы. За организацию этой кампании сорок семь руководителей АНК были приговорены к тюремному заключению сроком от трех месяцев до двух лет. Правительство приняло закон об общественной безопасности и закон о поправках к уголовному законодательству. Первый закон наделял министра юстиции, являвшегося одновременно и министром полиции, полномочиями объявлять по собственному усмотрению чрезвычайное положение на той части территории страны, где возникала какая-либо угроза государственной безопасности. Такие меры позволяли тут же пресечь всякую попытку

открытого выступления оппозиции. Согласно второму закону, любое нарушение порядков апартхеида в знак политического протеста рассматривалось как нанесение оскорбления государству и строго наказывалось. А закон о мятежных собраниях, принятый в 1956 г., расценивал как «подрывную деятельность» любое действие, «направленное на возбуждение чувства враждебности между европейскими жителями Союза и какой-либо другой национальной группой населения».

Многим африканским и индийским руководителям запрещалось заниматься какой бы то ни было политической деятельностью. Некоторым из них пришлось даже покинуть страну. Другим, в том числе Лутули и Сисулу, не разрешалось принимать участия ни в одном собрании. Так закончилась кампания неповиновения.

В 1955 г. произошло знаменательное событие: был создан Союз конгрессов. Давно уже некоторые лидеры АНК мечтали о некоей совместной организации, которая выработала бы программу борьбы, общую для всех жителей Южной Африки, независимо от их национальности. На этот призыв АНК откликнулись Конгресс цветного населения, Индийский конгресс, Конгресс профсоюзов и Конгресс демократов, ассоциация белых, состоявшая из коммунистов и беспартийных, разделявших точку зрения АНК. Конгресс демократов был создан одновременно с другой организацией белых — Либеральной партией.

На словах либералы выступают против апартхеида, но верят в конституционные методы и хотят, чтобы и мы, лишённые всяческих прав, тоже верили в законность. А дело объясняется просто: они боятся африканцев.

25 июня в Клиптауне, маленькой деревушке неподалеку от Йоханнесбурга, три тысячи делегатов различных национальностей приняли Хартию свободы. Зрелище это было необычайное, кого там только не было: африканские крестьяне в костюмах своего племени, расфранченные интеллигенты, индийские женщины в шелковых сари, белые женщины в спортивных костюмах, врачи, горняки, прислуга, студенты, торговцы и... само собой разумеется, Особый отдел, спешивший зафиксировать всех присутствовавших там белых. Несмотря ни на что, все веселились и пели. Но многих лидеров на

этой манифестации не было, одних бросили в тюрьму, других держали под надзором.

Слушая его повествование, я испытываю странное чувство, словно все, о чем он рассказывает, происходило где-то на другой планете. А между тем, 1955—1956 годы, это ведь не так давно и я припоминаю: девочки в лицее, где я училась, разбирались в политике, внимательно следили за всем, что творилось в мире, — война в Алжире, поездка Ги Молле в Алжир, где его забросали помидорами, Суэцкий канал... Но вот Южная Африка, Хартия свободы, тысячи брошенных в тюрьмы людей, почему мы ничего об этом не знали?

М. Х. продолжает:

— В один из декабрьских дней 1956 г. на рассвете полиция во всех концах страны ворвалась к людям разных национальностей, над которыми нависло обвинение в «государственной измене». Всех их отправили в Йоханнесбургскую крепость. В течение нескольких дней было арестовано сто пятьдесят шесть человек. Практически весь Исполнительный комитет АНК: Лутули, Мандела, Сисулу, Тамбо, Реша, Нокве, кроме того, лидеры индийцев и метисов, а также белых и в том числе неутомимая Рут Ферст. Их обвиняли в том, что, подстрекаемые международным коммунизмом, они будто бы организовали заговор, направленный на свержение путем насилия южно-африканского правительства. Следствие длилось шесть месяцев вместо обещанных прокурором шести недель. Обвиняемым грозила смерть (государственная измена карается здесь смертной казнью).

Процесс растянулся на четыре года. К концу первого года некоторых подсудимых оправдали, например Лутули. В действительности то был процесс над АНК, власти стремились доказать, будто это была террористическая организация, что ни в коей мере не соответствовало действительности; правда, начиная с 1949 г., методы нашей борьбы изменились и мы вполне легально начали кампанию неповиновения, но никогда ни до, ни после АНК не прибегал к насилию. Все годы, пока длился процесс, борьба не утихала. Жены лидеров, находившихся под следствием, вели в это время борьбу в Лиге женщин, устраивали массовые марши протеста. Не забывайте, что к этому времени женщин уже обязали иметь при себе пропуска и предъявлять их по первому

требованию. Тем не менее им удалось отыскать великодушный способ для оказания давления на власти. Женщины договорились бойкотировать товары фирм, принадлежащих африканерам, и овощи фермеров-буров. Надолго осталась в памяти «картофельная» забастовка. Для фермеров то была настоящая катастрофа, они никак не могли придумать, куда девать излишки своего картофеля.

Идея бойкота перешагнула границы нашей страны и, как вы помните, началась международная кампания бойкотирования южно-африканской продукции...

Манделу и других должны были освободить за неимением улик по основным пунктам обвинения. Но тут подоспели события в Шарпевиле, и у правительства появился новый повод для усиления репрессий.

Да, я забыл сказать, что в 1959 г. в локации Орландо был создан Панафриканский конгресс, основателями его были Собукве, Лебалло и другие, отколовшиеся от АНК...

Я спрашиваю его о причине раскола.

— Это не был раскол. Все началось с Хартии свободы. Африканисты, их называли так потому, что они выпускали небольшой бюллетень под таким названием, так вот, африканисты выражали недовольство тем, что АНК заполонили будто бы коммунисты и белые. Но антикоммунистические лозунги не пользуются популярностью в народе. Ведь правительство называло коммунистами всех тех, кто боролся против апартхеида, и потому народ не мог не уважать их. А кроме того, народ видел, что среди белых, которые питали к нему поистине братские чувства, было немало коммунистов.

— Или христиан, — вставил священник.

— Да, — согласился М. Х., — и у коммунистов, и у христиан есть идеал. Но только Фервурд тоже именуется себя христианином, так что понятие это весьма растяжимо.

Я спрашиваю М. Х., что он думает о коммунизме.

— На мой взгляд, в настоящий момент речь должна идти не о том. АНК открыт для всех африканцев, которые борются за свободу своего народа. В руководстве АНК есть и коммунисты, например Дж. Маркс, и христиане вроде Лутули. Точно так же дело обстоит и у индийцев, в числе их лидеров есть и мусульмане, и ком-

мунисты. АНК — это Фронт национального освобождения, и никто не может использовать его в своих собственных целях, ни коммунисты, ни антикоммунисты. Африканский национальный конгресс ставит своей задачей и социальное освобождение тоже, а кроме того, стремится к разрешению экономических проблем. Нельзя не отметить и того факта, что коммунисты дали очень верную оценку положению, создавшемуся в Южно-Африканской Республике, и сделали точный анализ его.

Но вернемся к ПАК и событиям 1960 г. В самом начале года ПАК объявляет «Statute Campaign». Речь шла о том, чтобы обязать белых вежливо обращаться с африканцами в лавках. Затея была довольно глупая и потому провалилась. АНК испытывал острую необходимость в легализации, и надо сказать, что 1960 год сыграл важную роль в истории этой организации. Это был год, когда многие африканские государства получили независимость. Мир начал проявлять интерес к Южной Африке. АНК в течение целого года исподволь готовился к широкой кампании, направленной против системы пропусков. Как вдруг в марте 1960 г. ПАК объявил, что 21-го он начинает кампанию протеста. Руководство АНК сочло это провокацией, задуманной с целью сорвать его собственную кампанию, и потому отказалось принять в этом участие. 8 марта 1960 г. ПАК обратился к руководству АНК с довольно неожиданным заявлением: «Мы начинаем кампанию. Присоединяйтесь к нам». И все, без каких бы то ни было объяснений. Тем не менее Нокве, генеральный секретарь АНК, согласился встретиться с ними. Встреча состоялась 19 марта. После долгой дискуссии Нокве пришел к выводу, что история эта ни с чем не сообразна и неизбежно кончится катастрофой, а потому отказался вовлекать свою организацию в бессмысленную и бесцельную авантюру. 21 марта, это был понедельник, ровно в семь часов утра Собукве, а вместе с ним целая группа из ПАК, исполненные решимости, предстали босыми перед полицейским постом в Орландо и добровольно пошли под арест, разорвав пропуска на глазах у полицейских. В других местах, за исключением Ланги и Шарпевиля, локаций неподалеку от Феринихинга в Трансваале, примеру этому никто не последовал. А там произошли трагические

события, в результате которых за несколько часов погибли сотни людей.

Потом стало известно, как это случилось: на рассвете жители Шарпевиля собрались у большого здания возле полицейского участка, обнесенного колючей проволокой. Шарпевиль считался правительством образцовой локацией, и столкновения с администрацией случались там чрезвычайно редко. Все было тихо, спокойно. Люди пришли в хорошем настроении. В их поведении не было никакой враждебности по отношению к белым. Это утверждали многие журналисты и фотографы, которые явились на демонстрацию. Управляющий Шарпевилем сам говорил впоследствии, что он совершенно свободно ходил среди толпы и даже перекидывался шутками с людьми. К полудню ожидали важного события. Рассказывали, будто бы кто-то из высокопоставленных лиц должен приехать из Претории для обсуждения вопроса о пропусках с Толо, местным секретарем Панамериканского конгресса. Но вот над толпой появились самолеты...

Священник перебил его:

— Это очень важно, ведь люди действительно пришли с мирными намерениями. Говорят, будто самолеты летели так низко, что люди, оставшиеся дома, выбежали посмотреть из любопытства, что случилось. Ривз, епископ Йоханнесбурга, опубликовал впоследствии фотографии, которые еще раз подтвердили, что ни один человек не мог вообразить себе трагический исход этого дня. Людей ничуть не беспокоило и появление танков с броневиками. На этих фотографиях отчетливо видно, что броневики совершенно свободно могли миновать толпу и очутиться во дворе полицейского участка. Можно разглядеть людей, приветствующих полицейских в броневых башнях...

— Как бы там ни было, — продолжал М. Х., — в тринадцать часов сорок минут семьдесят полицейских семьсот раз выстрелили в толпу, семьдесят пять африканцев было убито, сто восемьдесят тяжело ранено. Впоследствии было доказано, что все они были обращены спиной к стрелявшим, а некоторые попросту шли домой.

В шесть часов в Ланге полицейский офицер, испугавшись, тоже приказал стрелять в людей, недостаточно

быстро расходившихся, на его взгляд. Несколько человек было убито, пятьдесят ранено.

Нечего и говорить, что правительство насмерть перепугалось, узнав о расстрелах. В глазах всего света, которому прекрасно было известно миролюбие нашего народа, Шарпевиль стал символом варварства расистов в этой стране. Неделью, можно сказать, правительство было охвачено паникой и не знало, что предпринять. Потом, после недолгих колебаний, объявило о временной отмене законов о пропусках.

И хотя АНК не одобрял кампании, развернутой ПАК, в знак траура была объявлена всеобщая забастовка. По всей стране начались демонстрации: Лутули публично сжег свой пропуск (я помню фотографию старого вождя в одной из газет того времени). В тот же день правительство ввело чрезвычайное положение на всей территории страны, АНК и ПАК были объявлены «незаконными организациями». Было арестовано около двадцати тысяч членов политических ассоциаций, среди них Мандела и другие обвиняемые процесса «о государственной измене», которых только что временно освободили. Собукве и его товарищей арестовали вместе с другими членами АНК. Таким образом, действия ПАК вызвали еще большие репрессии. (Я не решаюсь высказать свои мысли вслух, и все-таки мне кажется, что не все разделяют точку зрения М. Х., потому что лишь в тот момент мир узнал о борьбе южно-африканского народа.)

— За пять месяцев чрезвычайного положения, — продолжает мой собеседник, — среди африканцев были убиты сотни людей и десятки тысяч ранены. Если африканцы отказывались выходить на работу, их принуждали к этому оружием и танками. Однажды в Кейптауне тридцать тысяч человек двинулись к зданию парламента, они хотели поговорить с кем-нибудь из правительства. Во главе их шел подросток, Филипп Кгосанэ. Его арестовали. К тому времени даже белые, обычно служившие верным оплотом правительству, и те стали протестовать против репрессий. Один человек пытался даже убить Фервурда. Его объявили сумасшедшим, и он умер неизвестно от чего в доме для умалишенных.

По всей видимости, время легальных средств и ненасильственного сопротивления миновало. Долготерпе-

нию нашего народа пришел конец. (Чтобы потерять терпение, им понадобилось ни много ни мало сорок восемь лет, отмечаю я про себя.)

— Тут-то и началось восстание в Пондоленде, — продолжает М. Х. — Пондо, одно из племен коса, к которому принадлежал и Мандела, выступило против создания бантустана в Транскее. Жители Пондоленда подняли восстание. В Транскее снова было введено чрезвычайное положение, которое только что отменили. И все-таки после пятимесячного заключения руководителей АНК выпустили на волю, потому что и на сей раз доказательств их виновности в террористической деятельности не оказалось. Лутули удалось выехать из страны в Швецию за Нобелевской премией мира. Другие руководители, и в их числе Раша, Тамбо, Нокве, Котане смогли тайно покинуть страну, с тем чтобы встретиться с представителями правительственных кругов иностранных держав, обратиться за помощью в ООН и подготовиться к новой борьбе.

После процесса о государственной измене Мандела стал видным деятелем организации, хотя сначала его считали чуть ли не аристократом. Но борьба сильно повлияла на сына вождя. Да он и в самом деле обладал всеми необходимыми качествами, для того чтобы стать лидером революционной организации. Это он подготовил майскую забастовку 1961 г., которая явилась выражением недовольства африканцев в связи с односторонним провозглашением республики белых.

Я думаю о Родезии. Как же реагировала на это Великобритания?

— Под давлением других стран, — говорит М. Х., — членов Британского содружества, Великобритания и Австралия впервые проголосовали в Организации Объединенных Наций против Южной Африки. Британское содружество призвало Фервурда и его сторонников отказаться от политики апартхейда, но те предпочли выйти из этой организации.

Мандела ушел в подполье, он был избран лидером Национального совета действия, возглавившего кампанию по созыву нового Национального конвента всех граждан Южной Африки. Трехдневная забастовка, охватившая 75% населения, носила вполне миролюбивый характер, она еще раз доказала, что насилие было про-

явлено только правительством: аресты, избиения, убийства уже никого не удивляли. И снова, в который уже раз, на бреющем полете над локациями пронеслись самолеты, а вокруг рудников и заводов занимали боевые позиции броневики.

Настала пора отказаться от старых методов борьбы, на насилие угнетателей следовало ответить революционным насилием. И надо сказать, что, если бы руководство не пришло к такому заключению, народ сам взял бы инициативу в свои руки, он уже дошел до такой степени отчаяния, что готов был пойти на все.

В конце 1961 г. была создана боевая подпольная организация «Копье нации» (Умконто ве Сизве). Эта вооруженная организация не подчинялась непосредственно АНК, по-прежнему остававшемуся массовой организацией, предпочитавшей ненасильственный путь. Говорили, будто Умконто тесно связана с реорганизованной Коммунистической партией. Это не соответствует действительности. Часть членов Умконто входила в АНК, остальные заявили, что принадлежат кто к Индийскому конгрессу, кто к Конгрессу цветного населения, а то и к белым демократам. О позиции, занимаемой этой организацией, Мандела подробно рассказал на процессе в Ривонии. Существует множество форм вооруженной борьбы: саботаж, партизанская война, терроризм и открытая революция. Умконто начала свою деятельность с саботажа. В первую очередь члены этой организации решили выступить против того, что символизирует апартхейд: конторы по выдаче пропусков, полицейские посты и т. д. Но деятельность этой организации не имела ничего общего с терроризмом. В этот момент Манделе удалось тайно выехать за границу. После своего выступления на конференции в Аддис-Абебе он совершил продолжительную поездку по Африке, во время которой встретился с правителями только что добившихся независимости стран, а также с различными деятелями, оппозиционно настроенными по отношению к Великобритании. Ему удалось даже организовать встречу с Бумедьеном на алжиро-марокканской границе. (Представляю себе, что должен был испытывать южноафриканский негр, ступив на землю независимой африканской страны.)

— Вернувшись в 1962 г. на родину, — продолжает

М. Х., — Нельсон Мандела снова начал подпольную деятельность. Полиция с ног сбилась, разыскивая его, за голову Манделы была назначена награда. В народе о нем ходили легенды. Но нашелся, к несчастью, предатель, который выдал его, и 5 августа 1962 г., после семнадцати месяцев подпольной работы, Манделу арестовали ⁴⁰.

Как рассказывал он впоследствии на процессе по делу Умконто в Ривонии, первоначальный план действий основывался на политическом и экономическом анализе положения в стране. Южная Африка в значительной степени зависела от иностранного капитала и торговли с другими странами. Следовательно, надо было дезорганизовать экономику, лишив ее таким образом притока капитала, однако это вовсе не исключало ненасильственного сопротивления, например забастовок или бойкота. Руководство всегда выступало против слепого террора, а если такое и случалось, то это было делом Поко ⁴¹.

11 июня 1963 г. в Ривонии, предместье Йоханнесбурга, было арестовано руководство одного из центров

⁴⁰ Манделу обвинили в подстрекательстве африканских рабочих к мартовской забастовке 1961 г., а также в незаконном выезде за пределы Южной Африки. Дело его слушалось в Претории, в здании старой синагоги, переоборудованной в помещение суда, т. е. там же, где два года назад его вместе с двадцатью восемью другими обвиняемыми оправдали по окончании процесса о государственной измене. Новый процесс начался 22 октября 1962 г. после неоднократных попыток полиции оттянуть его. Полиция стремилась сбить с толку защиту подсудимого, а также добиться слушания дела не в Йоханнесбурге, где жил Мандела (в локации Советов) и где он пользовался широкой поддержкой народа, а в Претории, которая была оплотом Националистической партии. Мандела сам вел свою защиту, его защитительная речь «Я готов умереть» вошла в историю. Манделу приговорили к трем годам каторжных работ за подстрекательство к мятежу и еще к двум годам за незаконный выезд за пределы страны. Он так и не вышел из тюрьмы и, наверное, выйдет оттуда лишь после освобождения своего народа, потому что вслед за тем полиция обрушилась на подпольные центры Умконто, и Манделу снова судили на процессе в Ривонии, приговорив его вместе со всеми остальными к смертной казни, которую затем под давлением международного общественного мнения заменили пожизненным каторжным заключением на о-ве Роббен.

⁴¹ Поко, что на коса означает «чистый», — подпольная вооруженная организация, созданная после запрещения ПАК. Лебалло, один из лидеров ПАК, скрывавшийся в Басутоленде, считал себя ее основателем. Некоторые оспаривают этот факт.

Умконто⁴². На процессе арестованным предъявили обвинение в подготовке ста девяноста трех диверсионных актов. Из всего этого видно, что правительство прибегало к различным способам, стараясь разгромить организацию. Был принят закон о «девяноста днях», который разрешал пытки на допросах. Как только истекали эти девяноста дней, обвиняемого тут же по выходе из полицейского участка снова арестовывали на тот же срок. И так до бесконечности.

Тысячи людей прошли таким путем через тюрьмы или полицейские участки. В настоящее время у нас в стране насчитывается более десяти тысяч политзаключенных.

После того как в июне были арестованы лидеры Умконто, полиция решила, что освободительному движению пришел конец. Но это было не так, диверсионные акты принимали все более широкий размах. В тот день, когда борцов из Умконто приговорили к смертной казни, была уничтожена Фредедорпская почта в Йоханнесбурге, да и здесь, в Кейптауне, взорвали радиомачты. Предателей, выступавших на процессе в качестве свидетелей против революционеров, убили. Речь Манделы на процессе в Ривонии была отпечатана и распространена по всей стране. Да и теперь, несмотря на то что освободительное движение переживает трудный момент реорганизации, саботаж не прекращается ни на один день. Если вы следите за газетами, то отметили, верно, что каждую неделю в них упоминается о бесконечных приговорах за саботаж. И вряд ли кого-нибудь смогут убедить заявления Фервурда, твердящего миру о том, что у нас все в порядке.

— Вы заметили, — спрашивает М. Х., — что в Претории квартал, где живут Сварт, Фервурд и большинство министров, принадлежащих к Националистической партии, обнесен десятиметровым забором из колючей проволоки, через которую пропущен ток высокого напряжения?

Мы долго молчим. В голове у меня вертится множество вопросов. Как сейчас обстоят дела в АНК? Каковы его реальные возможности и перспективы? Есть ли на-

⁴² Уолтер Сисулу, Говэн Мбеки, Рэймонд Млада, Ахмед Катрада. Денис Голдберг, Лайонел Бернстайн и др.

дежда на революцию? Существует ли какая-нибудь связь между руководителями, вынужденными покинуть страну, и теми, кто остался здесь? Спрашиваю обо всем этом сразу, тороплюсь, потому что ночь давно наступила и друзья, которые привезли меня сюда, уже, верно, ждут.

М. Х. улыбается в ответ.

— Я не руководитель, я самый обыкновенный африканец. В том, что я рассказал вам, нет никакой тайны. Все, кто принимал участие в борьбе нашего народа, могли бы рассказать то же самое. Он встает. — Не думаю, что мы когда-нибудь снова встретимся. Скорее всего я попаду в тюрьму, а не в Париж. Передайте друзьям за морем, что мы держимся.

На перекрестке стоит автомобиль с погашенными фарами, это за мной. М. Х. уезжает на велосипеде.

Утренние газеты сообщают, что по обвинению в саботаже собираются судить пятнадцатилетнего мальчика. Далее упоминается белая девушка, которая также предстанет перед трибуналом за то, что написала на одной из стен Йоханнесбурга: «АНК и Умконто».

Но в основном газеты пишут о новых законах, принятых парламентом и наделяющих Форстера, пронацистского министра юстиции, фантастическими полномочиями.

Пытаясь оправдать эти новые меры, Форстер заявил, что сопротивление негров из второй фазы (саботаж) перешло в третью (партизанская война). За три года, сказал он, у полиции похищено тринадцать тысяч винтовок. Арестовано сто тридцать три человека, пытавшихся пробраться за границу для военного обучения, и восемьдесят пять из возвращавшихся оттуда с целью подрывной деятельности.

Англоязычные журналисты (в основном либерального направления) говорят, что все это предвещает полицейские облавы и аресты сразу после окончания парламентской сессии.

Поправка к закону о подавлении коммунизма позволяет министру юстиции запрещать публикацию любых выступлений, направленных против апартхеида, будь то устное заявление или статьи, авторами которых

являются лица, проживавшие раньше в Южной Африке, а теперь находящиеся за границей. На том же основании можно будет держать в заключении сверх положенного срока еще год отдельных лиц, повинных в нарушении некоторых законов. Статья эта, содержащаяся первоначально в «General Law amendment act» 1963 г., известна под названием «статья Собукве», так как до сих пор она была применена лишь по отношению к одному человеку — лидеру Панафриканистского конгресса Роберту Собукве.

Согласно другой статье к ответственности можно привлечь «любого человека, у которого обнаружат какое-либо вещественное доказательство того, что до обнародования этого закона он был или остается в настоящее время агентом или членом нелегальной организации, или что он тем или иным образом с нею связан». Так, к ответственности можно привлечь даже человека, который в каком-нибудь ящике забыл старую газету, где говорится о такой организации, как АНК, даже если речь идет о тех временах, когда организация эта была вполне легальной.

Некоторые статьи нового законопроекта вызвали такой единодушный протест как в самом парламенте, так и вне его, причем даже среди весьма консервативно настроенных белых, что для обсуждения и принятия их потребовалась не одна неделя. И так как министрам хотелось поскорее вернуться к себе в Преторию, обсуждение новых законов было перенесено на следующую парламентскую сессию⁴³. Речь идет о статьях, запрещающих заниматься профессиональной деятельностью поверенным и адвокатам, которые числятся коммунистами или привлекались к ответственности за нарушение законов (даже в том случае, если тот или иной адвокат не является коммунистом в течение последних тридцати лет). Статья эта, имеющая целью лишить людей, осужденных по политическим мотивам, юридической защиты, вызвала самую резкую критику на страницах печати, ибо в этой стране ни один человек не чувствует себя гарантированным от возможного обвинения.

Много места отводится прессой обсуждению еще одной статьи. Эта статья наделяет министра полномочиями

⁴³ В феврале 1966 г. статьи эти все-таки были приняты.

запретить публикацию в Южной Африке высказываний любого человека, который, на его взгляд, играет на руку коммунизму или может способствовать своей деятельностью коммунистической пропаганде. Один из журналистов спрашивает, как быть в таком случае с римским папой, ведь если принять во внимание, что некоторые цели и задачи, поставленные коммунизмом, совпадают с целями и задачами христианства, то, может быть, следует в этой связи наложить запрет на деятельность папы или объявить его вне закона?

Кроме того, существует еще пресловутый закон о «ста восьмидесяти днях», предоставляющий министру право издать распоряжение об аресте любого лица, которое может быть использовано в качестве свидетеля обвинения на суде, и держать его в одиночном заключении в течение шести месяцев, причем срок этот может продлеваться до бесконечности⁴⁴.

Согласно поправке к закону о сохранении государственной тайны, любая публикация сообщений о деятельности полиции рассматривается как преступление, это считается покушением на государственную безопасность, которое карается восемью годами тюремного заключения. Таким образом, полиция получила возможность контролировать печать, арестовывать кого и когда ей угодно, не ставя об этом в известность общественность.

И наконец, поправка к закону «Police amendment act» дает право южно-африканской полиции обыскивать людей, автомобили и дома без всякого ордера на обыск на территории пограничных государств, в пределах двухкилометровой зоны. Это все равно, как если бы Франция во время войны в Алжире имела право преследовать алжирских борцов на территории Туниса и Марокко.

Так называемая официальная оппозиция (депутаты Объединенной партии), выступающая якобы против политики Националистической партии, проголосовала за

⁴⁴ Сейчас, когда я пишу эти строки, тридцать человек арестовано уже на основании этого закона сроком на сто восемьдесят дней. Тех, кто отказался выступать свидетелем обвинения против Абрахама Фишера, осудили на триста дней. Готовится новый закон, по которому отказ быть свидетелем обвинения карается от одного до пяти лет тюремного заключения.

все эти поправки и изменения, сделав лишь жалкие замечания по поводу нарушения судебной процедуры. Один только депутат был против принятия этих законов — бесстрашная Элен Сузман, она единственный представитель Прогрессивной партии в парламенте. Коммунистическая партия запрещена, у либералов, другой оппозиционной партии белых, нет депутатов.

А вообще белые все больше и больше поддерживают Националистическую партию, которая из партии африканеров превратилась в партию всех белых, в том числе и англичан.

То же случилось в свое время в Алжире: по мере приближения победы алжирского народа, люди, голосовавшие обычно за коммунистов и социалистов, рабочие квартала Баб-эль-Уэд, все более проникались расистскими идеями и в конце концов стали пособниками оасовцев.

В настоящее время у Националистической партии пятьсот депутатов, а у Объединенной — сорок девять. Нет сомнений, что на выборах 1966 г. националисты получат еще большее число голосов, отобрав их у оппозиции, это касается даже Наталя, где до сих пор английские избиратели не слишком-то поддавались фашистским идеям.

После встречи с одним из депутатов Объединенной партии такая реакция кажется мне вполне понятной. Националистическая партия вселяет уверенность в белых, политика ее кажется им вполне последовательной: она стремится к сохранению приоритета белых в Южной Африке и разработала для этого целую законодательную систему — апартхейд.

Объединенная партия, с 1948 г. утратившая власть, подобно всем остальным стремится к сохранению господства белых в Южной Африке, лицемерно называя это «лидерством белых». Ее упрекают в том, что она никогда не могла противостоять политике апартхейда. И потому голосов у нее все меньше и меньше.

Суть ее политики выразил вчера вечером Яппи Бассон, переметнувшийся в ее ряды из Националистической партии. Я встретила с ним на приеме, устроенном одним английским журналистом по случаю окончания парламентской сессии. На всех южно-африканских вечерах обычно много пьют и под воздействием алкоголя с тре-

погой начинают говорить о будущем. Только и разговоров, что о политике. Комментируют последние законы, называют все новые и новые имена людей, принадлежащих к Либеральной партии, приговоренных к домашнему аресту или живущих под надзором. Среди приглашенных, несомненно, есть соглядатай Особого отдела, но никто уже об этом не думает.

На рассвете люди разбрелись по разным углам дома. Какой-то художник вопил истошным голосом: «Танцуйте и пейте, граждане Южной Африки, близится конец света».

Хозяин дома, один из самых симпатичных людей, которых мне довелось встретить в этой стране, сказал, обращая ко мне: «Когда настанет конец света, мне хотелось бы оказаться здесь».

Бассон пригласил меня отобедать в парламент: «Вы увидите там Ферwurда, Форстера и всех остальных националистов». — Националисты, нацисты, приятные ассоциации, нечего сказать.

Я спрашиваю Бассона, почему он вышел из Националистической партии?

— Да потому что я против законов, которые оскорбляют африканцев и толкают их на отчаянные поступки (подразумевается революция). К примеру, законы о пропусках.

— Значит, если Объединенная партия снова придет к власти, она предоставит африканцам право свободного передвижения и свободного местожительства? — спрашиваю я.

— Нет, — отвечает он. — Дело в том, что африканцы и не хотят жить вместе с белыми. Так что отдельные зоны возникнут «сами собой», только не следует этого делать насильственным путем. Зачем разжигать ненависть? Надо вновь попытаться наладить нормальные отношения... Ведь в глубине души африканцы неплохо относятся к белым.

Я обращаю его внимание на то, что, насколько мне известно, проведение в жизнь закона о резервировании работы начали отнюдь не националисты.

— Видите ли, — говорит он мне, — африканцы в массе своей не могут выполнять квалифицированную работу. В большинстве своем они очень примитивны. Ошибка заключалась в том, что мы слишком поспешили с

приобщением их к городской жизни. С метисами дело другое: нынешнюю политику, превратившую их в граждан второго разряда, мы считаем постыдной. За ними следовало признать право называться западными людьми (Western people). Разве они не говорят по-английски и на африкаанс, как все белые? То же самое относится к индийцам, — это очень развитый народ. Мы тоже хотим обеспечить превосходство белых. Наша политика будет способствовать иммиграции белых из Европы. Таким путем удастся значительно увеличить численность населения, и все белые, которым нравится Африка, могут сосредоточиться у нас.

— А кто же будет у власти? — спрашиваю я.

— Конечно, белые, на нас вся ответственность. Метисам снова предоставят право голоса, как прежде, когда мы были у власти. Наиболее развитые и акклиматизировавшиеся в городе туземцы смогут избирать восемь белых представителей в палату собрания и шесть в сенат, они будут защищать их интересы. Мы за союз наций. А националисты собираются раздробить Южную Африку на множество мелких федеративных государств с большим государством белых во главе. Это безумие. Федерация наций понятие не географического, а человеческого порядка. Само собой разумеется, люди расселились бы по кварталам и сельским районам по собственному своему разумению, следуя установившимся обычаям. Можно было бы создать множество коммунальных советов, объединяющих негров, метисов, индийцев, белых, которые входили бы в состав большого общенационального коммунального совета.

Слушая Бассона, я снова невольно думаю, уж не с сумасшедшим ли я имею дело?

Но нет, политика Объединенной партии вполне целенаправленна, она ставит своей задачей сделать сегрегацию более приемлемой в глазах мирового общественного мнения. На прощание Бассон попросил рассказать ему о Мадагаскаре, главным образом его беспокоило, не станет ли Циранана коммунистом? Я посмеялась над таким предположением, и это его успокоило.

Мне было неясно, почему вдруг Бассон заинтересовался Мадагаскаром. И только сегодня в парламенте, услышав его выступление, критикующее политику Фервурда, я поняла вдруг причину его тревоги: «А что если

Мадагаскар станет новым Занзибаром? Мадагаскар находится на том же расстоянии от Йоханнесбурга, что и Виндхук, столица Юго-Западной Африки. Кто поручится за то, что остров не станет базой враждебных действий по отношению к нашей стране? Необходимо нормализовать наши отношения со всей остальной Африкой!»

Здание парламента, где принимались все расистские законы, — это старинная постройка в колониальном стиле, расположенная на маленькой площади, сплошь покрытой цветами. В те времена, когда Капская провинция была английской колонией, здесь размещалась Колониальная ассамблея.

На первый взгляд парламент не очень охраняется, прилегающие улицы, где стоят роскошные американские машины министров со столичными номерами, закрыты для движения, но в сад проникнуть можно совершенно беспрепятственно. Правда, любого неизвестного посетителя незаметно фотографируют многочисленные соглядатаи Особого отдела, которые болтают между собой, непринужденно прислонясь к автомобилям. Кроме того, в здании парламента нет ни одного африканского служащего.

В ожидании Бассона и его жены разглядываю в просторном, отделанном деревом холле портреты известных политических деятелей времен Южно-Африканского Союза. Из зала заседаний начинают выходить депутаты. Многие из них смахивают на метисов. А у Вильерса Грааффа, лидера Объединенной партии, или, например, Сварта, пынешнего президента республики, в жилах наверняка течет немного африканской крови. Говорят, в семьях африканеров это вполне обычная вещь. И в этом, мне думается, причина их ненависти к африканцам. Будучи в свое время министром юстиции, Сварт приобрел печальную славу «человека с кнутом» за то, что выдвинул известный закон 1953 г., согласно которому наказание кнутом считалось в некоторых случаях обязательным. Именно ему пришла в голову идея предоставлять арестованных африканцев в распоряжение белых фермеров.

Жены депутатов и министров ожидают своих мужей, чтобы пообедать в ресторане парламента. Ощущение такое, будто попал в «Фоли-Бержер». Редко мне доводи-

лось видеть такое количество перьев, цветов и фруктов, украшающих прическу. Г-жа Фервурд похожа на Глорию Свенсон в фильме «Бульвар заходящего солнца». На усохшую Глорию Свенсон, решившую остепениться и уйти в монастырь. На ней какой-то невообразимый кроваво-красный костюм, на голове необъятных размеров капор точно такого же цвета, она непрерывно грызет конфеты, болтая то с одним, то с другим.

Раздается едва слышный звонок, и появляются все остальные депутаты. Когда Форстер, печально известный министр юстиции, останавливается в двух шагах от меня, я цепенею от ужаса, словно вижу перед собой призрак Гитлера. Он маленького роста, коренастый, а дряблкое лицо с голубыми глазами и неуклюжая шляпа делают его похожим на грустного клоуна. Ходит он странно, переваливаясь, точно утка, и, когда направляется к выходу совсем один, не обмолвившись ни с кем ни словом, впечатление он производит жалкое, трудно поверить, что он повинен в стольких преступлениях. Рассказывают, будто Форстер, предлагая репрессивные меры против белых антирасистов, хочет отплатить им за неприятности, доставленные ему англичанами, которые в 1942 г. интернировали его в лагерь Коффифонтейн под номером 2229.42 за участие в прогитлеровской террористической организации «Оссева Брандваг»⁴⁵.

У сподвижника его, доктора Фервурда, вид вполне довольный и веселый. Выглядит он старше своих шестидесяти пяти лет, руки его покрыты пятнами, как у дряхлого старика, но лицо румяное, а глубоко посаженные,

⁴⁵ Форстер, так же как Сварт, Лоув и другие известные лица Националистической партии, был генералом террористической организации. Первоначально организация эта была задумана в 1914 г. африканерами, которые вместе с немцами боролись против англичан за восстановление прежних бурских республик. Тесно связанные с нацизмом, члены организации проявили особую активность в годы второй мировой войны, и если верить немецким документам, оказавшимся в руках союзников после войны, между Маланом, возглавлявшим Националистическую партию, и нацистами установились тесные контакты. Речь шла о том, чтобы Южная Африка не выступала во время войны на стороне Великобритании. Говорят, будто между немцами и африканерами был подписан дружеский договор, согласно которому Юго-Западная Африка вновь должна была стать немецкой колонией, зато к Южной Африке должны были отойти английские протектораты и Родезия. Малан и его друзья не сомневались, что немцы выиграют войну.

маленькие, хитрые глазки так и сверлят вас. Взяв под руку жену, он идет в ресторан, раскланиваясь направо и налево.

Хендрик Фервурд не южно-африканец, сам он родился в Голландии, в семье немецкого происхождения. В Южную Африку его привезли в возрасте двух лет, когда отца назначили миссионером голландской реформатской церкви. Как все «мыслители» Националистической партии, он учился в Стелленбосе, интеллектуальной колыбели «африканерства». После окончания университета он стал профессором психологии, но это нисколько не помогло ему понять проблемы, волнующие миллионы африканцев его страны. Затем он стал министром по делам туземцев и оставался им при правительствах, возглавлявшихся Маланом и Стрейдомом, тогда-то у него и появились неограниченные возможности по разработке законодательной системы апартейда. Будучи во время второй мировой войны директором пронацистской газеты «Ди Трансвалер», он оказался в числе особо отличившихся в деле проведения антиеврейской кампании.

В ресторане парламента царит неслыханная роскошь (красное дерево, на овальных столах цветы, серебро, хрусталь). Прислуга только белая. Жена Бассона, выделяющаяся среди других женщин своим изяществом, говорит, что это новое веяние у африканеров: полностью обходиться без африканцев. Г-жа Фервурд хвастала, что ни одного из ее детей не баюкала черная нянька. А я думаю, что черных слуг нет здесь по той простой причине, что белые боятся покушения.

Меню, как обычно, отличается чрезмерным изобилием и содержит восемь блюд, в том числе бифштекс в вине со сливками, не говоря уже о закусках и десерте. Вокруг все много пьют и громко смеются. К концу обеда лица господ, которым пора приступать к работе, побагровели, налились кровью.

Парламент построен не амфитеатром, как во Франции, а квадратом, как в Англии. На столе, перед двумя секретарями в белых париках, возлежит огромная палица — символ власти. Депутаты восседают по обеим сторонам зала в удобных кожаных креслах зеленого цвета; те, что составляют большинство, — налево, меньшинство — направо, рядом с ними белые представители

метисов и г-жа Сузман, маленькая женщина с энергичным лицом, которую депутаты Националистической партии непрерывно осыпают насмешками.

Прогрессивная партия, депутатом которой является г-жа Сузман, возникла во время выборов в 1958 г. в результате внутреннего раскола Объединенной партии. В то время у них было двенадцать депутатов, теперь остался только один, а на ближайших выборах не останется, по всей видимости, никого. Поначалу партию финансировал Гарри Оппенгеймер, директор «Англо-Американ корпорейшн», который, являясь представителем международного капитала, отличался несколько более либеральными взглядами, чем г-н Фервурд. Кроме того, несмотря на тесную связь с правительством по финансовым вопросам, он не мог не заботиться о собственных интересах в Замбии, Танзании и прочих африканских странах, где и после получения ими независимости ему удалось сохранить все свои рудники.

Прогрессивная партия выступает не за всеобщее избирательное право, а всего лишь за то, чтобы право голоса было предоставлено тем, кто имеет для этого «некоторые основания», т. е., иными словами, тем, у кого есть образование, деньги, а следовательно, и возможность жить в соответствии с западными стандартами. Но кто, кроме белых ⁴⁶, обладает всеми этими привилегиями?

Ораторы не выходят на трибуну, как во Франции, а выступают, стоя перед креслом. Фервурд чуть слышным голосом что-то говорит в данный момент на африкаанс. Я смутно догадываюсь, что он поносит шведов и голландцев, парламенты которых проголосовали за выделение особых средств в помощь семьям тех, кого преследуют за борьбу против апартхеида ⁴⁷. Затем он обвиняет Объединенную партию в нелояльности по отношению к матери-родине, что, по всей видимости, очень огорчает депутатов оппозиции. Когда Бассон выступает с ответной речью тоже на африкаанс, националисты начинают издавать какие-то странные звуки и стучать

⁴⁶ По мнению г-жи Сузман, семьдесят тысяч африканцев могут быть зачислены в такую категорию.

⁴⁷ «Эйд энд Фанд» сообщает, что двадцать тысяч женщин и детей остались без всяких средств к существованию, потому что кормилец семьи попал в тюрьму.

ногами, а под конец вопят что есть мочи: «Красный! Красный!» Здесь это высшая степень оскорбления.

И хотя Бассон обращается к Фервурду, тот его не слушает. Полулежа в кожаном кресле, он тупо рассматривает свои пальцы, делает какие-то странные жесты маленькими ручками, потом сует их в карманы брюк и, в конце концов, начинает тихонько почесывать ногу. В тот момент, когда я собираюсь запечатлеть его, чья-то рука хватает мой фотоаппарат.

Вернувшись из парламента, я весь вечер читаю запрещенную в Южной Африке книгу Брайена Бантинга «Становление Южно-африканского рейха». Я нахожусь у журналиста, который, несмотря на свою родословную (он принадлежит к старинному семейству буров), состоит членом Прогрессивной партии. Всякий раз как кто-нибудь звонит, я спешу спрятать книгу в специальный тайник, устроенный под полом.

Бантинг рассказывает, как Националистической партии удалось укрепить свое положение в результате альянса с Лейбористской партией после создания Южно-Африканского Союза, и как она постепенно готовилась к взятию власти. Добиться цели ей помогло тайное общество «Брудербонд» («Союз братьев»), которое до сих пор направляет и контролирует все сферы жизни южно-африканского общества. Это своего рода франкмасонство было основано в 1918 г., предполагают, что теперь организация насчитывает около семи тысяч членов.

После второй мировой войны И. М. Ломбард опубликовал в газете Фервурда «Ди Трансвалер» серию статей, где развивал идею семи пунктов, за которые боролись «братья»: 1. Добиться полной независимости Южной Африки. 2. Положить конец главенствующему положению английского языка над африкаанс. 3. Провести полнейшее разделение рас. 4. Прекратить эксплуатацию ресурсов и населения Южной Африки иностранной державой (подразумевалась Великобритания). 5. Укрепить положение мелких белых фермеров и оказать экономическую поддержку африканерам. 6. Национализировать денежный рынок и ввести экономическое планирование. 7. Продолжить африканеризацию общественной жизни и развитие образования в национал-христианском духе. В заключение Ломбард пи-

сал: «Брудербонд воплощает непоколебимую веру в то, что африканеры оказались в самом сердце этого района по воле божьей, и что им предназначено укрепиться здесь как нации, со свойственными ей характерными чертами и собственной миссией».

Тайное общество руководит всей деятельностью Националистической партии с тех самых пор, как она пришла к власти в 1948 г. Пожалуй, нет такой области (будь то политика, культура, религия или экономика) в жизни африканеров, которой не руководил бы один из «братьев». Мало того, все организации Националистической партии дублируются организациями, связанными с Брудербондом. Именуя это «вторым треком», или «духовным треком», Бантинг утверждает, что таким путем удалось воздвигнуть стену между англоязычными южно-африканцами и теми, кто говорит на африкаанс, превратив этих последних в проводников самых что ни на есть фашистских идей.

В тридцатые годы большинство лидеров Националистической партии подверглось сильнейшему влиянию нацистских идей. Причин к тому было немало: Германия испокон веков враждовала с ненавистной им Великобританией. Гитлер был антисемитом и подобно им говорил о необходимости избавить мир от «еврейского капитала».

Бантинг рассказывает, что фан Ренсбургу, занимавшему при Герцоге пост секретаря в министерстве юстиции и не скрывавшему своих дружеских связей с нацистами, предложили пост администратора Оранжевого государства. Он счел, что это Смэтс, известный своими проанглийскими настроениями, решил вывести его таким путем из состава правительства, и покаянно будто бы заявил Герцогу: «В конце концов, я африканер со всеми вытекающими отсюда последствиями и верен идеям или, если хотите, тенденциям, которые в наши дни стали называть... фашистскими». На что Герцог ему будто бы ответил: «Хорошо, хорошо. У нас так много общего, люди просто не подозревают об этом».

Фан ден Хеефер, один из биографов старого генерала бурской войны, рассказывает, что в конце своей жизни тот уже не верил в демократию и на пороге смерти почувствовал непреодолимое влечение к идеям национал-социализма, в которых усматривал новый вариант

ранее существовавшей модели — Оранжевого Свободного Государства.

Когда в Германии начали преследовать евреев, Фервурд с пятью другими коллегами из Стелленбоса, где он тогда еще преподавал, обратился к Герцогу с просьбой запретить евреям, эмигрировавшим из Германии, въезд в Южную Африку.

Из-за активной деятельности Малана и Фервурда, многим евреям, которые смогли бы тогда избежать лагерей смерти, запретили въезд в Южную Африку, хотя документы у них были в порядке.

В годы расцвета нацизма в Южной Африке создавались многочисленные ассоциации симпатизировавших ему людей. Впоследствии они влились в Националистическую партию, а в настоящее время некоторые из них стали депутатами или сенаторами, как, например, Йоханнес Мольтке, основавший «Саут Африкен Джентайл Нэшнл Соошелист Мувмент» — фашистскую партию, призванную восстановить арийско-христианский контроль над Южной Африкой.

Антисемитизм здесь проявляется довольно часто. Так, например, когда г-жа Сузман начинает критиковать расистскую политику Националистической партии, раздаются голоса, что вот-де, мол, «еврейка, вмешивается не в свое дело».

После того как в 1961 г. Израиль проголосовал в Организации Объединенных Наций против ЮАР, Фервурд заявил, что это «может стать трагедией для южноафриканских евреев». А когда во время последних выборов многие евреи отдали свои голоса Прогрессивной партии, в «Ди Трансвалер» тут же появились завуалированные угрозы. Угрозы эти возымели действие, потому что Еврейский совет сделал в 1962 г. заявление, в котором выразил свое сожаление по поводу того, что Израиль голосовал против ЮАР.

В 1948 г. Националистическая партия пришла к власти с сомнительным большинством в пять депутатов, к тому времени многие из ее лидеров еще не отбыли срок наказания за свое сотрудничество с Германией. Сварт освободил их. И Малан, в то время премьер-министр, тут же прибрал к рукам полицию, армию и администрацию. В противоположность многим другим правительствам, расовая политика которых складывалась

стихийно, это правительство запланировало апартхейд до мельчайших подробностей, оставалось лишь провести его в жизнь.

Националистическая партия начала упорную борьбу за увеличение своего большинства в парламенте. Оставив без внимания рекомендации ООН по поводу Юго-Западной Африки, она выдвинула в кейптаунский парламент белых депутатов, облеченных полномочиями представлять интересы этой страны, на которую между тем у Южной Африки не было иных прав, кроме мандата. Мало того, территорию Юго-Западной Африки поделили на мельчайшие избирательные округа с тем, чтобы получить возможность выдвинуть как можно больше депутатов. Граждане Юго-Западной Африки были освобождены от налога. Бантинг отмечает, что белое население Юго-Западной Африки не платит налогов, тем не менее у него есть депутаты, тогда как у африканцев, которые больше всех облагаются налогами, нет ни одного депутата.

Спустя несколько лет Националистическая партия вытеснила всех тех, кто пытался основать какие-либо другие партии африканеров⁴⁸. Ею был предпринят еще один шаг: право голоса предоставили белым подросткам. Вслед за тем были приняты меры к тому, чтобы лишить небелых всякого представительства. Индийцев лишили права посылать своих представителей. Метисы должны были голосовать по особому списку в присутствии полицейского чиновника (в чине не ниже сержанта). И, наконец, в 1959 г., под предлогом создания бантустанов, африканцев лишили права выбирать четырех белых сенаторов в качестве своих представителей. А когда депутаты попробовали возмутиться таким вольным обращением с избирательным законом, записанным в конституции, Фервурд якобы ответил: «Это воля божья». Бантинг рассказывает, что юмористы изображали в те времена премьер-министра, беседующим по телефону с самим господом богом.

В заключение Бантинг пишет, что в наши дни в полиции, армии, администрации, системе здравоохране-

⁴⁸ Недавно были созданы две новые партии: консервативная и республиканская. Они тоже придерживаются программы апартхейда, «но в улучшенном виде».

ния — всюду одни только африканеры, причем все ключевые посты занимают люди из Брудербонда, — воистину «национализированная» страна, ничего не скажешь.

Кейптаунский университет, куда я собираюсь сегодня утром, расположен в дубовой роще, на подступах к Столовой горе, неподалеку от памятника Сесилю Родсу. Погода стоит великолепная, и, так же как в ВИТСе, студенты загорают на траве.

Подобно йоханнесбургскому университету англоязычный университет Кейптауна считается рассадником революционных идей. Он славится своими резкими выступлениями против апартхеида. Когда в 1953 г. правительство постановило отчислить из университетов цветных студентов, кейптаунский университет оказал этому самое активное сопротивление. Ректор университета доктор Т. Б. Дейви сделал тогда заявление: «Существуют четыре основополагающих свободы для университета: это чему учить, как учить, кого учить и с кем учить».

До того как был принят этот закон, среди студентов кейптаунского университета насчитывалось 4% цветных, теперь там нет ни одного африканца, только на медицинском факультете осталось пятьдесят семь индийцев и восемьдесят шесть метисов⁴⁹. Из-за отсутствия квалифицированных преподавателей (почти все африканские преподаватели живут под домашним арестом или сосланы) обучение в университетах для африканцев считается второразрядным. Хотя в университетах для белых теперь наблюдается та же картина, так как правительство постепенно старается заменить преподавательский состав, на смену либерально настроенным преподавателям приходят те, кто получил образование в Претории или Стелленбосе. Ради этой цели в ход пущены все средства:

⁴⁹ Обучение в африканских университетах основано на племенном принципе. Так, студенты коса могут учиться только в Форт-Хэйр в Сискее; зулусы и свази — в зулулендском колледже; суто, тсонга и венда — в Северном университетском колледже; индийцы — в Индийском колледже провинции Наталь; метисы — в колледже Уэстерн Кейп. Кроме того, по закону о резервировании работы в этих университетах могут изучаться лишь определенные предметы: теология, обычное право, медицина, педагогика. В стране насчитывается сорок пять тысяч белых студентов и четыре тысячи двести цветных.

изгнание, домашний арест, полицейский надзор, тюремное заключение.

Совсем недавно жертвами репрессий стали два видных ученых южно-африканских университетов: Эдуард Ру из ВИТСа и Джек Саймонс из Кейптауна.

Профессор Ру — знаменитый ботаник, научная работа, которую он ведет, известна всему миру. В молодости он был членом Коммунистической партии, но все знают, что вот уже лет тридцать, как он отошел от всякой активной политической борьбы. Тем не менее Форстер добрался и до него. И теперь профессор Ру не имеет больше права преподавать, издаваться, он не может присутствовать ни на одном собрании, ему не разрешается уходить далеко от дома.

Профессор Саймонс — большой авторитет в области африканистики. В течение двадцати пяти лет он преподавал в кейптаунском университете, целое поколение социологов обязано ему своими достижениями в области исследования истории и развития африканского общества. Саймонс состоял в Коммунистической партии вплоть до ее запрещения в 1950 г. С тех пор он не занимался политической деятельностью, если не считать того, что он пытался привить своим студентам любовь к свободемыслию. Саймонса тоже держат под надзором и подобно его коллеге лишили всех прав⁵⁰.

Один из ассистентов Саймонса Микаэл, активный деятель Либеральной партии в Кейптауне, рассказал мне, что НЮСАС — союз студентов — организовал внушительную демонстрацию в знак протеста против такого рода мер и обратился к министру с требованием объяснить причины принятого им решения. «Если у министра имеются доказательства виновности этих лиц, почему бы не передать их дело в суд?» В ответ на это Форстер заявил, что он не намерен пересматривать свое решение.

Микаэл, с которым я познакомилась на вечере по случаю окончания парламентской сессии, показался мне несколько странным. Живет он в постоянном страхе, так и ждет, что его арестуют или сошлют, говорит чуть

⁵⁰ Впоследствии Саймонса выслали: в Манчестерском университете ему удалось получить средства на научно-исследовательскую работу.

ли не шепотом, без конца роется в своем автомобиле и уверен, что между книгами в его кабинете непременно поставят микрофон, бесконечно строит трагические гипотезы относительно своего будущего. «Мы больше не увидимся. Я мог бы добиться научной стипендии в каком-нибудь американском университете, но мне не дожить до этого дня». При встречах с ним невольно заражаешься его нервозностью и начинаешь испытывать невероятное чувство голода. Все наши свидания неизбежно заканчивались в университетском ресторане, где в окружении полудюжины преподавателей, на которых тревога оказывала прямо противоположное действие, мы поглощали десятки бутербродов.

— Знаешь, — поведал он мне сегодня утром, — на последнем собрании НЮСАС обнаружили троих осведомителей из Особого отдела: двое ребят и девушка. У них были крохотные фотоаппараты, и они фотографировали всех африканских студентов, приезжавших сюда из Форт-Хэйра. У них нашли списки людей с характеристикой на каждого, в особенности на студентов левых убеждений.

Что касается самого Микаэла, то он, конечно, не левый, скорее даже антикоммунист. «Но почему-то я против тоталитарного режима,— признался он мне,— и в этом все дело!»

Его идеал — Кеннеди. И мечтает он о таком обществе, как в США. Он приходит в крайнее возбуждение при одном упоминании о кампании борьбы за политические права и о маршах протеста к Вашингтону, а когда он слушает потихоньку у себя дома «Мы победим» в исполнении Джоан Баэз⁵¹, у него возникает такое чувство, будто он сражается на баррикадах.

Либеральная партия была создана в 1953 г., после того как закончилась кампания неповиновения АНК. Коммунистическую партию запретили, и возникла необходимость в создании организации белых, которая поддержала бы АНК. Так появился Конгресс демократов. Некоторые белые, и среди них Маргарет Баллинджер, историк Лео Марквард, писатель Алан Пейтон (автор книги «Плачь, любимая страна»), не во всем были

⁵¹ Американская прогрессивная певица, часто выступает на митингах протеста.— *Прим. перев.*

согласны с АНК. Поначалу Либеральная партия не выдвигала требования всеобщего избирательного права, а предлагала предоставить право голоса «цивилизованным африканцам». Когда же в 1958 г. Прогрессивная партия выдвинула ту же программу, Либеральная партия вынуждена была пойти дальше, так что теперь она выступает за всеобщее избирательное право. От демократов Либеральная партия отличается тем, что не верит в ненасильственное сопротивление, не признает руководство АНК и проникнута антикоммунистическими настроениями.

Это легальная партия. И легальность ее позволяет правительству делать следующие заявления: «Вот видите, у нас полная демократия, даже Либеральная партия, и та есть». Хотя надо сказать, партия подвергается жестоким репрессиям. Руководители ее то и дело попадают под домашний арест, их бросают в тюрьмы, причем такого рода меры оправдываются законом о подавлении коммунизма, что бесспорно свидетельствует о безумии Форстера, потому что люди эти известны своим антикоммунизмом, как, например, один из лидеров партии Дэвид Грегхид; тем не менее он живет под надзором, ему никуда не разрешается выходить, разве что ранним утром на воскресную службу в церковь.

Большинство либералов отбыло наказание по закону «о девяносто днях» в тот момент, когда разбиралось дело африканского движения сопротивления.

— Они тогда просто как с ума посходили, — рассказывает Микаэл. — В 1962 г. в университетах и особенно здесь, в Кейптауне, распространились слухи, будто некоторые из них готовят диверсии, чтобы запугать националистов. Сначала эти люди решили назвать свое движение Комитетом освобождения, потом передумали и в конце концов, несмотря на то что были белыми, выбрали название — Африканское движение сопротивления. Зачинщикам этого дела удалось бежать за границу, остальные же после неоднократного осуждения на «девяносто дней» были сломлены и заговорили на допросах. Все, кого осудили тогда, были очень молоды, в среднем им было не больше двадцати пяти лет. В основном это студенты или ассистенты университета. Впрочем, те, кто их предал, — тоже. Лефтуич, например, возглавлял НЮСАС с 1961 по 1962 г. Несколько недель он провел

и включении, затем, посоветовавшись со своей невестой Линнетт фан дер Рит, согласился выступить свидетелем против своего товарища Левина. Говорят, теперь Лефтуич в Израиле. Ему повезло, потому что, как правило, человека, согласившегося стать свидетелем обвинения, не так-то легко отпускают, его используют на других процессах в качестве лжесвидетеля.

Микаэл качает головой:

— Мы, белые, не приспособлены к пыткам. А черным хоть бы что, они преспокойно могут провести в одиночке от шести до десяти месяцев. Хотя их пытаются электричеством.

Я называю ему имена белых, которых не удалось сломить.

— А-а! — заявляет он в ответ. — Ведь это же коммунисты.

Микаэл рассказывает, что все, решительно все знали, когда и где было намечено произвести взрывы.

— Даже полиция, и та знала. Но делала вид, будто не знает. Подумаешь, какое дело, взорвут радиомачту или сигнальный щит на железной дороге, ну и что? Зато потом можно будет требовать новых репрессий и арестовывать людей из Умконто, вот этих действительно стоило бояться.

Так, например, Хирсон, Эйзенштейн⁵², Прэйджер и Левин взорвали линию электропередачи на участке между Розбэнком, где находится университет, и Родденбосом. Это остановило движение на какие-нибудь десять минут, и все. А осудили их на семь лет. Этому немало способствовали показания свидетелей обвинения. Те говорили, будто они хотели помочь Собукве бежать с о-ва

⁵² Эйзенштейн оказался единственным ребенком, которому удалось спастись из варшавского гетто. Мать спрятала его в продовольственной сумке и бежала через подземные канализационные трубы. Он жил во Франции, затем после войны перебрался к своим родителям, поселившимся в Южной Африке. Он собирался вернуться во Францию, так как не мог привыкнуть к здешним нравам, но тут как раз разразились все эти события. Во время процесса мать его пыталась объяснить, какой глубокий след оставили в его душе нацизм и расизм. Но это не произвело впечатления на судей. Другой обвиняемый, Левин, сын англиканского церковнослужителя, был ассистентом на кафедре английского языка в университете Родса, издавал африканский журнал «Драм» и являлся одним из руководителей НЮСАС. На допросах в полиции Претории его пытали, но он остался непоколебим и проявил большое мужество.

Роббен. К началу июля 1963 г. почти все участники этого движения были арестованы, а тем, кого не успели арестовать, удалось скрыться, и вот тогда-то Джон Харрис, учитель, принимавший активное участие во всех начинаниях САНРОК⁵³, решил взорвать бомбу на вокзале в Йоханнесбурге. 26 июля 1964 г. незадолго до назначенного времени он предупредил по телефону полицию и нескольких журналистов о том, что на вокзале оставлен чемодан с бомбой. Говорят, что полиция вполне успела бы обезвредить бомбу, но сознательно не стала этого делать, прекрасно понимая, что подобный акт никак не может вызвать сочувствия у населения, а кроме того, даст все основания для новых репрессий.

Так и случилось: бомбой убило старую женщину и тяжело ранило человек двадцать, в том числе нескольких детей, причем одна маленькая девочка лишилась зрения. Полиция была в полном восторге, вся пресса только и писала об этом. На первых страницах газет помещались фотографии несчастных жертв, детей, оставшихся калеками на всю жизнь... Харриса тут же арестовали, и 15 сентября ему предъявили обвинение в саботаже и убийстве. Как и на всех остальных процессах, выступали свидетели обвинения. Полиция использовала обычные свои методы: согласно закону «о девяноста днях», арестовали всех, кто мог оказаться ей полезен; не в силах вынести пыток, люди признавались во всем, что от них требовалось. Харриса приговорили к смертной казни. Выяснилось, что он был автором письма к Фервурду, в котором говорилось, что, если министр не объявит по радио о предоставлении свободы всем политическим заключенным, об отмене домашних арестов и о созыве нового Национального конвента, он, Харрис, и его друзья из Африканского движения сопротивления начинают систематическое истребление белых.

Защита объявила его сумасшедшим. Адвокаты в один голос заявили, что Харрис подложил бомбу в невменяемом состоянии, так как был маньяком и страдал комплексами параноика. Но правительство и психиатры и слышать ничего не хотели, Харриса казнили. Он был

⁵³ Организация, которая борется против апартхеида в спорте. Ей удалось добиться исключения Южной Африки из числа участников Олимпийских игр в Токно.

повешен в начале года. Перед смертью Харрис пел «Мы победим». Он очень любил Кеннеди... Либеральная партия исключила его из своих рядов, так же как и всех остальных участников этого дела. Мы против насилия. Хотя жена Харриса, Анна, осталась почетным секретарем партии. Это очень мужественная женщина.

Я сказала Микаэлу, что Харрис, на мой взгляд, был не так уж безумен, во всяком случае не безумнее большинства людей в Южной Африке, что апартхейд всех без исключения делает параноиками, независимо от того, белый ты или черный. Фервурд помешанный, Форстер буйнопомешанный, да и всех остальных, кто изобретает эти ужасные законы, неплохо было бы вместе с ними упрятать в сумасшедший дом. Не говоря уже о том, что люди, вынужденные безропотно сносить их законы, тоже становятся безумными. Но, пожалуй, самое страшное в этой стране быть белым и страдать вместе с черными.

— Это верно, — говорит в ответ Микаэл, — мы большое общество.

Последние дни своего пребывания в Кейптауне я провожу в университете. Постепенно начинаю понимать руководителей НЮСАС (исполненных, казалось бы, самых благих намерений), которые в ответ на мои вопросы, почему они не могут организовать массовых демонстраций, отвечают: «Да ты понятия не имеешь о здешней полиции! Она в мгновение ока разгонит нас дубинками». А когда я начинаю рассказывать им о том, что у нас во Франции во время алжирской войны полиция тоже не отличалась особой мягкостью, но что тем не менее наши студенты не боялись выходить на улицу, они отвечают: «Да ведь ваш НССФ⁵⁴ коммунистическая организация, чего же вы хотите!»

Однажды мне довелось участвовать в одном мероприятии, организованном «Купугани» — благотворительной ассоциацией, которая занимается добрыми делами для цветных. На языке зулу «Купугани» означает «становитесь лучше». Члены этой организации покупают продукты и одежду, а затем распределяют их в афри-

⁵⁴ Национальный союз студентов Франции.— *Прим. перев*

канских кварталах. В Кейптауне «Купугани» занимается главным образом метисами из Шестого квартала, одного из самых старых кварталов, расположенного чуть ли не в центре города. Кстати, квартал этот объявлен «белой зоной», и двадцать тысяч человек должны уехать оттуда до конца года, хотя новая локация, где им предстоит жить, в тридцати километрах от города, еще не готова.

Университетская секция «Купугани» ведет также курсы по ликвидации неграмотности и несколько раз в неделю устраивает дежурство на санитарном пункте. Форстер, несколько не страшась показаться нелепым, заявил уже однажды, что НЮСАС — «отвратительная организация, которая играет с огнем», а теперь он решил взяться за «Купугани», обвинив эту организацию в том, что и она тоже «играет на руку коммунизму, прикрываясь ширмой благотворительности, и куда больше думает о политике, чем о супе».

Надо сказать, студентки, с которыми я провела целый вечер в Шестом квартале, ничуть не похожи на революционерок. Среди них есть и такие, что входят в ассоциацию консерваторов⁵⁵.

В автобусе по дороге на санитарный пункт девушки щебечут не переставая. Одна из них показывает обручальное кольцо, усыпанное бриллиантами. Все с завистью желают ей счастья. Что заставляет их вести вечерние курсы для метисов и африканцев? «Хочется чем-нибудь заняться, а то скучно», — говорит одна. А другая, похожая чем-то на американскую киноактрису Джейн Фонда, заявляет: «Они такие несчастные, а эгоисткой быть нехорошо». «Интересно поближе познакомиться с туземцами, — произносит третья с дрожью в голосе. — Мы ничего о них не знаем, ни что они собой представляют, ни о чем они думают, а так можно кое-что узнать».

— Ну и какие же они? — спрашиваю я. — Очень милые, — отвечают они хором. И спешат добавить: — Вполне воспитанные. — Потом с упреком в голосе, стараясь убедить меня: — Вы знаете, на санитарном пункте

⁵⁵ В 1964 г. консерваторы создали свою собственную организацию, дабы помешать распространению влияния НЮСАС в англоязычных университетах. Она не столь откровенно фашистского толка, как Союз студентов африканеров (Die Afrikaans Studentbond), но тем не менее поддерживает расовую сегрегацию.

работает врач-банту, очень приличный человек. — Напербой втолковывают они мне, что туземцы вовсе не ди-кари в звериных шкурах...

Занятия на курсах по ликвидации неграмотности продолжаются всего каких-нибудь два часа, а пребывание на санитарном пункте и того меньше, но они свое получили: весь вечер полицейские вертолеты непрерывно летали над церковью, где проходят занятия, и над местом, где расположен санитарный пункт.

Позже, в университете, мне удалось познакомиться с геми, кто известен своими левыми убеждениями и кого шепотом называют left⁵⁶, кто подвергся аресту в 1964 г., в разгар деятельности Африканского движения сопротивления, даже если и не принимал в нем участия.

Рассказывают, что целую неделю, после того как взорвалась бомба Харриса, по всей стране в университетских кругах шли полицейские облавы. Под прикрытием закона «о девяноста днях» без всякого ордера были арестованы десятки студентов и ассистентов различных факультетов. Каждое утро становилось известно о новых арестах. Операция эта преследовала не одну цель. Прежде всего нужно было запугать тех, кто решился бы вновь принять участие в каком-либо движении. Затем с помощью пыток требовалось расколоть возможно большее число молодых, заставить их заговорить, чтобы получить необходимые сведения для осуждения виновников саботажа, а кроме того, узнать, насколько широко влияние Умконто в университетских кругах. В определенном смысле операция прошла успешно, особенно если вспомнить о списках людей, не имевших ни малейшего отношения к Африканскому движению сопротивления, которых удалось выловить таким путем и впоследствии, во время процесса в Ривонии, обвинить вместе с Манделой и Сисулу в заговоре.

Приведу один из примеров того, как можно было добиться признания у невинного человека. Стефанию Кемп, девушку из Кейптауна, арестовали 27 июля 1964 г., через три дня после того как на Йоханнесбургском вокзале взорвалась бомба Харриса. Доказательств ее участия

⁵⁶ Левый (англ.).

в каком бы то ни было саботаже не было, ее обвиняли лишь в том, что она состояла членом нелегальной организации. Тем не менее Стефанию Кемп приговорили к пяти годам тюремного заключения. Полиции во что бы то ни стало надо было добиться от нее признания в том, что она участвовала в подготовке диверсионных актов вместе с некоторыми из подозреваемых лиц. Полиция не теряла надежду, что Стефания Кемп выступит с ложным свидетельским показанием, которое позволит признать этих лиц виновными.

В течение многих недель о девушке ничего не было известно, так как согласно существующим законам человека могут до бесконечности держать в полицейском участке, не передавая его дела в суд, причем адвокаты к обвиняемому не допускаются.

Когда после истечения 90-дневного срока Стефанию Кемп приговорили к тюремному заключению, ее адвокат получил возможность увидеться с ней. Состояние ее было ужасно, она передала ему письмо, в котором рассказала обо всем, что с ней случилось. Я видела это письмо.

В тот момент, когда ее схватили, Стефании не было и двадцати пяти лет; она рассказывает о том, что ей довелось пережить за долгие дни, проведенные в полицейском застенке в Кейлдон-Сквер. Ею занимались по очереди несколько офицеров. Как обычно, был среди них человек, которому предназначалась роль «доброго», и другой, игравший роль «злого».

«Добрым» был некий лейтенант Виктор, которого специально для этой цели вызвали из Йоханнесбурга. Когда Стефания, изнуренная бесконечным стоянием в течение многих часов (эта пытка, изобретенная португальской полицией, имеет то преимущество, что не оставляет никаких следов), падала на пол и капитан Россов врывался с криком: «Встать, а не то будет плохо!» — Виктор усаживал ее со словами: «Я ваш друг». «Злым» был гигант по имени фан Вик. Это он рисовал круг, заставляя ее держаться там прямо по шестнадцати часов, не разрешая при этом выносить ноги за черту окружности. Однажды, когда после допроса, длившегося несколько часов подряд, она все еще отказывалась давать показания, комиссар по имени Зандберг сокрушенно произнес: «Какой ужас, вы не хотите говорить, и мне

придется оставить вас с фан Виком, а это очень жестокий человек».

Фан Вик явился среди ночи, и девушке показалось, что остальные полицейские не решаются оставить ее одну с ним, как требовал того великан. Когда они все-таки ушли, Стефания сказала ему: «Они не хотели уходить, потому что не знали, чего вам от меня надо». — «Прекрасно знали», — заявил он. Потом, с улыбкой глядя на нее, добавил: «Вы ненавидите меня?» — «Да, — ответила она, — я вас ненавижу». — «Вы возненавидите меня еще больше после того, что я с вами сделаю», — произнес тогда мучитель и стал бить ее по лицу.

«Я не помню всего, — пишет она, — потому что много раз теряла сознание. Сначала он схватил меня за волосы и бросил на пол, потом прижал мою голову к каменному полу и стал тянуть за волосы. Я так испугалась, что уже не чувствовала боли». В довершение он начал топтать ее ногами и швырять точно мяч. Она окончательно потеряла сознание. Открыв глаза, она снова увидела склонившегося над ней фан Вика, тот спрашивал: «Теперь, я надеюсь, вы согласны дать показания?» — «Да, — ответила она, пытаюсь приподняться на колени, — но не вам, а Виктору».

Вошел как ни в чем не бывало Виктор. Попросил ее сесть. Стефанию трясло с ног до головы, и кто-то сказал: «Да перестаньте ломаться». Тогда Виктор с отеческим видом склонился к ней и, глядя прямо в глаза, прошептал: «Вы верите мне? Вы ведь знаете, я хочу вам только добра. Особый отдел ваш лучший друг». Потом небрежно спросил: «Что это с вами? Глаза опухли... и кровь в волосах?»

Стефания решила, что это новый маневр и, испугавшись, что если она расскажет обо всем случившемся, ее снова отдадут фан Вику, она ответила, что все в порядке. В тот день она не в состоянии была ничего подписывать, хотя готова была взять на себя любую вину, лишь бы не подвергаться новым пыткам. Она упала в обморок в кабинете Виктора. У нее были повреждены ноги, сломана рука, смещены два позвонка, не говоря уже о ранах на губах и на голове. Ей разрешили поспать несколько часов, потом снова начался допрос. В конце концов она сделала признание, что присутствовала на нескольких собраниях Африканского движения сопро-

тивления, хотя на самом деле имела самое отдаленное отношение к этой организации.

Позднее, когда Стефания предстала наконец перед судом, она подала жалобу на фан Вика и его сообщников. Но те до сих пор так и остались безнаказанными.

В одном из проспектов по делам развития и управления банту говорится, что первый бантустан Транскей — благословенная страна, но если вам вздумается посетить этот райский уголок, вы услышите в ответ, что осуществить это нелегко. Чтобы добиться разрешения поехать в Транскей и увидеть прелести «раздельного развития», я употребила все свои силы, пытаюсь очаровать Дикерсона; в конце концов он позвонил в Йоханнесбург Стреенкампу. Ответственному работнику Южно-Африканского фонда мне удалось втолковать, что для моих социологических исследований, а тем более для доклада студентам моего семинара совершенно необходимо познакомиться с бантустаном «изнутри». Стреенкамп решил предоставить мне такую возможность и телеграфировал советникам (белым, конечно) африканца Матанзимы, премьер-министра Транскея, чтобы те позволили мне приехать к ним. Но я ни в коем случае не должна уклоняться в сторону от главной магистрали, которая ведет к столице Умтата, и сразу же по прибытии связаться со службами «комиссара Абрахама».

— Вы можете отправиться туда в роскошном автобусе, который идет в Дурбан по дороге садов, — говорит мне Дикерсон. — Таким образом вы увидите красивейшие места на побережье Индийского океана. Затем вы объедете Транскей, для этого достаточно одного дня. Дорога из Ист-Лондона в Дурбан как раз проходит по этой территории. Вы сможете сделать прекрасные снимки туземцев в их повседневной жизни, причем никуда не сворачивая, мимоходом. (Как будто это дикие звери в Крюгер-Парке!)

Делаю вид, что вполне с ним согласна. Для начала мне необходимо попасть в Ист-Лондон, последний большой город белых на границе с африканским хоумлендом, там я должна кое с кем встретиться. Я решила сообщить Дикерсону о своей поездке в Транскей, потому что, как только я пропадаю на несколько дней, он на-

чинает беспокоиться и посылает по моим пятам какого-нибудь полицейского, заметить это было нетрудно. Вообще-то он доверяет мне в меру, принимая меня за несколько эксцентричную и чрезвычайно наивную наследницу. Да и потом, у меня розовая кожа... «Как у африканеров», — говорит он.

Итак, в одно прекрасное утро я сажусь в самолет, который летит в Ист-Лондон через Порт-Элизабет. Ист-Лондон произвел на меня мрачное впечатление. Это порт, откуда экспортируется чуть ли не вся южно-африканская шерсть. Большинство прядильных фабрик этого района — филиалы французских фирм. А вот и склады Пруво. Крохотный городишко окружен десятком локаций, где ютятся африканцы, приехавшие сюда из Транскея. Суббота, вторая половина дня. На пустынных улицах свищет пронизывающий ветер. Закрытые банки, запертые двери баров, конюшни, склады — все это напоминает какой-нибудь заброшенный городишко Дальнего Запада.

Вечером звоню в «Дейли Диспэтч», местную газету, где работает «связующее звено», человек, который должен отвести меня на условленную встречу.

Молодая женщина, к которой мы идем, и в самом деле социолог, это позволяет ей довольно часто бывать в Транскее.

— Фервурд не нападает в открытую на социологов, — рассказывает она, — потому что для издания своих фашистских законов правительство нуждается в цифрах и статистике. Но вряд ли это надолго. В один прекрасный день институт закроют, а работников его посадят под надзор.

У нее удивительно ясное лицо, и, в противоположность большинству белых, с которыми мне доводилось встречаться, она кажется вполне уравновешенной. Прежде чем начать разговор, она спросила меня (точно так же меня будут расспрашивать впоследствии люди из Конгресса демократов), что я думаю о ситуации в их стране. Выслушав мой слишком общий ответ, она попросила разъяснений. И это понятно, она хочет знать политическое течение, к которому я принадлежу, ей прекрасно известно, что в Южной Африке быть либералом ничего не значит и что существует бесконечное множество разновидностей отношения к апартхейду. И снова, в

который уже раз, ловлю себя на том, что не знаю, как быть: с одной стороны, трудно устоять перед соблазном побеседовать откровенно, с другой — не следует забывать об осторожности, говорить надо как можно меньше, чтобы тот, кто согласился на встречу со мной, мог ответить потом, если его станут допрашивать: «Я не знал, что она журналистка».

— Видите ли, — рассказывает моя собеседница, — после 1963 г. два миллиона африканцев, говорящих на языке коса, не являются больше гражданами своей страны, Южной Африки, они принадлежат к числу жителей государства, где большинство из них никогда не бывало прежде: Транскея⁵⁷. Это самый обширный резерват страны с наибольшей плотностью населения. Вот потому-то там и решили основать первый бантустан. Всего в Южной Африке двести шестьдесят резерватов, они рассеяны по всей стране и до того малы, что превратить их в самостоятельные единицы трудно. Зулусы, например, вкраплены небольшими группами во владения белых. Утверждают, будто бы Транскей велик (четыре-ста шестнадцать тысяч квадратных километров), но это не так, и главное, он слишком плотно населен: там живет около полутора миллионов африканцев (в основном женщины, дети и старики), а кроме того, семнадцать тысяч белых и четырнадцать тысяч метисов.

— Африканцы — бедные крестьяне, — говорит моя собеседница, — на них распространяется закон о чрезвычайном положении еще со времен восстания пондо в 1960 г. Но и теперь, хотя Транскей считается независимым, правительство Претории имеет право сослать или переселить кого угодно, будь то человек, племя или часть племени. Точное число политических ссыльных неизвестно, ибо министр по делам развития и управления банту никогда не обнародует их списки. За последние несколько лет многие переселенцы умерли от голода в пустынных районах, где их обязали жить.

Спрашиваю ее, как же так, ведь правосудие в принципе находится в руках Матанзимы, африканского министра?

— Они все предусмотрели, — отвечает она. — Из-

⁵⁷ Из одиннадцати миллионов африканцев шесть миллионов живут в зонах, объявленных теперь белыми.

влекли на свет божий пункт 5Б закона о развитии и управлении банту от 1927 г., согласно которому глава государства, т. е. Сварт, может переселить целое племя, часть его или отдельного человека за нарушение общественного порядка. Статью эту ввел Герцог, для того чтобы белые могли завладеть землями африканцев. Теперь ею пользуются применительно к политическим. Кроме того, в 1956 г. была принята поправка к этому закону, согласно которой обжалование допускалось только в том случае, если осужденный уже находится в ссылке. А так как вокруг обычно простирается пустыня, человек может преспокойно умереть там и никто об этом не узнает. Вот потому-то точная цифра ссыльных никому и не известна. Теперь их, должно быть, осталось около пятидесяти.

Дальше она объясняет мне, что правительство выделяет, как правило, два фунта стерлингов в месяц каждому ссыльному, но в глухие места, где приходится жить ссыльным, деньги обычно не доходят. Чаще всего таких людей отправляют туда, где нет никакой возможности отыскать работу, а если они и попадают в населенный район, то там живет племя, языка которого они не понимают. Все продумано заранее.

— Я была знакома с чудесным человеком, — рассказывает она, — звали его А. Гвентси, он был учителем. Его выслали из Ист-Лондона в пустынную местность Северного Трансваала, в Бушбак. Ему приходилось просить милостыню, чтобы хоть как-то просуществовать с семьей, питались они в основном кореньями. В резервате Матлала из двадцати ссыльных мужчин и трех женщин двенадцать умерли от голода, ребяташки их остались совсем одни, полиция сожгла даже хижины. После восстания пондо выслали Тсангалу, одного из вождей. Говорят, он в Курумани, в пустыне Калахари, вместе с Паулюсом Мопели, мятежным вождем из Витсисхука. Их наверняка ждет смерть, ведь они старые. Им разрешили взять с собой лишь то, что было надето на них, и ничего другого. Во Френчдаде и Дидфонтейне, у самой границы с пустыней Калахари, днем жарко, а ночью нестерпимо холодно, бродят гиены. Время от времени до нас доходят слухи, что кто-то из ссыльных покончил с собой.

В Европе мне никогда и нигде не доводилось читать

об этих «живых мертвецах». Моя собеседница рассказывает, что об этом кое-что писала Элен Джозеф. «Она решила провести перепись ссыльных и отправилась в пустыню совсем одна. Нескольких ей удалось отыскать, она привезла для них одежду, еду, составила список, собираясь поднять тревогу и привлечь к этому факту внимание общественности. Во время процесса о государственной измене правительство арестовало ее, и теперь она живет под ограничениями домашнего ареста». — И так как я храню молчание, моя собеседница с улыбкой говорит: «Вот она, наша распрекрасная страна!»

— От всех предшествующих правителей националисты существенно отличаются тем, — продолжает моя собеседница, — что на их политику в значительной мере оказывает влияние все возрастающий страх перед городским рабочим классом. Они нуждаются в африканских рабочих, но не хотят, чтобы они здесь селились. И потому женщин с детьми отсылают в переполненные резерваты. Так называемая комиссия Томлинсона, созданная правительством в 1954 г., пришла к заключению, что если на протяжении десяти лет правительство ассигнует пятьдесят семь миллионов фунтов стерлингов, то и в этом случае по крайней мере пятнадцать миллионов африканцев из двадцати одного миллиона, который в недалеком будущем будет насчитывать Южная Африка, полностью сохранят зависимость от экономики белых. Вы увидите, что в Транскее нет ни одного завода, ни одного города, за исключением Умтаты, да и то, какой это город? Единственный порт — Сент-Джонс был объявлен «белой зоной». И если правительство ассигнует пятьдесят семь миллионов фунтов стерлингов, то это не на развитие Транскея вообще, а на строительство домов на самой границе, где хотят поселить африканцев, которые за ничтожную плату будут работать на промышленных предприятиях белых, ну хотя бы, например, в Ист-Лондоне. Таким образом, так называемое развитие пойдет опять-таки на пользу белым, которые смогут контролировать африканцев более строго, чем, например, в Совето. Да и рабочая сила здесь обходится гораздо дешевле. В Йоханнесбурге рабочему платят вдвое больше, чем на подступах к Транскею...

Из белого населения вкладывать капиталы в Транс-

кое разрешается только членам Националистической партии. Но в основном эта область предназначена для государственных капиталовложений, приоритет здесь предоставляется людям из Брудербонда, которые пользуются бантустанами для успешной конкуренции с могущественными английскими фирмами. «Банту Инвестментс Корпорейшн», «Банту Коммершел Бэнк», «Сэйвингс энд Кредит Бэнк», возглавляемые африканерами, заправляют здесь всем. Они пытаются даже распространить свой контроль на инвестиции в пограничных с Транскеем районах. Прочно укоренились здесь такие фирмы, как САСОЛ (по производству химической продукции) или ВЕКОР (тяжелого машиностроения). А между тем в случае необходимости они великолепно умеют ладить с английскими компаниями, например, с ланкаширским филиалом «Сайрил Компани», обосновавшимся неподалеку от Порт-Элизабет. Что делать, африканские рабочие стоят дешевле английских. — Помолчав, она говорит с горечью: — А знаете, что такое Транскей? Огромный интернат.

На мой взгляд, это скорее похоже на концлагерь вроде Бухенвальда, откуда заключенным разрешалось выходить лишь на работу на заводы И.-Г. Фарбен, Круппа.

— Кто ведал Транскеем, до того как он стал первым бантустаном, и кто руководит теперь другими резерватами? — спрашиваю я.

— До 1956 г. Транскеем управлял Генеральный совет, или «Бунга», возглавляемый белым администратором, в качестве заседателей в него входили администраторы из двадцати шести округов, а кроме того, восемьдесят два африканца. Из них пятьдесят два избирались в двадцати шести окружных советах, а двадцать шесть назначались правительством, в основном это были вожди туземных деревень. Само собой разумеется, верховный вождь⁵⁸ входил в состав этого совета.

Несмотря на всякого рода ограничения, «Бунга» бы-

⁵⁸ Верховный вождь, зачастую из династической семьи, руководит многими племенами, их, в свою очередь, возглавляют потомственные вожди. В некоторых местах, например на востоке и западе Пондоленда в Транскее, у абатембу или амагалека в Сискее, они пользуются неограниченной властью. Но бывают случаи, когда племена подчиняются не верховному вождю, а лишь местным вождям.

ла довольно демократической организацией, она потребовала права голоса и представительства в парламенте. Но взамен частичной африканизации администрация вынуждена была признать закон о властях банту (Bantu Authority), изобретенный Националистической партией. Слово банту вошло в моду, считалось, что оно звучит более научно, чем туземцы. Кроме того, был упразднен туземный Национальный совет, представлявший племена. Задача состояла в том, чтобы разобщить африканцев.

Структура новой ассамблеи была совсем иной; главным администратором был назначен Кайзер Матанзима, нынешний премьер-министр Транскея, человек продажный, отличающийся расистскими взглядами, под стать Фервурду. Представители новой власти Транскея, бывшие прежде вождями племен или их помощниками, встали на путь сотрудничества с правительством Фервурда, став его щедро оплачиваемыми служащими.

Фервурд предоставил в их распоряжение полицию, и большинство из них живет под охраной, настолько они боятся народного мщения. Вождей, отказавшихся сотрудничать с властями, сместили, подобно Лутули, или сослали.

Эта-то ассамблея и приняла предложение правительства о самоуправлении Транскея. В надежде приобрести несколько большую власть, вожди утратили всякие права на остальную часть страны, для которой теперь они не больше чем эмигранты.

В 1963 г. южно-африканский парламент принял в Кейптауне конституцию Транскея, причем ни один африканец при этом не присутствовал. В конституцию вошли следующие статьи:

1. Законодательная ассамблея избирается в составе ста девяти человек. Из них шестьдесят вождей будет назначено, а остальные избраны жителями Транскея⁵⁹.

2. Все законы, принятые ассамблеей, должны утверждаться Свартом, президентом Южно-Африканской Республики.

3. Ассамблея не имеет права вносить какие-либо изменения или дополнения в конституцию.

⁵⁹ Кто согласился внести свое имя в списки избирателей, стал гражданином Транскея. А кто отказался, утратил всякое гражданство; он потерял родину.

4. В компетенцию ассамблеи не входит создание вооруженных сил и их вооружение, назначение и признание дипломатических и консульских представителей, заключение международных договоров и соглашений, контроль над въездом и пребыванием любых полицейских сил республики, присланных в Транскей для поддержания законного порядка и внутренней безопасности.

5. Южно-африканское правительство будет также контролировать почту, железные дороги, порты, шоссейные дороги, гражданскую авиацию, въезд иностранцев на территорию, валюту, общественные займы, таможенную и акцизные сборы.

Что же, спрашивается, остается Матанзиме?

— Ничего, — отвечает моя собеседница. — Теоретически, конечно, судебное производство, образование, сбор налогов, сельское хозяйство. Но на самом деле и этого даже нет. Ведь в состав административных органов входят пятьсот семьдесят шесть белых советников, помимо этого за африканскими министрами следят высокопоставленные советники, назначаемые и оплачиваемые Националистической партией.

Она рассказывает, в какой атмосфере проходили выборы:

— Все митинги, проводившиеся здесь приспешниками Фервурда, кончались бунтом. Люди не хотели принимать участия в этом фарсе. Вы ведь знаете африканцев, даже самые бедные из них ярые антирасисты. Они вовсе не желают получать самоуправление в резерватах. Они хотят обрести независимость в условиях многонациональной демократии. Например, Себата Далиндьебо, верховный вождь Тембуленда, решительно выступает против создания бантустанов. Это чрезвычайно мужественный человек. АНК считает, что, если во главе племени стоит честный вождь, ему всеми силами надо стараться удержаться у власти и не слишком открыто декларировать свои взгляды. Вот почему Себата, хотя он и против бантустанов, входит в состав транскейской ассамблеи. Выборы проходили в атмосфере настоящего террора. Было введено чрезвычайное положение, и люди исчезали каждый день. Многие кандидаты, казавшиеся правительству опасными, подверглись домашнему аресту или были брошены в тюрьму. Впрочем, в списке избирателей оказались только женщины да старики. Все

работоспособные мужчины уехали на заработки в другие места. Но, несмотря на сложную систему голосования и репрессии, кандидат Фервурда потерпел на выборах поражение. Матанзима⁶⁰ и его подручные получили лишь семь мест из сорока пяти, предназначенных избираемым членам ассамблеи. Тридцать восемь остальных достались сторонникам Себаты... К несчастью (ведь в ассамблею входили также и шестьдесят назначенных вождей), хотя у Матанзимы и не было настоящего большинства, его все-таки избрали премьер-министром. Но и внутри этой марионеточной ассамблеи существуют свои противоречия. Так, двадцать из назначенных вождей голосовали не за Матанзиму, а за Пото, старого, всеми уважаемого вождя, который стремится к тому, чтобы Африка осталась многонациональной страной. Кстати, вместе с Себатой он основал Демократическую партию, чтобы вести борьбу внутри парламента.

До Умтаты от Ист-Лондона приблизительно триста километров и никаких средств сообщения. Продав несколько дней, я решаюсь отправиться на автобусную станцию неподалеку от вокзала, откуда, как мне сказали, идут автобусы до Коркстада, города белых, расположенного чуть ли не на самой границе Басутоленда.

Я терпеливо жду со своими чемоданами, приведя тем самым в полное смятение старого железнодорожного служащего.

— Вы не сможете уехать на этом автобусе, — с беспокойством обращается он ко мне, — автобус только для кафров.

Но так как я стою на своем, он отводит меня метров на десять от остановки и шепчет:

— Подождите хоть здесь, мадемуазель.

Водитель автобуса, здоровенный африканер в шортах, распространяющий газеты по маленьким деревушкам и фермам белых, разбросанным вдоль шоссе, не знает, что и делать со мной. По всей видимости, он относится ко мне не без опаски. Он не осмеливается пригласить меня сесть рядом с ним в кабине, отгороженной

⁶⁰ Матанзима тоже из племени тембу, которое возглавляет Себата. Матанзима человек честолюбивый, он во всем готов поддерживать Фервурда, лишь бы устранил Себату.

от пассажиров бронированной дверью, но и разрешить мне ехать с африканцами он тоже не имеет права, а жаль, потому что кроме женщин, поднимающихся в автобус с чемоданом на голове и ребенком за спиной, здесь есть и мужчины в длиннополых пальто, должно быть сезонные рабочие, высланные из города, с которыми неплохо было бы потолковать.

В конце концов он предложил мне сесть рядом с ним. И в продолжение всего путешествия, которое длилось целый день, он неустанно поддерживал светскую беседу, рассказывая на очень скверном английском языке всякие ужасы об африканцах, несомненно думая доставить мне этим удовольствие. От него чудовищно пахнет потом, но это ничуть не мешает ему с громким смехом сообщить мне, что бронированная дверь предназначена для того, чтобы «не пропускать сюда духа кафров».

Страшно холодно, уже несколько дней не переставая идет снег. Говорят даже, будто возле Коркстада остановилось движение. Не верится, что я в Африке, можно подумать, будто я очутилась где-нибудь в сибирской степи. И когда я вижу на дороге африканцев, они представляются мне киноактерами.

Железный мост через реку Кей являет собой символическую границу, отделяющую Транскей от Капской провинции. Дальше пейзаж удивительно однообразен: изрезанные ложбинами холмы и ничего больше. На склонах холмов причудливой цепью извиваются бесчисленные домишки, все на одно лицо: круглые с выбеленными известью стенами и соломенными конусообразными крышами. Порою деревушку окружает живая изгородь цветущего алоэ, яркие цветы которого резко выделяются на снегу. Деревьев практически нет.

Кажется, будто очутился в другом мире, где-нибудь в каменном веке. Иногда где-то вдалеке на снегу маячат полуобнаженные ребятишки, которые гонят стада черных тощих баранов и коров с торчащими от худобы ребрами. Не верится, чтобы Транскей был «национальным» очагом коса, как утверждают белые, слишком уж тут холодно. В былые времена они, верно, спускались зимой к берегам Индийского океана.

Мы проехали километров пятьдесят и не встретили на своем пути ни одного большого селения. Время от

времени нам попадались скопления хижин, затерянных в снегу.

Если кому-нибудь из пассажиров пора выходить, за-долго до этого он начинает звонить, но чаще всего водитель делает вид, будто не слышит. И беднягам приходится тащиться километров десять пешком, чтобы вернуться на дорогу, которая ведет к их краалу. Впрочем, по всему видно, что толстяк-водитель боится выходить из автобуса. Билеты он выдает через маленькое окошечко, и если кто-нибудь забудет заплатить, начинает вопить что-то на африкаанс и коса.

В автобус садятся женщины, которые едут в Умтату. Многие из них необычайно красивы. Впервые в этой стране я вижу женщин в национальных костюмах. В противоположность остальной Африке, южно-африканские женщины одеваются на европейский манер и все, как одна, носят вместо тюрбана тот самый берет, что ввела в обиход певица Мариама Макеба. А местные женщины — в национальных костюмах, вот только не знаю, какого племени: тембу, пондо, финго или галека... Но костюм очень красивый. Они заворачиваются в широкие покрывала ярко-оранжевого цвета, на лицах их разводы, на голове огромный тюрбан из черной вышитой ткани. Все они курят длинные-предлинные деревянные трубки, украшенные ярким бисером.

Мужчин не видно, лишь иногда встречаются подростки, совсем голые под своими оранжевыми покрывалами, они дрожат от холода на обочине дороги.

Первое селение на нашем пути — Баттеруэрт, разумеется, белые здесь до сих пор сохранили право собственности⁶¹.

Точно так же обстоит дело всюду в Транскее. Если существует хоть малейший намек на экономику, зону тут же объявляют «белой». Баттеруэрт, так же как Квамата или Лузикизики, состоит из нескольких магазинов, принадлежащих грекам, полицейского участка и административного здания. Обычно такие селения расположены на перекрестке изредка встречающихся дорог. Все магистрали, города, порты и побережье считаются

⁶¹ Так как Транскей объявлен зоной черных, ни один белый формально не имеет права жить там, а тем более владеть чем бы то ни было. «Банту Инвестмент Компани» обязана возместить им убытки. Но на самом деле все обстоит далеко не так.

белой зоной. Один мой знакомый называет это китайским ребусом, — вообразите только: муниципалитет черных в городе белых черного государства страны белых.

От Баттеруэрта до Умтаты снова безмолвие пустынных холмов. А между тем внутри-то хижин наверняка что-то происходит. За один только год, после того как ввели чрезвычайное положение, было арестовано восемьсот женщин и мужчин. В окрестностях Лузикизики в Пондоленде, откуда родом Мандела, крестьяне многие годы подряд отказывались признавать «советы банту». Проводить свою политику в жизнь Фервурд поручил ненавистному всем вождю Боте Сигкау. Однажды, когда Бота проводил митинг, человек по имени Мнгкунго в знак презрения повернулся к нему спиной. На другой день Сигкау отправил к нему своих подручных. Мнгкунго вместе с группой крестьян организовал партизанский отряд, но был арестован полицией Фервурда и выслан в другой район, Калу. И все-таки пондо отказались идти за Сигкау, называя его «подлипалой» Фервурда. Как только речь зашла о самоуправлении, пондо потребовали, чтобы им разъяснили, что это за штука. Они вызвали Сола Мабуде, одного из представителей ассамблеи бизанского округа. Тот не осмелился явиться к ним. Несколько дней спустя толпа мужчин под водительством женщин с древним воинственным кличем окружила крааль Мабуде, перерезала его баранов и поросят и подожгла хижину.

Правительство немедленно направило туда танки. Полиция Претории оккупировала весь район, полицейские терроризировали женщин и детей, арестовали сотни подозрительных. И все-таки, несмотря на чрезвычайное положение, там возникло широкое движение сопротивления. Всякий раз, как предатель сообщал какие-либо сведения полиции, его крааль сжигали.

Неподалеку отсюда крестьяне как-то собрались в долине; тихо, мирно намеревались они обсудить волнующие их вопросы. С вертолета на них сбросили газовую бомбу. Крестьяне стали размахивать белым флагом в знак того, что у них нет оружия, тогда полицейские и солдаты, спрятавшиеся по соседству в кустарнике, открыли огонь. Число убитых установить не удалось, так как полицейские унесли их тела. Полагают, что убитых было около тридцати. Во время той же операции «за

развязывание вооруженной борьбы» арестовали двадцать шесть пондо.

Без разрешения верховного комиссара, разумеется белого, ни один человек не имеет права созывать собрания; никто из посторонних не должен появляться на данной территории, даже африканец, сезонный рабочий, который, отработав в городе определенное время, вернулся домой, не смеет без специального разрешения увидеться со своей семьей. Если он забудет попросить это разрешение, его посадят в тюрьму. Вожди обладают большой властью, отказ подчиниться им расценивается как преступление.

Стемнело, когда я сошла с автобуса в центре Умта-ты. Весь город состоит из двух улиц, маленького парламента, нескольких административных зданий и двух отелей, предназначенных для представителей белой администрации и журналистов, которых во время парламентской сессии собирается здесь довольно много.

Тот, в котором я остановилась — «Савой», — битком набит представителями Особого отдела, с изумлением взирающими на меня. Ужинаю я в отеле, напротив меня сидит молодой африканер из бюро труда, вербующий мужчин для работы на золотых рудниках. «За месяц мне удастся набрать их примерно тысячу», — говорит он, словно речь идет о поголовье скота. Затем, выпив два литра пива, добавляет, похлопывая себя по животу: «Когда-нибудь мы заставим работать всех кафров Африки. Поверьте, им только того и надо!» На улице мелькают силуэты людей, плотно закутанных в одеяла, а вокруг снег, снег.

На другой день, когда я собиралась выйти из отеля, какой-то человек подошел ко мне и очень вежливо попросил зайти в приемную. Я как можно любезнее улыбаюсь ему и объясняю, что меня привело сюда. Неужели здесь никого не предупредили о моем визите? Все это его не слишком убедило, и он попросил меня зайти с ним в контору комиссара Абрахама.

И так как я не спешила войти в его громадный американский автомобиль, а даже как будто задумалась, он счел своим долгом успокоить меня:

— Не бойтесь, я из министерства информации.

Мы покидаем центр города и едем по немощеной до-

роге через поле. Нам попадаются женщины и ребятишки, которые едят снег.

Останавливаемся возле большого кирпичного здания, окруженного несколькими виллами, полностью еще не отстроенными: здесь живут и работают советники Матанзимы. Меня приводят в одну из комнат. Светловолосый человек с серыми глазами встречает меня очень сухо:

— Вы явились сюда на автобусе для банту. Если Южно-Африканский фонд рекомендует вас, как же так случилось, что вы приехали не на официальной машине?

Делаю вид, будто не очень хорошо понимаю английский язык, на котором, кстати, он изъясняется довольно скверно. Тогда на африкаанс он обращается к моему спутнику. Я смутно догадываюсь, что он советует ему не спускать с меня глаз и отвести к верховному комиссару.

Итак, меня ведут к комиссару, который в этот момент как раз с жадностью поглощает жареную курицу — свой завтрак. Мне рассказывали, что он имеет обыкновение разгуливать в шортах, но сегодня по случаю холода он в темном, вполне приличного вида костюме.

Внешний облик этого человека ужасен. Огромный живот его чуть ли не возлежит на столе, обрюзгшее, красное лицо оживает лишь в тот момент, когда он тянется к бутылке с виски, которая, по всей видимости, всегда у него под рукой, здесь, в кабинете. Его бесцветные маленькие глазки прячутся за толстыми стеклами очков в тяжелой роговой оправе, он часто жмурится, желая подчеркнуть таким образом ту или иную фразу.

— Ах вот как! Вы француженка! — таким возгласом встречает он меня. — Де Голль — великий человек. В мире только два великих человека — Фервурд и де Голль.

Затем продолжает:

— Жаль, что он потерял Алжир. А как там этот кровавый вампир?

Я гляжу на него, не понимая.

— Ну Бен Белла? Его убили?

Я отвечаю, что не знаю, потому что не интересуюсь политикой, я всего лишь студентка. Он с заговорщическим видом моргает глазами:

— Вам известно, что Бен Белла хотел покорить Юж-

ную Африку и собирался направить сюда целую армию? Все черномазые одинаковы.

И снова я повторяю, что алжирцы в основном белые.

— Да что вы? — разочарованно произносит он, наливая себе новую порцию виски. Подумав немного, он продолжает:

— Не понимаю, чем может заинтересовать такую девушку, как вы, это гнусная дыра? Здесь только кафры и ничего больше. А почему бы вам не поехать покататься на лыжах, ну, хотя бы в Дракенсберг?

Я рассказываю ему о своих социологических исследованиях.

Он задумался, потом сказал:

— Понимаю. Но, к сожалению, это невозможно, в данный момент мы очень заняты. Вожди племен Южной Родезии хотят оказать нам честь своим посещением. Да и Смит тоже хотел посмотреть на бантустаны. Так что вас некому сопровождать, а одной вам нельзя.

В заключение он предлагает мне провести сорок восемь часов в Умтате, а затем уехать в Дурбан.

Мой попечитель ведет меня для начала в парламент, похожий на кейптаунский, только в миниатюре. Там тоже имеется палица, символ власти, которую держит в руках гигант африканец, выраженный маркизом. Обе группировки занимают места друг против друга. Министры сидят там, где меньшинство, вместе с депутатами Националистической партии Транскея. Напротив возвышается фигура верховного вождя Себаты, возглавляющего группу Демократической партии. Позади министров, у которых не видно что-то ни бумаг, ни досье, сидят белые советники, в числе которых только что явившийся Абрахам, — он внимательно следит за своими людьми. Белые советники листают какие-то досье, непрестанно переговариваясь между собой и наклоняясь время от времени к своим министрам, шептывая им что-то на ухо.

Секретарши, стенографирующие прения, само собой разумеется, белые. Может, и здесь действует закон о резервировании работы?

Я не совсем понимаю, о чем идет речь, потому что дебаты ведутся на местном языке. Сопровождающий объясняет мне, что обе партии никак не могут прийти

к соглашению об использовании доходов от продажи шерсти. Матанзима хочет употребить их на покупку скота, а оппозиция предлагает открыть небольшую прядильную фабрику. Комиссар Абрахам непрестанно шепчет что-то на ухо Матанзиме. Журналист, постоянно проживающий в Умтате, сообщил мне, что бюджет Транскея на 1965 г. составил всего каких-нибудь восемнадцать миллионов рандов, иными словами, он меньше бюджета дурбанского муниципалитета на тот же период. В конце заседания я спрашиваю Матанзиму, высокого, красивого мужчину, одетого наподобие чикагского гангстера, не могу ли я побеседовать с ним? Он поворачивается к Абрахаму. И тот отвечает вместо него, что в ближайшие дни со всеми этими визитами родезийских вождей он никак не может уделить мне времени. Да и другие министры тоже.

Тогда я спрашиваю, не может ли он, по крайней мере, зайти вместе с комиссаром ко мне в отель чего-нибудь выпить. Последовало долгое молчание, затем Матанзима, премьер-министр Транскея, шумно глотнув слюну, ответил:

— Не могу, мадемуазель, это отель для белых.

Впоследствии некоторые мои знакомые из белых рассказывали мне, что Матанзима не такая уж послушная марионетка, как принято думать. «Вот увидите, он будет добиваться все большей и большей независимости. И это неизбежно кончится трагедией. Так, он отменил в Транскее специальное образование для банту, а во время митинга в одном негритянском муниципалитете в Йоханнесбурге призывал немногих африканских коммерсантов, владеющих маленькими лавками в локациях, оказывать сопротивление экспроприации под тем предлогом, что теперь они граждане Транскея».

Ко мне подходит один из белых советников. «Хаган, ответственный по сельскому хозяйству», — отрекомендовался он. Блондин, лет пятидесяти, с невероятно блестящими светлыми глазами за круглыми стеклами очков в металлической оправе и цветком в петлице. Он шепчет мне:

— Очаровательная, милая француженка, которую так заинтересовали банту, пойдете со мной, я покажу вам этот край.

Он приводит меня к себе в приемную и знакомит

со своим помощником, агротехником, приехавшим сюда из Претории. Это тощий длинный человек со взглядом слепца, огромные черные очки скрывают его глаза; вид его наводит меня на мысль о докторе Фоламуре. Да и вообще здесь, в этой приемной, увешанной штабными картами и напоминающей скорее командный пункт, чем министерство сельского хозяйства, на меня напал страх.

Однако беседа наша началась в довольно шутовском тоне. Большинство африканеров преследуют навязчивые идеи по части секса. Хотя, впрочем, это вполне естественно. Во всяком случае, объяснимо. Их вырастили черные няньки; первая привязанность, первое тепло — все это связано с цветной женщиной. Потом вдруг в отрочестве им навязывают расовый барьер, и, может быть, всю свою взрослую жизнь они грезят об этом запахе и теплоте, утраченных вместе с детством?

— Ах! Как бы я хотел быть кафром, — говорит с игривым смешком Хаган, — у меня было бы десять жен, и все они работали бы на меня, а я жил бы да поживал себе припеваючи. Да, что и говорить, ночью с ними не замерзнешь... — Он помолчал, затем еще более омерзительным тоном стал развивать свою мысль: — А вам известно, что кафры только и думают что о любви? Говорят, будто их женщины сильно отличаются от белых.

— Да, но запах, — произносит агротехник гортанным голосом.

— Ах да, запах, — вторит ему Хаган, щеки которого совсем покраснелись, — ничто не может сравниться с запахом прекрасной розовой кожи.

Я забеспокоилась: уж не больны ли они, оба этих типа! Пытаюсь перевести разговор на другую тему. Почему бы не поговорить, например, о сельском хозяйстве? Спрашиваю, что здесь намерены предпринять в этой области.

— С помощью сельского хозяйства мы могли бы прокормить со временем пятнадцать миллионов жителей Транскея, — с сожалением переключается Хаган на иную тему. — Можно выращивать маис, сахарный тростник, хлопок, чай, кофе. А если преодолеть эрозию, то будет и лес...

— Вряд ли только это удастся, — заявляет другой, — банту слишком ленивы.

Истина же заключается в следующем, я обнаружила ее в докладе Томлинсона: земля в Южной Африке размыта, дожди выпадают чрезвычайно неравномерно, так что об интенсивном хозяйстве и речи быть не может. Чтобы хоть что-нибудь вырастить в этой стране, нужны большие пространства, такие, как у белых фермеров Трансвааля или Оранжевой провинции.

Африканцы же живут скученно в своих резерватах. У большинства из них всего полгектара земли, где едва можно поставить хижину, больше пяти-шести баранов они держать не в состоянии: не хватает корма. К тому же так называемый закон об «обновлении земли» ограничивает численность дозволенного африканцам скота.

Комиссия пришла к заключению, что земля резерватов настолько истощена и размыта, что даже при благоприятном количестве дождей в год она может дать не больше двух bags маиса на морген земли (морген равняется примерно гектару). Если семья обрабатывает три гектара (это средняя норма), ей удастся собрать шесть bags в год. Комиссия заявляет, что семье из пяти человек требуется пятнадцать bags в год. Таким образом, получается, что полтора миллиона человек, постоянно проживающие в Транскее, могут прокормить себя лишь в течение пяти месяцев в году. Что же будет, когда их станет пятнадцать миллионов? Кроме того, подсчитано, что крестьянская семья существует на сорок три фунта стерлингов в год, т. е. примерно на пятьдесят франков в месяц⁶². Из них двадцать два фунта стерлингов им дает земля, а двадцать один им посылают мужчины, которые работают в зоне белых.

Фермеры же получают более шести bags с гектара, и не потому, что они больше трудятся, как пытается уверить меня Хаган, а потому, что, располагая обширными пространствами, могут использовать методы, позволяющие земле отдыхать. Кроме того, государство через земельный банк предоставляет им долгосрочные займы, позволяющие механизировать сельское хозяйство.

Детская смертность в резерватах достигает 45%. Комиссия полагает, что каждый пятый ребенок не доживает даже до года. Сравнительная таблица продолжительности жизни четырех расовых групп Южной Афри-

⁶² У белых же на семью приходится в сто раз больше.

ки не может не вызвать беспокойства. У белых — шестьдесят шесть лет, у индийцев — пятьдесят лет, у метисов — сорок два года, у африканцев — тридцать шесть лет.

Большинство африканцев умирает от недоедания. Комиссия считает, что необходимо минимум сорок гектаров на семью, чтобы она могла жить на семьдесят фунтов стерлингов⁶³.

Для того чтобы каждая семья имела в своем распоряжении сорок гектаров, нужно согнать 50% транскейских крестьян с их земель. Южно-африканское правительство уже начало проводить в жизнь эту операцию. Таким путем оно убьет сразу двух зайцев: 1. Возникнет класс мелких собственников, на который сможет опереться Матанзима. 2. Лишенные своих владений крестьяне пополнят источник рабочей силы и вольются в ряды тех, кто работает уже на рудниках.

Главная опора в этом деле вожди племен. Им обещаны новые земли. Уже в 1958 г. была принята резолюция, в которой говорилось: «Каждому вождю будет выделена дополнительно пахотная земля, чтобы он мог оказать гостеприимство тем, кто придет к нему в крааль». Комиссия предполагает, что из резерватов должно быть выслано триста тысяч семей. Что станет с ними и со всеми теми, кого изгнали из городов согласно новому законодательству о контроле въезда в город?

Хаган предлагает мне посетить деревню в окрестностях Умтаты. «Это образцовая деревня, — рассказывает он, — где живут люди племени, к которому принадлежит министр образования. Мы выселили оттуда всех, кто, вместо того чтобы обрабатывать землю, разводил коров».

Мы едем прямо по полю, так как дорог практически нет. Серая земля проглядывает сквозь снег. Если поскрести немного ногой, обнажится камень. Так вот что я принимала за жернова или точильные камни — обыкновенные каменные глыбы.

Образцовая деревня состоит из десятка хижин, окружающих одну большую квадратную хижину, принадлежащую, по всей видимости, вождю. В хижинах с

⁶³ Считается, что белому фермеру для достижения «европейского» стандарта необходимо минимум четыреста гектаров.

полом из высохшей грязи толкутся полуобнаженные женщины, ребятишки, поросята, куры. И ни одного работоспособного мужчины, только один или два безразличных ко всему старца, забившись в темный угол, раскуривают длинные деревянные трубки.

Хаган пытается отыскать образцовую хижину. Кажется, наконец нашел, мы входим: внутри нет ровным счетом ничего, разве что жаровня, вокруг которой женщины пытаются согреться; в углу лежат маленькие ребятишки, завернутые в какие-то тряпки. Хаган в замешательстве, но пытается выйти из положения: «Ну и что, зато им и горя мало, живут как бог на душу положит! Они любят простоту!» Когда мы возвращались, в окрестностях Умтаты я увидела просторную виллу, где живет он сам.

Чуть повыше, на холме, женщины варят похлебку из проса. Это девушки тембу. На голове у них нечто вроде яркого парика из рафии, а сами они закутаны в одеяла, — на улице очень холодно.

— А знаете, они ведь совсем голые, — говорит Хаган возбужденно и, подскочив к ним, хватается за одеяло. Бедняжки, на них и в самом деле ничего нет; стуча зубами, они пытаются увернуться от него, но он, все более и более возбуждаясь, во что бы то ни стало хочет открыть их, чтобы я могла сделать снимки. Они с испугом соглашаются, а он, делая вид, будто поправляет ожерелья, пользуется случаем, чтобы коснуться их груди.

По возвращении в контору я спрашиваю у Хагана, сколько семей собираются «переселить» в Транскей.

— Немногим более ста тысяч, — отвечает его помощник.

Спрашиваю, на что станут жить эти сто тысяч семей?

— Мы создадим промышленность, — говорит он.

Когда я попросила уточнить, что это значит, он не смог ничего ответить. Комиссия Томлинсона пришла к выводу, что лишь непосредственно примыкающие к Умтате окрестности могут быть как-то преобразованы. За десять лет был построен один только мебельный заводик. Подумав немного, Хаган заявляет, что вскоре построят веревочную фабрику, там будут делать веревки из сизаля. Я хотела спросить: не для того ли, чтобы вешать африканцев, — но не решилась.

В Транскее нет электричества, разве что в маленьких городишках белых, нет железных дорог, за исключением небольшого пограничного отрезка протяженностью в девяносто километров, предназначенного для доставки рабочих из резерватов в зоны белых.

Из Умтаты в Наталь и Зулуленд я отправилась на машине механика, который приехал в Южную Африку всего лет десять назад. Это венгр, он покинул Будапешт в 1956 г. Всю дорогу, пока мы едем через заснеженный Транскей до Коркстада и затем, оставив позади лесные массивы, снова к Индийскому океану, он не перестает расхваливать прелести Южной Африки: «Работаем мало, живем хорошо». Вдруг дорогу нам загрозила лошадь. Целую вечность мы ждем, пока она нас пропустит. Наконец он не выдерживает: «А, чтоб тебя! Можно подумать, не лошадь, а кафр! Работать не любит, спешить тоже».

Дурбан, расположенный на берегу Индийского океана, самый большой порт Южной Африки и, вне всякого сомнения, самый оживленный на всем континенте. Это центр сахарной промышленности. Наталь, столицей которого является Дурбан, очень похож на Антильские острова.

За один только день из снегов Транскея я перенеслась в мягкую тропическую зиму. Понятно, почему Дурбан один из основных туристических центров страны. Вдоль его бесконечных пляжей с розовым песком, идущих до самого Мозамбика, раскинулись роскошные дворцы. Сезон скачек в самом разгаре, и все отели на Мерин Парейд, Приморском бульваре, заполнены престарелыми дамами в капорочках и старыми господами в белых панамах, нашептывающими друг другу последние сплетни: Мэри Оппенгеймер, дочь знаменитого миллиардера, приедет завтра в Дурбан, чтобы объявить о своей помолвке с богатым шотландцем, регбистом.

В Натале очень мало африканеров. За исключением большой индийской колонии (здесь проживает 80% из шестисот тысяч индийцев, насчитывающихся в Южной Африке), местные жители в основном английского или

французского происхождения, как, например, Морисье-ны, которые держат в своих руках чуть ли не всю сахарную промышленность.

Как только я приехала, меня взял на попечение чиновник из министерства информации, предоставивший в мое распоряжение какую-то девушку. Я намереваюсь как можно скорее избавиться от нее, чтобы попробовать повидаться с Лутули, который живет под надзором в резервате Гроутвилла, возле деревни Стенджер на границе с Зулулендом.

Хотя, надо сказать, сегодня ее присутствие ничуть мне не мешает, потому что в первую очередь я хочу нанести визит тому самому Боте, о котором все в один голос твердят, будто он представляет новые, восходящие силы Националистической партии.

Девушка в полном восторге от того, что ей предстоит сопровождать меня. «Если бы вы только знали, как он умен, как обаятелен», — не перестает она вздыхать всю дорогу.

Бота принял меня в доме, где помещается центр Националистической партии, секретарем которой он является в провинции Наталь. В настоящий момент партия начала широкую кампанию по «обольщению» Наталья, где до сих пор влияние ее было невелико.

Когда я вошла к нему в приемную, сердце мое сжалось: он очень похож на немецкого актера Говарда Вернона, специализировавшегося на ролях эсэсовцев. Бота уставился на меня своими холодными стальными глазами, покуривая сигарету в золотом мундштуке. Говорит он по-английски, но с таким акцентом, что у меня мурашки забегали по спине.

После обмена впечатлениями о Транскее, в результате чего он уверовал в мою фанатичную преданность «раздельному развитию», я спрашиваю, как, на его взгляд, решат ли бантустаны назревшие в Южной Африке проблемы и не потребуют ли африканцы, которых я, чтобы доставить ему удовольствие, называю «банту», когда-нибудь независимость, пусть хоть на таких условиях?

— Мы все предусмотрели, — говорит он, поднимаясь и нажимая кнопку. На стене тут же появляется карта Южной Африки, на которой черной краской закрашены резерваты в том виде, как они существуют сейчас. Вмест-

те с английскими протекторатами Басутолендом, Свазилендом и Бечуаналендом они образуют некое подобие подковы, верхушка которой соприкасается на северо-востоке с Мозамбиком.

— Взгляните. Вокруг этой подковы есть зоны белых. Следовательно, мы их держим под контролем. У них нет ни одного выхода к морю, так что они полностью зависят от нас. Точно так же обстоит дело и с британскими протекторатами. А в случае если этого и в самом деле окажется недостаточно, мы сделаем вот что. — Появляется еще одна карта, на которой вся восточная часть страны выкрашена в черный цвет, за исключением небольшого круга, очерченного вокруг Дурбана. — Мы отдадим им часть Наталя, который через Зулуленд соединяется на севере со Свазилендом, а на юге через Транскей с Басутолендом. Судьба Дурбана будет решаться отдельно. Все остальное отойдет государству белых.

Иными словами, если понадобится, националисты согласны отдать африканцам все слаборазвитые, с размытой почвой районы, где нет никаких коммуникаций и никакой промышленности. За собой же они оставят весь промышленный район Ранда, включая Йоханнесбург и золотые рудники, Оранжевую провинцию с ее алмазами и скотоводством, затем Капскую провинцию с ее заводами, фермами и плантациями — цветущим садом Африки. Таким образом, вместо множества мелких резерватов, откуда они черпают рабочую силу, у них образуется один большой. В глазах же всего мира они принесут в жертву половину своей страны.

А пока, в ожидании осуществления этих планов, Бота занялся «обелением» Дурбана. Раздел Наталя на зоны, заселенные африканцами, уже завершен, дело теперь за индийцами. Подобно африканцам и метисам индийцы должны покинуть кварталы, где они жили испокон веков и где дела их процветали, чтобы перебраться в гетто, отведенное для них не меньше чем в двадцати километрах от любого делового центра.

В ближайшее время предстоит переселить еще около сорока тысяч индийцев, которые вот уже восемьдесят лет живут в квартале Като Манор, где у них свои магазины, дома, кладбища, кинотеатры. Но труднее всего, пожалуй, будет решить, как поступить с тремя тысячами коммерсантов, живущих в центре Дурбана, в том самом

знаменитом индийском квартале, который немало способствовал процветанию и славе города.

У Боты на столе лежит большая карта. Это Дурбан и его окрестности. О своих планах он говорит отрывисто:

— Я переселяю пять тысяч семей из Грейвилла в Исипинго-Бич, а на их место поселяю белых, живших раньше в Исипинго-Бич.

Он меня до такой степени загипнотизировал, что я и половины не понимаю из того, что он говорит. Потом уж я узнала, что белые, которые живут теперь на побережье в Исипинго, пожилые люди на пенсии. Ума не приложу, что они будут делать с индийскими магазинами. Во всяком случае, индийцы-то наверняка разорятся, точно также как метисы. Если какое-нибудь владение оценивается муниципалитетом в одиннадцать тысяч двести рандов (семьдесят восемь тысяч четыреста франков), бюро по перегруппировке покупает его за пять тысяч рандов (тридцать пять тысяч франков). Здесь, так же как и в других случаях, речь идет о том, чтобы разорить людей, а затем воспользоваться по сходной цене их рабочей силой.

Но главный проект Боты, настраивающий его на лирический лад, состоит в том, чтобы перенести все промышленные предприятия, расположенные в зоне белых, как можно ближе к городам-гетто. Как раз это-то сейчас и происходит с Умлази, новой «образцово-показательной» локацией для зулусов, которая находится в районе Дурбана; туда согнали девяносто тысяч человек.

— Таким образом, ни одному банту нечего будет делать в Дурбане, — говорит мне Бота. Его голубоватые со стальным отливом глаза чуть не вылезают из орбит.

— После того как был принят закон, разрешающий оставлять на ночь только одну служанку, вообще можно спать спокойно, — поспешила добавить его почитательница.

Бота объясняет мне, что промышленникам, которые согласятся перенести свои заводы, государство возместит убытки.

— В любом случае они не прогадают, — говорит он, — потому что банту будут ходить по утрам на завод, расположенный у самой границы зоны белых, а по вечерам возвращаться к себе в локацию. Никаких расходов на транспорт. Да и дома в таких локациях, как

Умлази, будут сдаваться недорого, так что заработную плату можно понизить.

На мой взгляд, им не следовало бы брать плату за квартиру и выдавать заработную плату. Достаточно было бы кормить их просом два раза в день, и сходство с Освенцимом не оставляло бы сомнений.

На прощание я спрашиваю Боту, который снова повторяет мне, что различные группы африканцев не могут жить вместе, я спрашиваю его, не собирается ли он и для африканеров тоже создать разные зоны? Он глядит на меня, не понимая. Тогда я ставлю вопрос иначе: «Кем были африканеры лет двести-триста назад?» И так как он опять не понимает, я напоминаю ему, что одни из них приехали из Голландии, другие из Германии, третьи из Франции. Он усмехнулся.

— Да, но ведь все они белые.

Я провела в Натале три недели и поняла, что в противоположность разглагольствованию правительства индийцы отнюдь не привилегированное общество, вечно враждующее с африканцами. Мне показалось, что 80% индийцев Наталя живут в крайней бедности.

Индийцы появились в Южной Африке в 1860 г. В то время семь тысяч англичан, живших в Натале, искали рабочую силу для своих сахарных плантаций. Они искали ее повсюду, в разных концах земного шара. Но так никого и не нашли и вынуждены были заключить соглашение с британским правительством в Индии. Первые индийцы, прибывшие в Южную Африку, собирались провести там всего несколько лет, правительство Наталя обязывалось бесплатно репатриировать их домой. Плантаторы, постоянно нуждавшиеся в рабочей силе, предложили индийцам принять южно-африканское гражданство и получить таким путем право на приобретение земли. Но обещания своего не сдержали. Индийцев попросту обратили в рабство. Чтобы освободиться, им надо было выплачивать годовой налог в размере двадцати пяти фунтов стерлингов. Условия их жизни были настолько тяжелыми, что Ганди, приехавший из Индии, чтобы урегулировать конфликт между рабочими и правительством колонии, остался в Натале и организовал Индийский конгресс.

У индийцев никогда не было права голоса, и если у них нет пропусков, то это вовсе не значит, что они свободно могут перемещаться из одной провинции в другую без специального на то разрешения, кроме того, они вообще не имеют права на въезд в Оранжевую провинцию.

Гулан, с которым я познакомилась в Йоханнесбурге, дал мне адрес своей семьи, и, освободившись от докучливой спутницы, я стала разыскивать его родных.

Отец Гулана принадлежит как раз к самой незначительной категории обеспеченных индийцев, беда лишь в том, что большой гараж, который он содержит в центре города, у него могут отобрать в любое время.

В пяти минутах от огромных современных билдингов в центре Дурбана глазам открывается совсем иной город, с минаретами, серебряными куполами, шумными улицами, мастерскими, где кустари чеканят золото и серебро, выделывают кожи, кроят шелк. Это совсем другой мир, благоухающий пряностями, благовониями и самыми разнообразными сладостями.

И, наконец, человеческая толпа на тротуарах: ребяташки, прекрасные, словно старинные бронзовые статуэтки, снующие между группами людей, невообразимо красивые мужчины с удивительно благородными лицами, женщины со скользкой походкой, изысканно задрапированные в многоцветные сари, поразительно прямо несущие свою изящную голову.

А на дороге в невероятном беспорядке смешались роскошные автомобили, за рулем которых сидят женщины в чадре, ручные тележки африканцев, доверху нагруженные овощами, стройные африканки с грузом на голове и что-то вроде колясок, которые толкают рикши-зулусы с гигантскими головными уборами, сооруженными из рогов зебу, шкур леопарда и страусовых перьев.

Город индийцев настолько велик, что я заблудилась, и, думая, что попала на индийский рынок, очутилась на рынке африканцев, рядом с которым находится бидонвиль Като Манор. Я заметила, что, кроме меня, вокруг уже давно нет белых, но, не привыкнув еще в полную меру к апартхейду, не увидела в этом ничего предосудительного.

Пробираюсь по запутанному лабиринту маленьких темных улочек, вдоль которых тянутся мастерские аф-

риканских умельцев, взирающих на меня с изумлением. Вхожу в какой-то просторный туннель, где полуобнаженные мужчины, прикрытые леопардовыми шкурами, меняют друг у друга стрелы и звериные шкуры. Меня теснит толпа, которая уже не так поспешно расступается на моем пути. В конце концов я очутилась у какой-то решетки, огораживающей обширное пространство, где сотни мужчин пьют прямо из бидонов «пиво банту». Большинство из них пьяны и, опустошив бидоны, швыряют их в воздух. Подхожу к двери. Какой-то мужчина делает мне знак, давая понять, что хочет пригласить меня выпить. Поколебавшись, я принимаю приглашение. Мне не удается пить из бидона. Тогда мужчина достает целлофановый пакетик и наливает в него немного пива, — так гораздо удобнее. Я пробую: вкус какой-то странный, кислый, довольно противный. Не чувствуется никакого алкоголя. В этот момент чья-то рука тащит меня назад. Это африканка, она торопливо вывела меня на улицу. «Из какой вы страны?» — спрашивает она по-английски с материнским видом. «Француженка», — отвечаю я. Она сообщила, что следит за мной с самого начала, как только я вошла на африканский рынок, потому что сразу поняла, что я «очень неосторожна». «Сумка у вас открыта», — добавила она с упреком. Я спрашиваю, зачем она шла за мной. «Оберегала вас, — отвечает она. — Белые сюда никогда не заглядывают. Да и потом там, куда вы зашли, одни мужчины. Даже африканские женщины и то туда не ходят».

Не один раз уже она задает все тот же вопрос: «Вы не испугались прийти в африканский квартал?» Я отвечаю, что нет, тогда она берет меня за руку и говорит: «Ведь мы не такие уж дикие, правда?» Она шьет, чинит одежду. Из соседних мастерских к нам спешат другие портнихи. Все они одеты по-европейски, я бы даже сказала с некоторой изысканностью, и прекрасно говорят по-английски. Я заметила, что большинство африканцев говорит на нескольких языках, кроме своего племенного они знают и другие африканские языки, да к тому же еще английский и африкаанс.

Поговорили немного об условиях их жизни. Раньше они жили в Като Маноре, который в те времена не был бидонвилем, то был африканский квартал в центре Дурбана, — конечно, бедности хватало, но, так же как в.

Софиатауне и Йоханнесбурге, там было несколько улиц с африканскими магазинами и маленькими фабриками. «А теперь всех переселили в две большие локации неподалеку от Дурбана. Кого в Ква Машу, кого в Умлази. В Ква Машу никто не имеет права владеть собственным домом, можно лишь снимать жилье у муниципального совета, и все-таки там лучше, чем в Умлази, где всем заправляет правительство Претории. Вообще власти хотят слить обе эти локации с крестьянским резерватом в Ндведве, объединить их территорию и создать бантустан. Тогда нам совсем запретят ездить в Дурбан. Мы станем «гражданами нового бантустана».

Прощаясь с ними, я обещаю вернуться. В ответ они, как все африканские женщины, ласково кивают головой и говорят: «Да вы просто чудо!»

Вооружившись планом, который они мне нарисовали, я отыскала наконец индийский квартал, муэдзин уже звал правоверных на молитву. Нескончаемая тоскующая нота растворилась в сиреневых сумерках, и я с грустью вспомнила других муэдзинов на другом конце континента...

Семья Гулана состоит из его родителей, братьев и сестры; все они живут и работают вместе. Семья мусульманская, и потому женщины носят не сари, а шаровары и поверх них платье, на улице закрываются чадрой. «Мы не сможем поужинать с вами в ресторане или зайти к вам в отель, — говорит отец и, помолчав, добавляет с иронией: — Разве что попробовать проскользнуть черным ходом». Решили, что я поужинаю у них.

Дом их находится километрах в двадцати от города, в специальной зоне. Хотя налогов индийцы платят не меньше, чем белые, в муниципальном совете Дурбана у них практически нет ни одного представителя (то же самое происходит в других провинциях), и потому в кварталах, где они живут, улицы немощеные и нет никакого освещения. Но, в отличие от африканских локаций, в индийских кварталах нет и колючей проволоки, и полицейских постов на всех четырех углах отведенной им территории.

Дом у родителей Гулана очень большой и красивый. Мебель здесь из Кашмира, всюду восточные ковры, а чтобы содержать все это в порядке, в доме есть двое

африканцев. Во время обеда (рис с острым соусом карри и минеральная вода) я поняла, что в семье противостоят две точки зрения. Отец и старший сын готовы пойти на компромисс с правительством при условии, что им позволят вести свои дела, тогда как младший сын и двое его двоюродных братьев, которые ужинают вместе с нами, подобно Гулану выступают против всякого компромисса: они сторонники Индийского конгресса и вооруженной борьбы вместе с африканцами.

Отец одобряет создание Национального индийского совета, в состав которого входит двадцать один представитель, это все видные деятели индийского общества, но назначает их белый министр по делам индийцев, он-то и является президентом совета. У совета практически нет никаких полномочий, ему позволено лишь «консультироваться» с Фервурдом.

— Начинание это до того не понравилось индийцам, — рассказывает молодежь, — что в 1963 г. женщины устроили массовую демонстрацию в Претории. Полицейские спустили на них собак.

— Мы ведь не то что африканцы, — вступает в разговор отец. — Нам не нужны депутаты в парламенте. Нам нет дела до политики. Лишь бы оставили нас в покое. И дали возможность жить и работать. Только теперь это почти невозможно.

Когда отец ушел, молодежь посвятила меня в свои дела. Я узнала, что большая часть интеллигенции, студентов и рабочих — за революцию⁶⁴.

— У нас нет будущего, — рассказывают мои собеседники. — Закон об образовании для индийцев запрещает нам выбирать профессию по душе.

Один из них, самый молодой, говорит:

— Я хотел стать инженером, но для индийца такая профессия вещь недостижимая. Хотя нашему обществу очень нужны специалисты, техники. У индийского рабочего класса, кстати, высококвалифицированного, нет возможности подняться выше определенного уровня, это запрещено законом о резервировании работы. Его хотят превратить в подсобную рабочую силу для обрабатывающей промышленности.

⁶⁴ Индийский конгресс — легальная организация. Но все руководство да и все активисты систематически попадают под надзор или в тюрьму.

Они рассказали мне (этого я не знала), что для индийцев не введено обязательное образование; школы же должны строить сами родители. И если среди индийцев так много образованных людей, то в этом исключительная заслуга коранических школ и разного рода учебных заведений, построенных на средства индийского общества.

Я спрашиваю, что мои собеседники думают об АНК, как они относятся к Союзу конгрессов и принятию Хартии свободы.

— Вам известно, что за ответы на такого рода вопросы можно попасть в тюрьму?— улыбаясь, говорят они. Но так как я настаиваю, один из них, помолчав, произнес: — Не забывайте, что именно индийцы начали кампанию пассивного сопротивления. Мы умеем бороться. Взгляните на списки людей, которых осудили по «закону о 90 днях», или тех, кто попал под домашний арест, возьмите, к примеру, семью Юсуфа Качалиа, одного из наших лидеров, все они живут под надзором, а вспомните имена тех, кого сослали на о-в Роббен вместе с Манделой и Сисулу. Среди них тоже немало индийцев. Мы участвуем в общей борьбе.

Я спрашиваю, как относится большинство индийцев к руководству АНК, одобряют ли они его позицию, подобно белым из Конгресса демократов.

— В какой-то степени да, их ведь большинство. Но дело не в этом. Южная Африка многонациональная страна. И все нации сообща должны бороться против фашистского режима. Некоторые африканцы не любят индийцев. Говорят, что мы иноземцы, так же как белые, и что мы эксплуатируем их у себя в магазинах. Но в этом виновато правительство. Причина событий, именуемых теперь «дурбанскими волнениями»⁶⁵, которые имели место в Дурбане в 1949 г., кроется в отчаянии и нищенской жизни, и расовая ненависть тут ни при чем... Африканцы были доведены до крайности и бросились на индийцев, потому что ничего не могли поделать против белых. К тому же в самом начале там было много белых, они подзадоривали обе стороны. Для них это бы-

⁶⁵ 13 января 1949 г. начались волнения, во время которых за одну только ночь было убито сто и ранено около тысячи человек. Поводом для волнений послужила ссора африканского подростка с индийским торговцем.

ло развлечением, — еще бы, туземцы против кули! Если в этой стране мы заразимся расовой ненавистью, мы погибли.

— Вождь Лутули (его все еще называют так, хотя давно уже лишили этого звания, как всех вождей, противников апартхеида) живет в резервате Гроувилла среди племени зулусов христианского вероисповедания, которое именуется «абасе налаколвени» (что на зулусском языке означает «обращенные»). Именно в этом резервате была создана первая католическая миссия в Натале. Произошло это в конце правления Чаки, знаменитого зулусского короля. Он погиб недалеко от Гроувилла от руки Дингаана, своего сводного брата, оставив ему в наследство королевство, простиравшееся от Свазиленда до Транскея и от Драконовых гор до Индийского океана.

Дингаан разрешил небольшой группе английских купцов обосноваться возле речки Тугела в окрестностях теперешнего Дурбана. Церковь следовала по пятам за коммерсантами, и в 1835 г. здесь появились первые миссионеры.

Дингаан принял их очень хорошо и заявил, что, хотя учение их нисколько его не интересует, они могут, если захотят, обосноваться на границе с Зулулендом. Так, двое американских миссионеров, Ньютон Адамс и преподаватель Олден Граут, поселились на берегу реки Умвоти и создали там миссию, обратив в христианскую веру тысячи три зулусов, живших неподалеку от немногочисленной колонии белых плантаторов. Колония белых превратилась впоследствии в большое селение Стенджер, это как раз здесь, где мы находимся, а миссия на реке Умвоти выросла в Гроувилл, там-то и живет сейчас под надзором несчастный вождь.

Человека, который рассказывает мне все это со стаканом бренди в руке, зовут Морисьен, он возглавляет большое предприятие по переработке сахарного тростника, расположенное в самом центре резервата. Меня он совсем не знает, и лишь потому, что у нас с ним есть какие-то общие знакомые, он пригласил меня к себе на несколько дней. Правда, он состоит в Прогрессивной партии.

Морисьен тут же понял, что мне хочется встретиться с Лутули. Друзья, с которыми я уже говорила о своих намерениях, в один голос заявили, что это невозможно. В 1963 г. Лутули тайно дал несколько интервью иностранным журналистам, и теперь надзор за ним усилился, он не имеет больше права выходить из дому. Раньше ему время от времени разрешалось сходить в церковь или к мэтру Мухаммеду, адвокату, тот индеец и теперь сам находится под арестом. Рано утром, когда на дороге никого нет, Лутули позволяют дойти до амбара, который расположен на вершине холма. По сути, он не имеет права и слова никому сказать, потому что ему запрещено участвовать в каком бы то ни было сборище, где встречаются больше двух человек. Лутули не имеет права делать никаких заявлений. И если он нарушит хоть одно из этих предписаний, его отправят в тюрьму. Здоровье у него неважное (последние годы он только и делал, что перекочевывал из тюрьмы в больницу и обратно), и потому друзья всячески оберегают его, не желая, чтобы из-за какой-нибудь случайности или по неосторожности на него обрушились новые репрессии.

Хозяин, пригласивший меня, очень близок с Лутули (будучи руководителем общины мелких зулусских фермеров тот часто приходил к нему на завод), он считает, что, если мне удастся попасть в резерват, я преспокойно могу зайти к Лутули в дом. Весь вопрос в том, как попасть в резерват? Даже рабочие с его предприятия, независимо от того, белые они или индийцы, не имеют права уходить далеко от служебного здания. Полиция строго охраняет все входы и выходы.

В конце концов я решаюсь отправиться к администратору Стенджерера, которому повторяю все ту же историю, чтобы получить у него разрешение на посещение резервата.

— Что, что? Социология? — переспрашивает он. — Вы хотите знать, как зулусские женщины варят обед, да?

Я уже готова подтвердить это, но знакомый мой, полагая, что этого недостаточно, поспешил добавить, что я хотела бы также собрать материалы о деятельности первых миссионеров и посетить могилы американских пасторов.

Администратор заставляет меня заполнить кучу всяких формуляров и, к моему величайшему удивлению,

выдает мне пропуск сроком на пять дней. Правда, он оговаривает, что до наступления темноты я обязана покинуть резерват, а кроме того, не позволять себе никаких критических замечаний в адрес администрации.

Решено было, что санитарка медпункта для африканцев в Стенджерере проводит меня и будет моим переводчиком.

Мэри мне сразу понравилась. Ей около сорока лет, и как две капли воды она опять-таки похожа на певицу Мариам Макебу. Она обладает поразительным чувством юмора и даром понимать все с полуслова. Одного дня нам оказалось достаточно, чтобы почувствовать общность наших взглядов и понять, что я не студентка, а она не только санитарка.

Взбираясь на холмы, покрытые сахарным тростником, цвет и запах которого до такой степени напоминает мне Кубу, что голова идет кругом, мы болтаем без умолку.

Мэри — типичная африканка. Она привязана к обычаям и культурным традициям своего народа, хотя мыслит на европейский лад. Законы апартхеида помешали ей получить медицинское образование, но благодаря уму и живости восприятия ей удалось многому научиться. Она верующая, но поддерживает наиболее передовую группировку АНК, ее политические требования идут гораздо дальше, чем просто борьба против апартхеида.

— Понимаешь, — говорит она, — главная наша забота — это земля. Поэтому борьба за менее расистское правительство решает далеко не все. Основная-то проблема заключается в том, что двенадцать миллионов людей владеет десятью процентами земли, а три миллиона — всей остальной землей. В Гроутвилле на семью приходится в среднем четыре акра земли (т. е. приблизительно полтора гектара), а на ферму белых положено минимум сто пятьдесят два акра. Кроме того, есть компании, в распоряжении которых имеются тысячи гектаров. Тростник здесь срезают раз в два года. Значит, на год приходится пол-урожая. На это не проживешь, и мужчины вынуждены уходить на заработки на плантации крупных компаний или же увеличивать число временных рабочих на рудниках.

В Гроутвилле, точно так же как и во всех остальных резерватах, мужчин не осталось. Мы видели лишь до

времени состарившихся женщин с нездоровой кожей, которые изо всех сил стараются вырастить возле хижин, сооруженных из самана и веток, хоть какие-нибудь овощи, чтобы прокормить множество ребятишек со вздувшимися от голода животами.

Мне не забыть долгих часов, проведенных с Мэри на глиняном полу под сенью хижины, когда я, потягивая терпкое «пиво банту», которое здесь варят тайком, слушала рассказы женщин об их несчастной доле.

В конце концов начинаешь забывать, куда ты забрел. Если бы не щелкающие звуки зулусского языка, я могла бы подумать, что попала на Кубу, куда-нибудь в район Сьерра-Маэстра еще до революции или в деревушку Ореса времен алжирской войны. Всюду одно и то же: у женщин нет молока, ребятишки мрут как мухи, если же они все-таки вырастут, то не смогут ходить в школу — слишком далеко, а если и пойдут, то окажется, что учение это ни к чему, что в обществе им нет места, их хотят вернуть назад, в пещеры каменного века. Потом они, подобно своим отцам, завернувшись в мешок из-под картошки, будут работать по два месяца в году, резать сахарный тростник за пять фунтов стерлингов в месяц. А в тридцать лет умрут естественной смертью.

— В этой стране умереть от голода считается естественной смертью для африканца, — говорит Мэри.

Чтобы как-то прожить, женщины начинают тайком варить пиво и продавать его рабочим сахарного завода. Если полиция обнаружит при обыске бидоны с такой жидкостью, женщину бросят в тюрьму.

— Хотя все это одно лицемерие, — продолжает Мэри. — Белые хотят, чтобы тайные пивные стали официальными, тогда, говорят они, доходы от них можно будет использовать на общественные нужды. А почему бы им в таком случае не воспользоваться налогами, которые как будто бы для того и существуют, ведь мы их платим.

Мэри рассказывает, что зулусские женщины участвуют в борьбе наравне с мужчинами.

— И так по всей Южной Африке. А белые пытаются превратить африканскую женщину в низшее существо. В 1958 г., когда встал вопрос о том, чтобы и для них тоже ввести пропуски, тысячи женщин вступили в женскую лигу АНК; во время всеобщих массовых демонст-

раций две тысячи женщин были арестованы. В Като Маноре продажа пива была для женщин единственным источником существования, поэтому, когда правительство запретило пивные, женщины подняли настоящий бунт, но полиция жестоко расправилась с ними. Больше недели женщин, забаррикадировавшихся в одной из пивных, никак не могли заставить выйти.

Позже одна из женщин заявила мне:

— Если бы наши мужья послушали нас, женщин, Южная Африка давно бы уже пылала. Иногда хочется, чтобы все сгорело, чтобы все мы погибли разом, лишь бы не видеть, как дети мрут с голоду.

Вечером, возвратившись домой, двоюродная сестра моего знакомого (она владелица плантации возле Эшове в Зулуленде и путешествует только на собственном самолете) с драматическими интонациями в голосе простонала: «О! Это ужасно, бедные женщины живут в чудовищных условиях. У меня на плантации они рожают в лужах грязной воды». Когда же я спросила ее, почему она ничего не сделает для облегчения их участи, она ответила: «О! Да ведь их там, по крайней мере, сотня».

Каждое утро мы с Мэри встречаемся в условленном месте на дороге, ведущей в резерват, и углубляемся в заросли сахарного тростника, и всякий раз она показывает мне домик на холме с красной крышей. «Вождь», — произносит она с нежностью. От Мэри я узнала, что Альберт Лутули не потомственный вождь, он был избран общим собранием своего племени, точно так же как в свое время его дядя и дед, который был первым зулусом, обращенным в христианскую веру.

В нем нет королевской крови, но мать Лутули принадлежала к знатной семье зулусов, которая жила в краале короля Гетои, потомка Дингаана. Как рассказывает сам президент АНК в своей биографии «Отпусти мой народ», это была женщина строгих правил, единственной ее страстью было чтение Библии на зулусском языке.

— Когда Лутули сместили, нам дали нового вождя, — с презрением говорит Мэри. — Но никто его не уважает, это ничтожный человек.

В субботу в резервате собираются отпраздновать две свадьбы. Мэри считает, что, воспользовавшись суматохой, можно будет попробовать проникнуть к Лутули.

Одна свадьба состоится на холме у людей, все еще хранящих верность зулусским обычаям. Другая — у учителя, который живет как раз напротив старого вождя, учитель выдает дочь за врача-африканца. «Буржуазный брак», — смеется Мэри.

Меня, конечно, тоже пригласили на праздник. И в субботу утром мы идем по направлению к холмам, где должна состояться зулусская свадьба.

— Вообще-то, — рассказывает по дороге Мэри, выглядывая, как и две ее подруги, очень элегантно — все трое в шляпах и розовых перчатках, — это христианская семья, но так как жених хочет взять в жены еще одну женщину, у которой от него ребенок, свадьбу играют по старинному обычаю, разрешающему полигамию.

Я провела совершенно необычный день. Впервые в этой стране я чувствовала себя свободно. Народу тьма, и все веселятся от души. Эти люди, которым запрещено всякое общение с белыми, встречают меня очень приветливо, их не удивило и не насторожило мое появление.

Когда я предложила свои услуги женщинам, чистившим овощи, они приняли это как должное, их позабавило, что белая женщина тоже умеет готовить острый соус к просу с бараниной.

Свадьба в общем-то похожа на все здешние свадьбы: ребяташки гоняются наперегонки, а если они слишком уж расшумятся, бабушки стараются успокоить их; мужчины играют на флейте или на гитаре, потягивая «пиво банту», молодежь флиртует в уголке под неусыпным оком кумушек, старики рассказывают друг другу истории из тех времен, когда они еще были воинами или пасли несчетные стада.

А между тем полицейская машина остановилась не-вдалеке, у поворота дороги, и ведет наблюдение за этим многолюдным мирным собранием, опасаясь, видимо, внезапных волнений.

Все гости выходят в поле, они окружают почтенных старцев обоих семейств, — по обычаю, те должны поведать друг другу историю своей семьи и племени. Дед жениха перевозносит свою родословную. Повествование свое он сопровождает зулусскими песнями и танцами. Должно быть, то, что он рассказывает, очень смешно, потому что все громко хохочут. Мэри говорит мне со слезами на глазах:

— Понимаешь, все это жалкая пародия. Мы не в силах забыть, что когда-то племена наши были могущественны и богаты и владели всей страной. А теперь нас загнали за решетку, точно диких зверей в Крюгер-Парке, и мы повторяем бессмысленные движения.

Она говорит правду, потому что дед невесты, который, в свою очередь, должен восславить свое семейство, вдруг заплакал, а потом затянул бесконечно печальную, долгую песню.

И хотя горе их глубоко, радость все-таки берет верх, когда начинается церемония вручения подарков. Невеста, на которой до этого момента было длинное белое платье и прозрачное покрывало, уходит в сопровождении девушек на другой конец поля и раздевается до пояса. Потом, не долго думая, снова натягивает обычное платье и шляпу. Мужчины несут ей подарки, которые она должна вручить женщинам нового своего семейства. Тут и одеяла и простыни с вышитыми на них изречениями и сердцами, стулья, куры и даже корова.

Начинается танец, и кажется мне, будто я снова на Кубе. Девушки с подарками в руках медленно двигаются по полю, поют и в такт песне покачивают бедрами, прижав локти к телу, время от времени в их песню врываются пронзительные звуки свистка, это свистит хорошенькая маленькая девочка. В Сантьяго-де-Куба это называется *una tremenda pachanga*⁶⁶.

Остаток дня можно было бы так же приятно провести здесь, на холмах. Я предлагаю одному из братьев невесты, с которым мы разговорились, потанцевать со мной, он отвечает, что это невозможно. Я с удивлением жду объяснений, и он смущенно продолжает: «У нас в стране есть закон, который запрещает это. Нам пришлось бы заплатить штраф. Вы и так сегодня позволили себе лишнее». Мэри тоже так считает, она говорит, что лучше нам уйти на другую свадьбу.

Как здесь все непохоже: длинные американские автомобили выстроились вдоль грязной дороги перед кокетливым домиком родителей невесты. «Парламентарии из Транскея», — говорит Мэри. Толпа гостей напоминает негритянскую буржуазию Соединенных Штатов. Женщины с напудренными щеками, с распрявленными во-

⁶⁶ Неудержимая пачанга (исп.).

лосами, девочки в платьях из органди, мужчины в смокингах. Съехались все африканские врачи, адвокаты и коммерсанты Наталя. Меня встречают с гораздо меньшей непосредственностью, чем крестьяне на холме. По словам жениха, я «осчастливила» их своим визитом. Танцуют здесь под звуки проигрывателя американские слои.

А напротив — только дорогу перейти — маленький домик Лутули, которому не разрешили присутствовать на свадьбе дочери соседней. На окне стоят голубые гортензии. До вождя, должно быть, доносятся звуки музыки, шум разговоров.

Мэри шепчет, что попробует зайти к нему и спросить, нельзя ли мне прийти. Я слежу за ней глазами и вижу, как африканец, притворявшийся, будто присел отдохнуть на обочине дороги, встает и подходит поближе к двери дома Лутули. Конечно, доносчик, сегодня же, наверное, сообщит в полицию, что Мэри, оставив меня, ходила зачем-то к вождю.

Вернувшись, моя приятельница сказала, что Лутули назначил нам свидание на завтра, рано утром ему разрешается выходить в поле.

Собираясь на это свидание, я задавалась вопросом, о чем думает сегодня тот, кого вслед за Ганди называли «апостолом ненасильственного сопротивления»? По утверждению одного из моих друзей, которому удалось встретиться с Лутули несколько месяцев назад, он (Лутули) уже не верит в возможность мирного пути, теперь он знает: нет другого выхода, кроме вооруженной борьбы.

Когда на следующий день мы встретились с Мэри на шоссе, она рассказала, что санитарка, которая ухаживает за Лутули, приходила к ней ночью и сообщила, что вечером у него был сердечный приступ, поэтому нам не удастся поговорить с ним по-настоящему.

Вскоре я увидела его, он шел, не торопясь, опираясь на палку, за ним, на некотором расстоянии шли несколько африканцев. На вид ему никак не дашь шестидесяти восьми лет, выглядит он величественно (верно, и этим тоже в какой-то степени объясняется его безусловное влияние на окружающих). Завидев нас, он останавливается, снимает шляпу и приветствует нас на английском языке. Его темное лицо, чуть тронутое морщи-

нами, дышит добротой. В насмешливом взгляде вспыхивают веселые искорки, когда он обращается к нам:

— Простите, я не имею права говорить с вами. Нас грое, а это уже «gathering»⁶⁷. И, сложив свои маленькие крепкие руки, продолжает: — Спасибо, что пришли ко мне. Я знаю, прогрессивные люди других стран понимают страдания моего народа и страдают вместе с нами. Мне доводилось бывать в Европе и Соединенных Штатах. Я знаю, французы верят в справедливость.

Я спрашиваю, не можем ли мы побеседовать у него. Он отвечает, что является президентом организации, взгляды и устремления которой полностью разделяет, и что не может добавить ничего нового к тому, что скажут мне его товарищи, не отрезанные от мира подобно ему вот уже пять лет.

— Надеюсь, вы понимаете? — говорит он с улыбкой. Потом сказал еще что-то на зулусском языке и удалился. Мэри перевела его слова, оказывается, он посоветовал ей оберегать меня, ему не хотелось бы, чтобы из-за него у меня были неприятности.

Вечером меня вызвал администратор Стенджера, он сказал, что в резерват мне возвращаться не следует, и еще сказал, чтобы я не пыталась встретиться в Зулуленде с вождем Гача Бутелези, это бесполезно, мне все равно не разрешат войти в его крааль⁶⁸. В тот же вечер я уехала обратно в Дурбан.

Когда я собиралась уже уезжать из столицы Наталя в Йоханнесбург, мне представился случай встретиться у друзей с человеком, который только что вышел из тюрьмы, где провел три года по обвинению «в заговоре и подготовке диверсионных актов».

С. — профессор искусствоведения, мне кажется, он состоял в Конгрессе демократов. В тот день, когда мы встретились с ним, в газетах как раз было опубликовано заявление Форстера, в котором говорилось, что ежеднев-

⁶⁷ Собрание (англ.).

⁶⁸ Гача Бутелези — племянник Сиприена, верховного вождя Зулуленда. Сиприен — человек продажный, вроде Матанзимы, он согласился на создание бантустанов. Гача же, подобно всем зулусским крестьянам, воспротивился этому. Он пользуется большим уважением в АНК.

по в Южной Африке арестовывается в среднем около восьмидесяти тысяч человек. С. полагает, что это еще заниженная цифра. Он говорит, что три четверти заключенных — политические.

В какие бы тюрьмы его ни посылали, в Порт-Элизабет, Преторию или Марицбург, всюду условия как для политических, так и для уголовников одинаковы.

— Больше того, — рассказывает он, — на острове Роббен, например, где Манделу и Сисулу вместе с двумя тысячами их товарищей содержат как каторжников, политическим приходится хуже, чем уголовникам, их стражники, как правило, дегенераты или садисты.

О том, чтобы предоставить политическим возможность работать, читать или учиться, и речи нет, хотя в международном положении о судебном законодательстве это предусматривается. Когда через полгода С. получил наконец книги из ВИТСа, начальник охраны разорвал их у него на глазах со словами: «Это литература из коммунистического университета, ее не положено держать!»

Заключенных содержат по двенадцать человек в камере, спят они на каменном полу, единственное на всех отхожее место служит в то же время и умывальником, и источником питьевой воды.

— Приходилось ждать с зубной щеткой в руке, пока один товарищ кончит свои дела, потом спускали воду и в ней мочили зубную щетку, затем кто-нибудь другой шел по нужде, а следующий набирал оттуда воды в ладонь, чтобы попить. Ванные комнаты тоже, конечно, были, но их открывали только в случае инспекции.

С. описывает пытки, которым подвергались африканские узники:

— Большая часть стражников гомосексуалисты, так что насилие над подростками вещь вполне обычная, не говоря уже о всяких других надругательствах, когда, например, пленников заставляли танцевать голыми на потеху их мучителям.

Когда С. рассказал о пытках электричеством и водой в ванне, я тут же вспомнила, как кто-то из друзей говорил, что после окончания войны в Алжире оасовские офицеры нашли себе приют в Южной Африке, став советниками южно-африканской полиции,

— Дня не проходит без того, чтобы заключенных не мучили и не убивали, — рассказывает С. — Однажды я

видел, как совсем молоденький стражник бил по голове всех проходивших мимо него африканцев. Когда я спросил его, что это значит, он с удивлением ответил: «Я их считаю». Время от времени узников запирают в камеры размером в два-три метра, «чтобы они поразмыслили над жизнью». Есть специальные отсеки для тех, кто пытался бежать или был непочтителен с охраной. Некоторые проводят там год или два, им не разрешаются свидания, не положено получать писем, они не имеют права ни с кем разговаривать. Многие заключенные сходят с ума.

— Но самое ужасное, — продолжает С. — это тайные казни. В тюремном дворе Претории такое происходило каждые десять дней. Казнили африканцев. За несколько дней до этого мы слышали, как они пели. И пели они до тех пор, пока люк виселицы не открывался у них под ногами. С той поры песня их стала настоящим наваждением, мы слышали ее даже во сне.

Когда на следующее утро я уезжала из Дурбана, аэропорт заполнила веселая, щебечущая толпа светских людей, явившихся сюда из Йоханнесбурга, чтобы провести уикэнд на берегу Индийского океана, и мне вспомнились другие люди, в Германии, которые твердят теперь: «Мы ничего не знали».

Йоханнесбург я увидела в снегу. И как всюду в мире, там лепили снежных баб, играли в снежки. С той только разницей, что белые считают это занятие утомительным или недостойным, и потому в Парктауне я увидела, как старый африканец, согнувшись в три погребели, делал заготовки снежных шариков для своего юного белого хозяина.

Поселилась я в Хиллбрауне на холме, застроенном небоскребами. Говорят, что в те времена, когда Южная Африка входила еще в Британское Содружество, плотность населения в этом районе была самой высокой во всей империи.

С высоты своего двадцать пятого этажа я вижу бесконечную гряду рудничных отвалов, опоясывающую город, а вдалеке — богатые кварталы, куда переселились первые обитатели Хиллбрауна, разбогатевшие на этом самом золотом песке.

Теперь в этом районе живут эмигрировавшие сюда итальянцы и греки, интеллигенция и художники, предпочитающие бетон газонам и площадкам для гольфа.

Вся прелесть Хиллбрауна состоит в том, что большинство его населения говорит по-английски, что очень немногие ходят в голландскую реформатскую церковь и что расизм здесь проявляется не столь очевидно. Это один из тех редких кварталов, где депутатом чуть было не избрали представителя Либеральной партии.

И потом в этом квартале можно спокойно разгуливать в три часа утра, не страшись пустынных улиц. Множество закусовых, китайских ресторанов, аптек не закрываются добрую половину ночи. Хиллбраун — единственный человеческий квартал во всем Йоханнесбурге. Обычно в европейских кварталах Южной Африки африканцев стараются не замечать. Не обращают внимания на зулуса, моющего лестницу на каждом этаже, на девушку, которая варит обед или ухаживает за детьми. Это темная безымянная масса тех, кого не замечают и с кем никогда не здороваются. Но по воскресным дням в Хиллбрауне все эти юноши и девушки с вечно согнутой спиной полностью завладевают улицей. Мужчины сбрасывают свой нелепый костюм боя и надевают ультрасовременный; маленькая шляпа, которую они носят а ля Синатра⁶⁹, делает их похожими на гарлемских денди; а девушки, скинув свои белые халаты, появляются в необычайно ярких цветов платьях и туфлях на высоченных каблуках. На улице всюду звучит музыка. Многие идут с гитарами и концертино (маленькие шестигранные аккордеоны, очень распространенные среди зулусов Дурбана) или насвистывают penny whistle. Эту джазовую мелодию, которая обычно сопровождается звуками флейты, не спутаешь ни с какой другой, и до сих пор, как только я вспоминаю Южную Африку, она снова и снова звучит у меня в ушах.

После двухмесячной разлуки я с удовольствием вновь встретилась с моим другом Энтони и его женой. У них тут были неприятности, полицейские приходили с обыском, грозили выслать Энтони, он ведь родезиец. Мы решили видеться как можно реже, а если возникнет

⁶⁹ Фрэнк Синатра — известный американский певец.— *Прим. перев.*

что-нибудь важное, будем встречаться в drive-in, рестораниках, где можно пообедать, не выходя из машины.

Последние свои недели в Йоханнесбурге я провожу в любопытнейшей среде, довольно типичной для этого «золотого» города. Новые мои знакомые против апартхеида, но выражают свои оппозиционные настроения довольно своеобразно: тут и самая обыкновенная трусость, проявляющаяся в том, что днем человек занимается своими делами, а ночью напивается под звуки африканского джаза, и взятые на себя серьезные обязательства, которые неизбежно ведут к домашнему аресту, осуждению на девяносто дней и, в конце концов, к тюрьме; есть еще и такая разновидность, причем самая распространенная, — замкнуться в своей работе. «Я стараюсь быть хорошим журналистом или хорошим преподавателем, и так до тех пор, пока меня не вынудят покинуть родину».

Мир этих людей очень привлекателен, но вместе с тем исполнен неврастения и патетики, они много пьют и часто переживают запутанные трагические любовные истории, которые перемежаются визитами к психиатру. По ночам они встречаются на квартирах, где собраны картины и скульптуры африканских художников, открытых группой под названием Союз артистов, борющейся против апартхеида в искусстве, и ведут бесконечные споры, то и дело вспоминая людей, которые теперь либо в Лондоне, либо под домашним арестом, либо в тюрьме. Манделу они называют не иначе как Нельсон, Роберта Решу, одного из руководителей АНК, с ним я познакомилась еще в Алжире, — Роби, очень часто повторяются имена Юсуфа и Ямины (речь идет, как я потом поняла, о семье Качалиа, лидера индийцев, живущего под надзором в Йоханнесбурге), а также Винни, жены Манделы, поразительной красоты женщины, она живет под надзором в Совето и никак не может добиться разрешения повидать мужа на о-ве Роббен.

Мир этих людей (если не считать роскоши и необычайно высокого жизненного уровня) напоминает мне хорошо знакомую среду тех, кто помогал в свое время ФНО⁷⁰, где добро уживалось со злом, а политический выбор определялся порою чертами характера.

Хотя надо сказать, как и во время войны в Алжире,

⁷⁰ Фронт национального освобождения Алжира.— *Прим. перев.*

люди, весьма поверхностные на первый взгляд, оказываются способными на истинный героизм. А это необходимое качество для белого человека, если он хочет бороться в одних рядах вместе с цветными. Часто, получив приглашение в роскошное поместье неподалеку от столицы, я замечала, что кто-то из членов семьи находится под домашним арестом или под надзором. Здесь, в этой стране, беззаконие, чрезвычайное положение стали такой обыденной вещью, что люди привыкли относиться вполне спокойно к этому странному «миру», удивительно похожему на войну. Часто я думаю о том, что стало бы со мной, если бы в моей стране происходило то же самое, если бы правительство прибегало к тем же методам в борьбе со своими противниками. И я поняла: жизнь моя была бы разбита, потому что знакомые мои оказались бы под домашним арестом, а лучшие друзья — в тюрьме...

Министр юстиции ЮАР официально заявил о том, что под домашним арестом находится четыреста тысяч человек. Теперь их, должно быть, больше. Существуют различные виды домашнего ареста, к примеру, это может касаться лишь посещения больницы или же действительно превратиться в самый настоящий домашний арест, когда человеку вовсе не разрешается выходить из дому.

Как объясняет мне двадцатилетняя студентка, которая принимает меня на кухне (в доме гости, а она имеет право говорить лишь с одним человеком), тем, кто живет под ограничениями домашнего ареста, запрещается посещать какие бы то ни было сборища⁷¹, состоять в одной из тридцати пяти организаций, попавших в список подрывных, даже если они и не объявлены вне закона, как, например, Индийский конгресс, в профсоюзе или любой другой организации социальной взаимопомощи, которая пришлась не по вкусу Форстеру. Те, кто находится под домашним арестом, не имеют права ни встречаться друг с другом, ни переписываться. (Помню, как испугалась одна молодая женщина, с которой мы шли по улице, когда навстречу нам попался такой же, как она, человек «вне закона» и улыбнулся ей. Она уже ви-

⁷¹ Жаклин Эненштейн, девушку из Дурбана, бросили в тюрьму за то, что она, находясь под домашним арестом, пила чай со своими двумя приятельницами.

дела себя, да и меня вместе с ней, на о-ве Роббен.) Ни статьи их, ни просто устные заявления не могут быть напечатаны в газетах. Они не имеют права менять местожительство и обязаны каждую неделю отмечаться в полиции ⁷².

— Фантазиям такого рода нет предела, — продолжает свой рассказ девушка. — Все подчиняется капризам Балтазара Форстера. Одним не положено выезжать за пределы Трансвааля, другим — определенного квартала, третьи попадают под надзор на двенадцать часов, иногда больше, иногда меньше.

Многое зависит от рода деятельности каждого. Если человек работает или учится в университете, как я, например, он не имеет права появляться в школах и на факультетах, а тем более обучать кого бы то ни было, даже своих детей. Если ты профсоюзный деятель, то не должен появляться на заводе или любом другом предприятии. Журналисту не положено находиться в помещении газеты или типографии. Условия домашнего ареста зависят от района, в котором человек живет. Продолжительность такой меры наказания колеблется от двух до пяти лет. Хотя практически это не имеет никакого значения: как только кончается один срок, тут же назначается другой. Об отмене приказа о домашнем аресте и речи быть не может, ведь ни суда, ни следствия, ни обвинительного акта — ничего этого не было. Такой властью Форстера наделил закон от 1950 г. о подавлении коммунизма. Люди, осужденные на домашний арест, ни в чем не виноваты. Иначе им предъявили бы какое-то обвинение. Вся вина их состоит лишь в том, что они против апартхейда. А это карается законом.

Я спрашиваю мою собеседницу, за что же наказали ее?

— Не знаю, — отвечает она. — В один прекрасный день моим родителям принесли приказ из полиции о том, что я нахожусь под домашним арестом. Наверное, потому, что в университете я жила в одной комнате с девушкой, которая дружила с африканскими студентами. И потом я была против апартхейда в университетах,

⁷² Фредерик Нейл, например, не сообщил в полицию о перемене адреса, и его приговорили к 364 дням тюремного заключения.

так же как и мой отец, он преподаватель. Этого вполне достаточно.

Есть и еще одна категория преследуемых людей, это те, кто попал в список членов Коммунистической партии до ее роспуска. Достаточно, если министр примет такое решение, доказывать обоснованность своего обвинения ему вовсе не обязательно. Это уж обвиняемый должен позаботиться и представить доказательства своей «невинности». Форстер самолично составил список, в котором около пятисот имен, хотя, говорят, бóльшая часть этих людей с давних пор не занимается политикой. Лица, попавшие в список коммунистов, тоже подвергаются разного рода ограничениям, но не на всех из них накладывается домашний арест. А сколько людей стали жертвами пресловутой «охоты за ведьмами», из тех, что вынуждены были покинуть страну и просить политического убежища в Великобритании.

А между тем мне довелось повстречать коммунистку, и не какую-нибудь там выдуманную Форстером, а самую настоящую. Я не могу назвать ее имени, потому что вскоре после моего отъезда ее арестовали согласно «закону о ста восьмидесяти днях». Намереваются сделать ее свидетелем и обвиняемой по делу Абрахама Фишера, и мне не хотелось бы усугублять серьезность ее положения нашей связью. Буду называть ее г-жа И.

Когда я с ней встретилась, она жила под ограничениями домашнего ареста, мужа ее, испытанного борца, коммуниста, приехавшего в Южную Африку в период нацистской оккупации Европы, посадили в тюрьму, а ее девятнадцатилетнюю дочь собирались судить.

Когда один из моих друзей, устроивший нам свидание, заговорил об осторожности и заметил, что настало время расстаться, эта мужественная женщина сказала:

— Нечего поддаваться фашистам. Главное — не бояться. Они могут сделать со мной все, что угодно, в их власти заменить мой домашний арест настоящим надзором. Я не смогу работать, дети мои умрут с голоду. Все это они могут. И в тюрьму посадить могут, и пытать тоже могут. Ну и пусть, а я все равно не уеду отсюда. Нас мало, но мы все-таки здесь. Я пережила годы становления фашизма и знаю, как делают Гитлера и ему подобных.

В первый раз мы встретились с ней в открытом кафе

в торговом центре одного из богатых кварталов Йоханнесбурга. Вокруг нас рыскал агент Особого отдела. Но мы не нарушали никаких законов: знакомый, который привел меня, тут же ушел, так что встречу нашу нельзя было считать «сборищем», нас осталось только двое.

Но историю Коммунистической партии, одной из тех немногих компартий «цветной» страны, которая сразу поняла, что в определенный момент освободительная война важнее классового боя, а белый рабочий не обязательно синоним революционера, историю этой партии она мне поведала в другой раз.

— Коммунистическая партия, — рассказывала она мне через несколько дней, когда мы встретились с ней в более укромном месте, — родилась в 1921 г. Любопытно, что в общем-то эту партию создали эмигранты из Европы. Произошло это в результате раскола местной лейбористской партии, одно крыло которой стало Интернациональной социалистической лигой и вступило в Коммунистический Интернационал. То была первая в Африке коммунистическая партия. В начале своей деятельности она не избежала тех ошибок, которые неминуемо повторяли компартии в других колониях. Дело в том, что первоначально это была партия белых, поддерживавшая во время знаменитой забастовки шахтеров в 1922 г. профсоюзы белых рабочих. Схема была простой: белый рабочий выступает против капитала, следовательно, это акт революционного значения. На самом же деле, как выяснилось позднее, все было наоборот, ибо белые, бастовавшие тогда, впоследствии поддержали Фервурда. Затем произошел еще один раскол. По одну сторону оказались те, кто после конгресса Коминтерна в 1928 г. уяснили, что первоочередной задачей в тот момент была освободительная борьба и что пролетариат в этой стране — африканцы, а не белые; по другую — те, кто впоследствии пришел к лейборизму, а затем примкнул к Националистической партии.

И. говорит, что именно в ту эпоху к руководству партией пришли такие коммунисты-африканцы, как Котане, Нзула, Дж. Маркс.

— Это было крайне важно, ибо они же были членами АНК. Таким образом, Коммунистическая партия стала играть важную роль, оказывая влияние на целый ряд лидеров африканского национально-освободительного

движения. АНК до той поры был весьма реформистской организацией. Лидеры его стремились лишь к тому, чтобы белые консультировались с ними. Коммунисты сказали им: нужно потребовать права голоса для всех, отмены закона об ограничениях при найме на работу и закона о пропусках; нужно бороться также за право африканского населения на землю. Борьба африканцев — это классовая борьба и в то же время освободительная.

Нужно учесть также, что АНК тех времен был скорее дискуссионной организацией, обсуждавшей разные вопросы на своих ежегодных съездах, чем организацией, возглавлявшей борьбу. Коммунистическая партия научила АНК повседневной работе.

Правда, влияние тут было обоюдным: когда в 1936 г. Котане стал генеральным секретарем Коммунистической партии, она уже на восемьдесят процентов состояла из африканцев. Пытаясь доказать, что борьба за освобождение предшествует борьбе за социализм, Котане говорил: «Человек, который страдает от национального угнетения, подобен человеку, страдающему от рака. Он не в силах думать ни о чем другом».

Я спрашиваю И., правда ли, что, как утверждают некоторые, до своего запрещения компартия играла главенствующую роль в АНК. Она улыбается:

— Нет, конечно, однако идея социализма действительно завоевывала все большее число сторонников. Но вы же не думаете, что Лутули — коммунист? Да и не в этом дело. АНК — не партия, а освободительное движение, которое объединяет в своих рядах таких разных людей, как Дж. Маркс, Котане, действительно являющихся коммунистами, Мандела, его, пожалуй, можно назвать одним из самых известных африканских националистов, близким к социалистическим идеям, и Лутули, он представляет верующих христиан.

За все время, что я нахожусь в ЮАР, мне никак не удается выяснить одну вещь: в 1950 г. компартия была запрещена или сама себя ликвидировала? И. объясняет мне, что незадолго до того как был принят закон о подавлении коммунизма, некоторые выступали за роспуск партии, чтобы избежать такого поворота событий, при котором все ее члены очутились бы за решеткой.

— Решено было поставить вопрос на голосование, и

незадолго до того как закон был принят парламентом, состоялось заседание, большинство участников которого высказалось за роспуск партии. Партия была ликвидирована. Было распродано все, что ей принадлежало. Однако те, кто не согласен был с таким исходом, решили основать новую коммунистическую партию в подполье. Прежняя, распущенная партия называлась Коммунистическая партия Южной Африки, новая получила название Южно-Африканская коммунистическая партия. Она приняла новую программу, в которой борьба за освобождение стояла на первом месте.

И. улыбнулась:

— Партия и сейчас продолжает борьбу, несмотря на репрессии и невзирая на то, что отнюдь не все члены Конгресса демократов являются коммунистами, как ни стремится Фервурд доказать обратное⁷³. — Моя собеседница задумывается на мгновение. — Может быть, это объясняется тем, что, когда все дезертируют или капитулируют, коммунисты остаются негибаемыми. Вы знаете, в свое время столько наших товарищей побывало в гитлеровских застенках... Мы привыкли...

И. считает, что большинство белых, независимо от того, являются ли они сторонниками Объединенной партии или поддерживают какую-либо иную легальную оппозиционную партию, кончат тем, что выступят на стороне Фервурда, и случится это в тот самый день, когда начнется борьба не на жизнь, а на смерть.

— Националистов поддержат девяносто пять процентов белого населения, — говорит И. — Ведь речь идет не только о борьбе против доктора Фервурда и его нацистов, на карту поставлены вообще интересы империалистов в Африке. И, следовательно, в перспективе борьба наша имеет значение не только для Южной Африки, от нее зависит судьба всего Африканского континента, а может быть, и всего мира.

Вот уже несколько дней подряд Особый отдел проводит внезапные обыски в богатых кварталах Йоханнесбурга. Полицейские вторгаются по ночам в дома многих деятелей искусства, преподавателей университета. Кто-то

⁷³ 70% членов Конгресса демократов объявлены вне закона.

донес, что в одной из сдающихся внаем вилл скрывается под чужим именем Фишер.

Первый процесс Абрахама Фишера и его соратников, обвинявшихся в принадлежности к подпольной Коммунистической партии, открылся в ноябре 1964 г. В апреле 1965 г. двенадцать из представших перед судом были признаны виновными и приговорены к длительным срокам тюремного заключения.

Для властей процесс этот был важен прежде всего потому, что на нем впервые после принятия закона о подавлении коммунизма судили людей, действительно пытавшихся создать нелегальную партию. Потому что раньше, используя этот закон, как правило, обвиняли людей, придерживающихся либеральных взглядов, и увидеть в них коммунистов могло лишь большое воображение Балтазара Форстера.

Обвинение, предъявленное им, гласило, что они намеревались «установить в Южной Африке диктатуру пролетариата». Обвинение это, как показал процесс, было абсолютно фальшивым. Ибо целью подсудимых, как и всего революционного движения в Южной Африке, была борьба против апартхеида, и выступали они за создание демократического, отвергающего расовый принцип государства.

Кроме Абрахама Фишера перед судом предстали: Яван Шермбрюкер⁷⁴, бывший директор двух запрещенных прогрессивных газет «Нью эйдж» и «Спарк»; Эли Вейнберг, который в течение долгих лет, предшествовавших домашнему аресту, был профсоюзным деятелем, а затем работал фотографом; Эстер Барсел, член Конгресса демократов; Коста Газидес, молодой врач, тоже член Конгресса демократов, который в свое время отбыл девяносто дней предварительного заключения; Льюис Бейкер, известный адвокат из Бенони; Поль Тревхела, журналист; Норман Леви, учитель и бывший член исполнительного Конгресса демократов; Молли Дойл, тоже являвшаяся членом Конгресса демократов; две молодые студентки Сильвия Ним и Эни Никольсон; Джейн Мидлтон, молодая учительница, член Конгресса демократов; Хирми Барсел, которую обвинили в том, что

⁷⁴ Его жену Эли только что приговорили к тюремному заключению на год за то, что она отказалась выступить свидетелем против Абрахама Фишера. До этого она отбывала 180-дневное наказание.

за пятнадцать лет до этого она основала ассоциацию дружбы с Советским Союзом; Флоренс Дункан, врач-физиотерапевт, тоже входившая в состав Конгресса демократов.

Все обвиняемые были осуждены только за то, что являлись членами нелегальной организации. Никакого другого обвинения им предъявить не могли, за исключением того, что кто-то из них писал лозунги на стенах. Несомненно, если бы власти могли обвинить их в саботаже или в том, что они входили в состав Умконто, для них потребовали бы смертной казни, как это было в Ривонии.

В архивах «Ранд дейли» я смогла отыскать протоколы этого процесса, мне удалось встретиться со многими свидетелями.

Все подсудимые до того, как им было предъявлено официальное обвинение, несколько раз побывали уже в заключении по «закону о 90 днях», а некоторые подверглись пыткам с применением методов португальской тайной полиции, одним из которых является пытка-статуя, о которой рассказывала Стефания Кемп: человека допрашивают много часов подряд, заставляя его при этом стоять с поднятыми вверх руками. Тот, кто падает или хотя бы сдвигается на сантиметр, тут же подвергается зверскому избиению. Этот вид пытки настолько жесток, что Шермбрюкер, например, пытался покончить с собой после двадцатичетырехчасовой пытки-статуи. Газидес выстоял сорок часов кряду. 55-летний Бейкер потерял сознание после семнадцати часов. Тревхела вынес пытку в течение ста десяти часов.

Женщины — об этом я узнала из рассказов Стефании Кемп — тоже не избавлены от пыток. В ходе процесса, о котором идет речь, они выпали на долю Эли Никольсон и Сильвии Ним. Сильвия Ним, совсем юная девушка, отсидела два срока по девятисто дней, едва не лишившись рассудка. Будучи запертой в одиночке, полностью изолированная от мира в течение сорока пяти дней, она пыталась вырваться на свободу во время второго периода, который длился пятьдесят четыре дня. За эту попытку к бегству ее приговорили к пяти годам тюремного заключения.

В своем заявлении на суде она рассказала, чем было для нее это заточение:

— Я была заперта без права общаться с кем бы то ни было в камере размером три метра на два, и единственное, что мне давали читать, была Библия на африкаанс. Дверь моей камеры выходила в зал. Туда же выходили двери еще четырнадцати камер, но все они были пусты. Ни днем, ни ночью до меня не доносилось ни шороха, я не видела ни души, кроме надзирательницы, которая приносила мне поесть один раз в сутки и отказывалась говорить со мной.

В течение всего этого времени я жила в совершенно подавленном состоянии. У меня появилось невыносимо острое ощущение, будто меня расчленили надвое, и я уже не знала ни кто я, ни где я нахожусь. Мне не удалось восстановить связь между моим прошлым, настоящим и будущим... Хотелось лишь умереть. Есть я уже не могла и день за днем худела. Когда после первых сорока пяти дней меня вывели из камеры, я была не в состоянии узнать окружающий меня мир, никак не могла привыкнуть к тому, что обрела возможность видеть лица людей, мебель, разные предметы. Меня охватил ужас. Я лишилась памяти, никак не могла узнать дом, в котором жила до ареста. Меня начали лечить. Но курс лечения был прерван новым арестом, второй «девяностодневкой».

Позднее Сильвия рассказывала о том, как пришла она к пониманию трагедии, которую переживает Южная Африка.

— Моя мать и мои учителя воспитывали во мне чувство превосходства белых над неграми... Говорили о том, что белые наделены интеллектом, а черные — нет... Что белые способны быть адвокатами, врачами, бизнесменами, а черные годятся разве на то, чтобы подметать улицу, готовить, выносить помой или выполнять самую грязную и неквалифицированную работу на заводах. Но в университете я познакомилась с неграми, которые были и умными и симпатичными. И я поняла — все, что мне вдалбливали раньше, было ложью.

Сильвия вспоминала, каким страшным ударом был для нее Шарпевиль, какой это был кошмар — сотни африканских женщин и детей, убитых выстрелом в спину. Вспоминала, как вышла из Либеральной партии, членом которой стала во время учебы в университете Родса, как вступила в Конгресс демократов. «Я хотела бороться в

рядах организации, которая была бы тесно связана с африканским движением Сопротивления, но главе которой стояли бы африканские лидеры».

Сильвия Ним объясняет также, почему, тяжело заболев после своих «девятистодневок», она все таки продолжала борьбу.

— Да, я знала, что, если меня вновь арестуют, мне будет очень плохо и все-таки не так чудовищно страшно, как моим африканским друзьям, которых бросают за решетку. У меня было два очень близких друга-африканца, оба они погибли под пытками в полицейском застенке. И я решила, что должна остаться в этой стране и продолжать борьбу против апартхеида.

А вот что заставило ее вступить после запрещения Конгресса демократов в одну из ячеек Коммунистической партии:

— Этот шаг был продиктован вовсе не стремлением бороться за установление диктатуры пролетариата, хотя я и убеждена, что именно социализм является единственным выходом для этой страны, я хотела бороться против апартхеида, за построение более справедливого общества. Не думаю, что на данном этапе Коммунистическая партия призвана сыграть решающую роль в Южной Африке... Но она, бесспорно, один из важнейших элементов борьбы. Мне кажется, что Африканский национальный конгресс и есть та организация, которая должна вести и направлять борьбу. Ибо он представляет большинство жителей нашей страны. Именно АНК является катализатором прогрессивного национализма, который ни в коем случае нельзя считать антибелым. К тому же Африканский национальный конгресс отнюдь не стремится заменить господство белого меньшинства какой-либо иной формой господства одних людей над другими.

Как и на всех других политических процессах в ЮАР, и на этот раз тоже приговоры обвиняемым были вынесены на основании показаний свидетелей обвинения, «проговорившихся» в результате «девятистодневно-го собеседования». Правда, на этом процессе к такого рода «свидетельским показаниям» присовокупились еще и показания одного молодого человека по имени Герхард Гюнтер Луди, ставшего при весьма подозрительных обстоятельствах полицейским осведомителем и су-

мешнего в 1963 г. проникнуть в подпольную Коммунистическую партию.

Рассказывают, что этот самый Луди, высокий фатоватый блондин, ныне состоящий на службе в политической полиции в чине сержанта, стал доносчиком еще в те времена, когда учился в университете. Другие же считают, что он избрал себе это амплуа лишь после того, как был арестован полицией за нарушение закона о нравственности (он как будто бы состоял в связи с цветными женщинами).

Луди вошел к коммунистам в такое доверие, что ходил даже в женихах дочери одного из ветеранов партии. Понадобилось ему это для того, чтобы без помех шпионить за частной жизнью людей, к которым он проник; в основном это были студенты и вообще молодежь, а в такой среде часто возникают разного рода истории, ничего общего с политикой не имеющие. Ему удалось незаметно записать на пленку частные разговоры, и записи эти были использованы на процессе в самых грязных целях.

Другим свидетелем обвинения был Питер Бейлелелд, старый активист компартии, который не вынес пребывания в одиночке, пыток и предпочел предательство продолжению мучений. Рассказывают, что его появление в боксе для свидетелей произвело страшное впечатление. Выглядел он совсем потерянным, бросал отчаянные взгляды в сторону подсудимых, заикался, умолкал на полуслове, забывал, о чем говорит, и все время корчился в первых судорогах.

Надо сказать, что, если бы суд не располагал показаниями Бейлелелда, которого полицейские пытки превратили в тряпку, обвиняемых могли бы приговорить лишь за их принадлежность к Конгрессу демократов, но не за то, что они были коммунистами.

Я рассталась с моими приятелями-дипломатами в Кейптауне, а теперь вот вновь встретилась с ними за тысячу семьсот километров от Столовой горы в Претории, где правительство, министры, послы и дипломатические миссии проводят по шесть месяцев в году.

Сравнивая Преторию с ее ближайшим соседом Йоханнесбургом, обычно говорят о ней, как о спокойном

и безмятежном городе. Восхищаются ее прохладными аллеями, окаймленными джакарандами деревьями с голубыми цветами, бесчисленными храмами голландской реформатской церкви, старинными особняками, построенными еще во времена старого президента Крюгера. Словом, живописуют этакую старомодную, слегка занорощенную пылью времен картину.

Действительность прямо противоположна такому описанию. В первое же мгновение Претория произвела на меня впечатление города вполне современного и жестокого. Начать хотя бы с венчающего один из холмов монумента, заметного еще с Йоханнесбургского шоссе, увековечившего память о битве на Кровавой реке, о погибшем Дингаане и тысячах его зулусских воинов. Потом перед вами проходят бесконечные военные лагеря и военно-воздушные базы с их современными бомбардировщиками, готовыми взмыть в небо и лететь на север бомбить освобожденную Африку. Вы видите мрачное здание городской тюрьмы, через которую прошло столько руководителей освободительного движения, где и сегодня пытаются приговоренных к смерти. Именно здесь, в Претории, расположен главный штаб Особого отдела.

В Претории живут только африканеры. Люди они решительные, и, когда африканские или индийские женщины приходят с мирной манифестацией к дворцу правительства, африканеры без долгих рассуждений помогают полиции разгонять демонстранток и предоставляют в распоряжение карателей своих собак.

Впрочем, на улицах Претории не видно ни африканцев, ни индийцев. «Это чистый город», — объясняет мне хозяйка бакалейной лавки. Пока единственные африканцы здесь — слуги. Я говорю пока, потому что вскоре и они исчезнут, ибо дамы Претории хотят все до единой последовать примеру г-жи Фервурд и доказать, что «в кафрах они не нуждаются».

В Претории никто не желает говорить по-английски, и если вы обращаетесь к кому-либо с вопросом не на африкаанс, а на каком-нибудь другом языке, тот, к кому вы обратились, делает вид, будто не понимает вас. Я это испытала на собственном опыте не далее как вчера вечером и в результате опоздала на поезд. Мы с моей приятельницей-француженкой спросили по-английски у служащего на вокзале, в котором часу отправляется

последний поезд в Йоханнесбург. Тот явно нарочно сделал вид, что не понимает нас. Дело кончилось тем, что я прибежала на перрон, когда от него отходил уже последний поезд. Мне удалось вскочить на подножку заднего вагона, но в этот момент белый проводник, закрывавший двери, столкнул меня, отчаянно зарывчав, как будто я собиралась броситься с обрыва в пропасть: «Для небелых! Для небелых!» И все это под любопытствующим взглядом африканцев, для которых предназначался вагон. И так как я была «белой», мне пришлось провести эту ночь в Претории.

Через некоторое время с нами произошло еще одно забавное происшествие. Моя французская приятельница очень смуглая, хотя во Франции о ней сказали бы, что она просто сильно загорела. Нам нужно было пойти в туалет с ее детьми. Дама, которая служит в этом туалете, — толстая блондинка-африканерка указала моей спутнице на дверь с табличкой «Для небелых», в то время как я беспрепятственно вошла в зал, предназначенный для избранной расы, вместе с детьми моей подруги, испуганно вопившими во все горло: «Мама! Мама!»

Националисты, стоящие у власти, несомненно, мечтают превратить в будущем Преторию в крупнейший город их республики. Объясняется это тем, что свою ненависть к англичанам они переносят и на Йоханнесбург, город «космополитический», как говорит о нем один делец, демонстрирующий мне с гордостью доменные печи ИСКОР, громадного металлургического комбината, принадлежащего правительству и выбрасывающего ночью и днем в небо над холмами Претории багровые языки пламени.

Да, второй «трек», реванш буров начинается именно здесь, в Претории. И я думаю о том, насколько не совпадает здешняя действительность с теми представлениями о бурах, которые сохранились у меня до этой поездки: ныне они уже отнюдь не фермеры, которыми были когда-то. Эти люди смогли мало-помалу создать свою собственную индустриальную империю. Первым значительным предприятием, основанным африканерами, явилось издательство «Ди Национале Перс», принадлежавшее органу Националистической партии, газете «Ди Бюргер», которую в 1915 г. начал издавать Малан. Од-

нако настоящий экономический старт состоялся и 1918 г. с учреждением двух страховых компаний САЛЛАМ и САНТАМ. Средства на их создание были собраны у мелких фермеров-буров, к которым обратился с призывом вкладывать капиталы в их собственные предприятия. Их сбережения и послужили началом.

Брудербонд завершил это начинание, создав в 1939 г. банк африканеров, демагогически названный «Ди фолькскаас», т. е. «народный банк», и Лоув, который долгое время был министром иностранных дел, заявил тогда:

«Для того чтобы захватить власть, африканеры должны действовать капиталистическими методами... Необходимо учредить что-то вроде финансовых компаний Йоханнесбурга. — И еще добавил: — Мы призваны создать предприятия, которыми будут руководить африканеры, и работать на них будут только африканеры — юноши и девушки».

Однако капиталистические начинания африканеров развернулись в полную меру лишь после захвата ими власти в 1948 г. Будучи приверженцами доктрины национал-социализма, африканеры хотели бы национализировать экономику, которая, возмущаются они, открыта для иностранного капитала. Но о какой национализации шла речь? Нет, конечно, не о национализации в рамках социалистического государства, которое представляло бы большинство народа, т. е. тех, кто создаст богатства, — африканцев. Речь шла о выгоде меньшинства, и не только расового, но и культурного и религиозного: африканеров. Африканеры понимали, что проведение в жизнь таких планов — дело нелегкое, поэтому, отказавшись от столь дорогой сердцу Герцога мечты национализировать золотые рудники, они постепенно начинают прибирать их к рукам.

Для этого используются разные способы. Например, компании, находящиеся в руках африканеров, заключают соглашения с правительством. Создаются фирмы со смешанным капиталом государства и частников-африканеров. И, что особенно важно, все банковские операции государственных и муниципальных организаций, так или иначе связанных с Националистической партией, препоручаются «Фолькскаас».

Я была просто поражена, когда мне перечислили все

секторы экономической и общественной жизни Южной Африки, которые уже национализированы: лесное хозяйство, почта, телеграф и телефон, железные дороги и вообще транспорт (воздушный и пр.). Государство контролирует электростанции, которыми ведает ЭСКОМ, обладающий монополией в области распределения электроэнергии, заводы, производящие разного рода вооружение, производство железа и стали (компания ИСКОР, производящая семьдесят пять процентов потребляемого в стране черного металла и располагающая капиталом в сто тридцать пять миллионов фунтов стерлингов), все крупные строительные предприятия (компания ВЕКОР), производство инсектицидов (компания «Клипфонтейн Оргэник Продакт»), промышленность по переработке угля в нефть, газ и химические продукты (компания САСОЛ), производство удобрений (компания ФОСКОР). Кроме того, государство основало компании, которые являются держателями контрольных пакетов акций таких, например, предприятий, как текстильная фабрика в Кингвильямсе.

После кровавой расправы в Шарпевиле многих финансистов английского происхождения охватила паника, и в какой-то момент у них возникло было стремление вывезти свои капиталы в Англию или США. Правительство наложило запрет на такого рода операции, и в настоящее время действует очень строгая система контроля над экспортом акций и валюты. Больше того; САЛАМ, воспользовавшись паникой, приобрела на шесть миллионов двести пятьдесят тысяч фунтов стерлингов акций горнорудных и промышленных предприятий. Именно в этот момент компания «Рэмбранд Корпорейшн» скупила все акции компании «Ротманс» и «Каррерас», превратившись таким образом в самого крупного производителя табака в мире.

Во время моего пребывания в Претории в министерстве информации мне любезно вручили небольшую брошюру, озаглавленную «Основы экономики». Из нее я почерпнула сведения о том, что в ближайшие шесть лет правительство намерено широко финансировать принадлежащие ему отрасли экономики.

Так, двести двадцать пять миллионов фунтов стерлингов будет отпущено на осуществление плана освое-

ния бассейна Оранжевой реки⁷⁵; триста миллионов ассигнуются ИСКОР; двадцать миллионов — ЭСКОМ; пятьдесят миллионов на развитие телефонной сети; тридцать миллионов выделяются САСОЛ в ближайшие два года, что позволит ЮАР выстоять в случае нефтяной блокады.

Экономисты полагают, что Южная Африка на протяжении четырех ближайших лет должна увеличивать объем своего производства на пять процентов ежегодно. В 1972 г. сумма капиталовложений, осуществляемых правительством, составит четыреста миллионов фунтов стерлингов. Брошюрка заканчивается предельно циничным выводом: «Эта программа позволит обеспечить шестнадцати миллионам жителей Южной Африки один из самых высоких в мире уровней жизни».

Есть и другой способ обогащения для африканцев. Так, Фервурд, который является владельцем типографии «Дагбреекперс», именно ей передает все заказы правительства. Кстати, брошюрка, лежащая передо мной, так же как и все официальные документы, напечатана в этой типографии. Другой пример: у газет, издающихся на языке африкаанс, тираж гораздо меньше, чем у газет, выходящих на английском языке, но зато они получают всю рекламу правительственных учреждений.

Две большие электростанции, которые построит ЭСКОМ, будут расположены как раз возле «Мейнбау Федерал» — шахт, принадлежащих африканерам.

Поистине сегодняшние африканеры это далеко не те бедняки-буры, которые впрягались в свой плуг и которых эксплуатировали английские капиталисты! С неисто-

⁷⁵ Согласно плану приращивания огромной территории Оранжевой республики и частично Капской провинции, будут построены три высотные плотины. Оранжевая река берет начало в горах Басутоленда — района пустынного и слабо развитого. Освоение водных запасов Оранжевой реки является актом откровенного грабежа белыми населения Басутоленда. Обводненные земельные площади позволят белым увеличить производство сельскохозяйственных продуктов на общую сумму в 113 600 000 рандов (795 200 000 фр.) в год. Заняв значительные площади под люцерной, они смогут на 20% увеличить поголовье овец. Производство электроэнергии составит 177 000 киловатт и даст возможность осуществить индустриализацию всей Оранжевой республики, самого расистского района ЮАР. Экономисты подсчитали, что осуществление этого плана, который займет двадцать лет, сделает ЮАР с экономической точки зрения абсолютно неуязвимой.

щим терпением, с каким в свое время они завоевывали политическую власть, воздвигают они себе сегодня, как говорит Бантинг в своей книге, «империю, дающую им возможность утвердить наконец общество фашистского образца, в коем интересы капитала и интересы труда будут координироваться государственными органами, возглавляемыми „элитой“ Брудербонда».

В ЮАР создан комитет с ограниченным составом участников: в него входят министр финансов Донгес, министр экономики Дидерихс, министр труда Троллип и министр планирования Хаак. Этот комитет выступил с категорическим требованием прекратить дорогостоящее строительство и препятствует любому повышению заработной платы. В 1965 г. был принят закон, разрешающий государству контролировать банковские вклады. Донгес выступает за крутые меры, исключая предоставление банковских кредитов частным лицам. Он за государственный контроль над капиталом.

По мнению членов комитета, только контроль над экономикой позволит полностью осуществить политику тотального апартхеида, о котором они мечтают.

Еще несколько лет назад можно было надеяться, что до тех пор, пока в ЮАР есть капиталисты вроде Оппенгеймера, способные противостоять этим людям хотя бы потому, что, на их взгляд, для развития Южной Африки необходима квалифицированная рабочая сила африканцев, а для обеспечения нормального функционирования индустрии требуется наличие в городах цветного пролетариата, африканеры не смогут превратить страну в некое подобие концентрационного лагеря, о котором они мечтают. Но, судя по всему, надеяться на это не следует. Ведь тот же Оппенгеймер уже построил, скооперировавшись с ИСИЛТД (государственная компания), завод по производству боеприпасов и основал на паях с другой государственной фирмой «Мейнбау» горнорудное акционерное общество «Мейн Стрит Инвестментс». Волки всегда сумеют найти общий язык.

Мое пребывание в Южной Африке подходит к концу. Особый отдел, надо полагать, скоро догадается, что я занимаюсь не только туризмом.

Но дело не только в этом. Главное состоит в том, что я, как и многие жители этой страны, уже нахожусь на

трани нервной депрессии. Как и они, я вскакиваю по ночам, принимая порывы ветра, стучащегося в дверь, за стук полицейских, пришедших с обыском. Говорю шепотом самые безобидные вещи. Без конца оборачиваюсь на улице, чтобы увидеть, кто за мной следит, когда иду в соседнюю лавку купить помидоров. Мне частенько случается выпивать теперь чуть больше бренди, чем нужно, а делаю я это для того, чтобы поскорее заснуть, скрасить нескончаемую тоску вечеров, которые просто нечем заполнить: ни кино, ни театров нет, только идиотские книжки, которые никак не читаются, да разговоры с теми же людьми, пережевывающими все ту же проблему: «Уезжать? Не уезжать? Оставить фашистов в покое? Или остаться самим и отправиться в тюрьму?»

А еще время от времени я замечаю молнии ненависти в глазах черной кухарки и уподобляюсь тем либерально настроенным местным жителям, которые, дабы стряхнуть с себя невыносимый груз измученной совести, говорят о своей прислуге: «Я знаю, в тот день, когда „это“ начнется, она меня не зарежет. На ее глазах это сделает служанка соседки, а она зарежет соседку». И добавляют: «Ну что ж, это вполне естественно. На ее месте я поступил бы точно так же».

В Йоханнесбурге белые по ночам всего боятся. Они непрестанно прислушиваются, страшась услышать гул, который может накатиться на них из Совето или Александры — двух огромных локаций в двадцати милях от города, где скупилось более восьмисот тысяч африканцев. Сколько раз слышала я слова: «В ту ночь, когда Совето обрушится на Йоханнесбург...»

Для того чтобы побывать в Совето, который фактически является самым крупным городом Черной Африки, требуется, естественно, специальное разрешение. Но я уверена, что теперь уже ни за что его не получу.

Остается одно — решиться на авантюру. Отправиться туда нелегально. Если поймут, самое худшее, что мне грозит, — это высылка из страны. Но теперь это меня уже не страшит. Операцию следует осуществить так, чтобы попасть в Совето к концу дня и покинуть его до полуночи. Останешься позднее — рискуешь многим, потому что именно в это время, около полуночи, полиция проводит облавы, ищет тех, кто находится в локациях нелегально.

Совето похож на все другие локации, в которых я уже побывала, поражают лишь его размеры. Попробуйте представить себе семьсот тысяч человек, которых поселили в одинаковых квадратных одноэтажных домах. Только общежития для несемейных здесь размещаются в двух- или трехэтажных зданиях. Мне рассказывали, что на территории в 41 824 кв. м умещается семьдесят семь тысяч домов. Население Совето в ближайшее время еще возрастет, так как в Александре всех африканцев-мужчин делят сейчас на холостых и женатых. Последних переведут в Мидоулендз — один из кварталов Совето. Это позволит осуществить еще более пристальное наблюдение за несемейными, которых запретят вновь построенные для них казармы.

Не так давно существовала еще одна локация, именовавшаяся Софиатаун. Ее снесли, потому что, как утверждают, это был самый настоящий бидонвиль. Но Совето теперь уже тоже мало чем отличается от бидонвиля. Стены домов быстро оседают и разрушаются, а с наступлением холодов лопаются трубы водопровода и канализации. В Совето лишь одна мощная дорога, соединяющая все кварталы, вдоль нее установлены рекламные щиты, рекомендующие крем, от которого белеет кожа, и жидкость для превращения волос из вьющихся в прямые. По сторонам же лишь грязные каменистые тропинки, на которых дети, часто совсем голые, со вздутыми от голода животами, гоняют пустые жестянки из-под консервов. И весь этот гигантский четырехугольник со всех сторон закован в колючую проволоку.

Человека, оказавшегося в Совето, не покидает ощущение, что он попал в западню: куда ни глянешь, всюду нескончаемые вереницы приземистых барачков и ни травинки. Лишь изредка, нарушая безнадежную монотонность пейзажа, возникает железный крест над барачком чуть побольше соседних, указывая на то, что здесь храм божий. Еще можно увидеть огороженный колючей проволокой загончик, там стоит очередь женщин с ведрами — они ждут, пока им дадут «пива банту». Ну и, само собой разумеется, полицейские участки и административные учреждения, тоже обнесенные колючей проволокой.

В Совето действует самая организованная сеть Аф-

риканского национального конгресса. И именно здесь, в одной из общин Совето, у меня назначена встреча с руководителем местного отделения этого движения. Меня сопровождает журналист одной из воскресных газет. Он говорит, что, если нас задержат, мы скажем, что хотели побывать в подпольной пивной. Это запрещено, но так как мы отвлечем внимание, то отделаемся лишь штрафом.

В час, когда мы сворачиваем с автострады, ведущей в Блумфонтейн, и минуем первый шлагбаум с пресловутой вывеской: «Внимание! Зона банту!» — с целого ряда железнодорожных станций, разбросанных вокруг Совето, движутся вдоль дороги нескончаемые потоки людей. Полиция, состоящая в основном из африканцев, вооруженных дубинками, слишком занята тем, чтобы сдерживать толпу, приступом берущую автобусы, и потому не обращает на нас никакого внимания. Более двухсот тысяч рабочих-африканцев пользуются два раза в день железнодорожной веткой, соединяющей Совето с Йоханнесбургом, затрачивая на проезд четверть своего месячного заработка. А линию эту обслуживает всего семьдесят поездов.

На многих переездах я вижу странную надпись: «Attention! Natives cross here!» («Осторожно! Здесь проходят туземцы!»), вроде того как у нас бы написали: «Осторожно! Здесь проходят стада животных!» Мой спутник-журналист рассказывает, что несколько лет назад африканцы прибавили к надписи слово «Very» (очень). А так как «cross» по-английски значит еще и «разгневанный», то получилось: «Осторожно! Здесь очень разгневанные туземцы!»

Дом, в который мы направляемся с моим спутником, находится в самом конце дорожки, идущей по дну оврага. Мы минуем каких-то людей, они сидят прямо на земле на покатом склоне. Я тревожусь: «Не шпики ли?» Мой друг меня успокаивает: «Нет. Здесь это невозможно. Здесь все очень хорошо организовано».

Нас принимает глава семейства — врач. Опять врач. Случайно ли это? Я не так уж много путешествовала по Африке, но мне кажется, что одним из коренных отличий освободительного движения в ЮАР является то, что его возглавляют врачи, учителя или профсоюзные активисты. А происходит это как раз в результате

аппартхейда, исключаящего всякую возможность возникновения африканской буржуазии⁷⁶.

Дом, в который мы пришли, совсем крохотный, он похож на все жилища в локациях, где я уже побывала. Спрашиваю у нашего хозяина — высокого человека с седой головой, прибыльное ли это дело: быть врачом в этой стране? Он смеется:

— В этой стране не дано разбогатеть никому из африканцев. За исключением разве тех, кто становится бандитом или работает на полицию. Да и то! Труд врачей и учителей оплачивается административными органами, ведающими делами банту, по самому нищенскому тарифу. У белого врача может быть частная практика, у меня — нет. Да разве у кого из африканцев есть деньги на врача? К тому же, подумайте сами, придет ли человеку, умирающему от голода, мысль обратиться к врачу? У 90% населения Советов жизненный уровень намного ниже минимума, необходимого для существования. Действует, как видите, принцип естественного отбора: выживают лишь самые крепкие организмы. Здесь свирепствуют такие страшные болезни, как туберкулез и биллиардоз, поражающие в первую очередь женщин, стариков и детей. А это совпадает с устремлениями правительства, которому требуются мужчины, и только мужчины, для работы на рудниках.

Когда стемнело, пришел человек, встречу с которым мне здесь назначили. Он очень молод, невысок ростом, хрупок. У него довольно темное лицо со слегка азиатскими чертами. Маленькая бородка клинышком делает его похожим на Хо Ши Мина. Мы остаемся с ним вдвоем на кухне. Друг, который привел меня сюда, и доктор ушли в соседнюю комнату, они наблюдают за всем, что происходит вокруг дома.

Юноша говорит, что ему нельзя здесь долго оставаться, поэтому надо торопиться, чтобы успеть обо всем поговорить. Прежде всего он хочет узнать что-нибудь о своих друзьях из АНК, которых я сумела повидать в Лондоне или в Алжире. Я отвечаю, что вот уже три месяца, как покинула Европу. Он укоряет меня за то, что

⁷⁶ Следует, однако, отметить, что в настоящее время правительство Фервурда пытается создать в резерватах своего рода полубуржуазный класс, на который могли бы опереться люди типа Матанзимы.

я не установила с ним контакт пораньше. Объяснила, что решила прежде всего поехать по стране.

Я говорю моему новому знакомому, что часто слышала от людей, возвращавшихся из ЮАР, будто бы движение Сопротивления мертво, а африканцы пребывают в апатии и смирении. С тех пор как Мандела, Сисулу, Мбеки и те, кого судили вместе с ними, были приговорены в Ривонии к пожизненному заключению, единственными процессами были якобы процессы над белыми, которых обвиняли в принадлежности к компартии. Правда ли все это? Он качает головой:

— Мне известно, что за границей рассказывают такое. Но это неправда. Да, конечно, арест штаба Умконто был для нас тяжелым ударом. Но с тех пор мы уже перестроили свою работу. Мы многому научились. А теперь спокойно готовимся. Хотя трудностей немало...

Я прошу его перечислить мне их.

— Ну, во-первых, существуют определенные трудности в области борьбы — назовем ее массовой, ненасильственной, — они выражаются в необходимости сочетать деятельность таких организаций, как Конгресс цветного населения или, скажем, САКТУ, являющихся легальными, несмотря на то что лидеры их томятся в тюрьмах, с работой нелегальных организаций, например АНК или Конгресса демократов. Это обязывает нас вести внутри Союза конгрессов довольно разнообразную работу, отвечающую самым разным задачам. Немалые трудности возникают и в результате невозможности встреч для представителей различных расовых групп, каждая из них живет в отдельной, строго ограниченной зоне. Люди разных национальностей не могут заниматься совместно никакой легальной деятельностью, даже если она никак не связана с политикой. (Он улыбается.) Вот, например, если бы мы с вами были сторонниками апартхеида и нас свел бы простой случай, да и беседовали бы мы только о погоде, — и вас и меня могли бы посадить в тюрьму.

Я говорю ему, что, проведя три месяца в этой стране, я плохо себе представляю дальнейшее развитие событий.

— То, что происходит сейчас, — отвечает он, — это бег против часовой стрелки. В настоящий момент и еще на долгие годы вперед ЮАР во многом зависит от ино-

странных капиталовложений, в этом-то и заключается ее уязвимая сторона. В тот день, когда западные державы, которые поддерживают Фервурда, т. е. США, Великобритания, Западная Германия и все больше и больше... (насмешливый взгляд в мою сторону) Франция, бросят его на произвол судьбы, разразится катастрофа. Он это прекрасно понимает и потому все ожесточеннее старается воздвигнуть свою собственную промышленную империю, контролируемую государством и африканерами, которая позволила бы ЮАР жить в замкнутом пространстве и быть достаточно могущественной, для того чтобы никто не смог ее одолеть.

Мы обязаны делать все, чтобы западные державы отказались от поддержки Фервурда до того, как это произойдет. Для оказания такого давления существуют разные средства. Так, мы стремимся усилить международную кампанию за бойкот и экономические санкции против Претории. На это мы не очень уповаем. И все-таки это важно. Кроме того, внутри страны наши усилия направлены на полную дезорганизацию экономики ЮАР для того, чтобы иностранные капиталисты испугались и изъяли свои капиталы. Мы убеждены в том, что, если в стране будут созданы условия для постоянного брожения, крупные монополисты предпочтут перевести свои капиталы в Замбию или еще в какую-нибудь африканскую страну. Вспомните события в Шарпевиле, когда иностранные капиталы покидали нашу страну со скоростью двенадцать миллионов рандов в месяц!

Существует целый ряд способов дезорганизации экономики. Для начала — саботаж и диверсии на заводах, железных дорогах, стройках и одновременно стачки. А на втором этапе — партизанская борьба.

Я спрашиваю, считает ли он, как кое-кто в других странах, что крестьяне наиболее революционный класс?

— Нет, у нас совсем иная ситуация. Мы — одна из редких стран Африки, обладающих своим собственным многочисленным и развитым пролетариатом. Более полутора миллионов африканцев работают в промышленности, кроме того, насчитывается от четырех до пяти миллионов сельскохозяйственных рабочих, единственным достоянием которых является их рабочая сила. Но и миллионы других, те, что живут в резерватах, тоже пролетаризированы. Среди них не найти такого, кто за

свою жизнь несколько раз не нанимался бы на работу в шахте. Все крестьяне в тот или иной момент сталкиваются с городом, с предприятием.

Правда, в резерватах у людей нет никакой возможности бороться против репрессий. Ибо там постоянно сохраняется чрезвычайное положение. Как они могут взбунтоваться? Против них выслали бы один-два самолета, и все было бы кончено. Другое дело — рабочие. Средства сопротивления у них в руках. Стоит осуществить хоть один акт саботажа на одном руднике, и вы увидите, какая паника начнется на лондонской бирже.

А скоро ли настанет тот самый день «Икс», когда все это начнется?

— Разве дело в каком-то там дне? — говорит он в ответ. — Это уже началось, некоторые пали в борьбе. Но на смену им поднимаются другие. У нас нет недостатка в борцах. Только мы постепенно готовимся к тому, чтобы выступить широким фронтом и в такой момент, когда правительство меньше всего будет ожидать этого.

Я пытаюсь узнать у него о численности активистов движения, которые проходят подготовку за границей, спрашиваю, каким путем переправляют сюда через кордон оружие и подготовленных к вооруженной партизанской борьбе людей.

Он улыбается:

— Ну, это уж наше дело. Только не забывайте, что в настоящий момент у нас нет общих границ ни с одним государством, которое питало бы дружеские чувства к нашему движению. Справа — Мозамбик Салазара, на севере — Родезия Яна Смита.

А английские протектораты?

— Бечуаналенд, Свазиленд и Басутоленд практически полностью зависят от южно-африканской экономики, это касается и таможи, и железнодорожного транспорта, и почтовой связи. Не говоря уже о собственно экономических структурах. Это совершенно неразвитые страны, там нет даже признаков промышленности, мужское население их вынуждено отправляться на заработки в ЮАР. Фактически это такие же бантустаны, как, например, Транскей. Басутоленд скоро будет объявлен независимым, но можно почти не сомневаться, что президентом его назначат одного из вождей, подкупленных Фервурдом. К тому же попасть в Лесото можно только че-

рез Йоханнесбург, а южно-африканская полиция имеет право контролировать транзитных пассажиров.

Что касается правителей Свазиленда и Бечуаналенда, они в принципе не враждебны АНК, но ведь это настоящие феодалы. Они тоже полностью зависят от Южной Африки. Вы же знаете, Басутоленд окружен Южно-Африканской Республикой со всех сторон, а два других протектората — с трех сторон. Надо сказать, что мы возлагаем большие надежды на развитие событий в Мозамбике, где борцы ФРЕЛИМО борются в настоящее время за освобождение своей страны от португальского господства. Под их контролем уже находится значительная часть территории, в частности на севере, по соседству с Танзанией. А в Танзании у нас друзья.

— Правда ли, — спрашиваю я моего собеседника, — что после секретного совещания Смита, Салазара и Фервурда, на котором обсуждался вопрос о создании «белого фронта» к югу от Замбези, организации национально-освободительного движения трех стран этого района, еще находящихся под колониальным гнетом, решили образовать свой собственный единый фронт?

— Не мне отвечать на этот вопрос. Рассказать вам об этом смогут лишь товарищи из исполнительного комитета. Я, впрочем, не думаю, что такой фронт уже формально существует. Даже различным движениям в одной стране так трудно подчас бывает объединиться. Хотя, конечно, именно к этому следует стремиться.

— Существует ли возможность вашего объединения с Панафриканским конгрессом?

— Не думаю. Лидеры ПАК вышли из АНК в силу очень конкретных причин. Это — антикоммунизм и оголтелый расизм. Если они захотят вернуться в нашу организацию, то должны принять нашу программу. Пусть возвращаются, если они на это решатся. Но что происходит на самом деле? У руководителей ПАК нет никакой программы. Они занимаются только антикоммунизмом да ездят в Пекин. Еще делают разные заявления, из которых следует, что страна будто бы будет освобождена через три месяца... хотя прекрасно знают, какова истинная ситуация. Но, с другой стороны, я могу с полной уверенностью утверждать, что многие активисты, ушедшие от нас в ПАК в тот момент, когда они вдруг решили, что АНК не хочет начинать вооруженной борь-

бы, сейчас возвращаются в нашу организацию. А в тюрьмах, на каторжных работах единство достигается само собой. Знаете, что я вам скажу: АНК видел уже столько всяких движений, которые создавались с одной целью — сделать единство невозможным...

В заключение беседы я спрашиваю его, что он думает об Организации Африканского Единства.

Он делает жест рукой, словно отмахиваясь от такого вопроса и как бы давая понять, что не питает иллюзий.

— Чего мы ждем от ОАЕ? Того же, что и от ООН. Всего и ничего. Африка расколота, она тоже зависит от иностранных капиталовложений — французских, английских, американских. Мне думается, что Фервурд кончит так же, как кончил Гитлер. Вам не кажется, что Африка только тогда зашевелится, когда Фервурд нападет на одну из независимых африканских стран? Может случиться, что в недалеком будущем западные державы осознают, что чем дольше продержится режим Фервурда, тем радикальнее будет революция, а осознав это, попытаются заменить его каким-нибудь правительством Объединенной партии, Прогрессивной или еще какой-то, созданной специально для этой цели. Хотя вряд ли. Ибо здесь все белые за Фервурда и день ото дня будут становиться все более преданными его сторонниками. Националистическая партия никогда не выпустит власть из своих рук. Она будет защищаться, в крайнем случае пойдя войной на остальную Африку. Средства для этого у нее есть. Теперь уже поздно помышлять о мирном решении проблемы. И то, что произойдет, будет страшно.

Сегодня во второй половине дня я уезжаю. Утром мы нашли на заднем дворе умирающую кухарку. Она решила покончить с собой, поняв, что беременна. Это молодая женщина из племени сото, у нее и так уже шестеро детей. Живут они в одном из отдаленных резерватов, откуда она родом.

Мужа ее несколько дней назад арестовали и посадили в тюрьму за то, что он нарушил закон о пропусках. Без тех нескольких фунтов стерлингов, что она зарабатывала нелегким трудом и целиком отсылала своей матери, дети ее и старые родители умрут с голода. После того как был введен в действие закон об одной служан-

ке, она уже не имеет права ночевать в доме у моих друзей, потому что у них живет няня, и, следовательно, обязана каждый день отправляться на ночлег в Александру, в казарму для «несемейных». Ездить же туда она боится: если обнаружат, что она беременна, ее насильственно отправят в резерват (служанка не имеет права держать при себе ребенка больше трех месяцев). Так кто же будет кормить семью?

В последние дни Ева (так зовут кухарку) не находила себе места, этим-то и объясняются те взгляды затравленного зверя, которые мы время от времени ловили на себе. И ведь несмотря на все дружеское расположение, проявляемое мною, она не обмолвилась ни словом: стена между расами стала непреодолимой, и ей казалось, что белая женщина никогда не поймет драму черной. Она предпочла наложить на себя руки.

Перед отъездом в аэропорт я отправляюсь с друзьями сделать несколько последних покупок. Мы идем на индийский базар, что расположен возле центральной станции, откуда отходят автобусы в локацию Александра. Разгуливаем в самой гуще пестрой толпы: красавицы индианки в сари выбирают шелка; толстые черные няньки, не снимая с головы чемодана, вяжут что-то в ожидании автобуса; промелькнула стайка девочек-метисок из соседнего колледжа и с ними священник; мальчишки-африканцы изображают джазовый оркестр перед открытой дверью торгующей пластинками индийской лавочки, откуда доносится мелодия квила.

И наша маленькая группа белых — потомки буров, сын еврейского эмигранта, англичанин из Родезии и белокурая журналистка — чувствует себя здесь совсем как дома, шутит, смеется. Мои друзья говорят немного га коса, зулу и на гуджарати — языке индийцев-мусульман, и у всех у нас такое ощущение, будто мы перенеслись в страну совсем иную.

— Вот увидишь, — говорит мне Энтони, — в один прекрасный день Южная Африка станет именно такой. Наша страна будет настоящей отчизной для всех рас, в ней сольются, обогащая друг друга, культуры всех наших народов. Это будет маяк Африки. И мы поможем всему континенту.

От Энтони давно уже нет никаких вестей. Боюсь, что его выдали родезийской полицией.

СОУЧАСТНИКИ

Возвращаешься во Францию, рассказываешь о Южной Африке, об апартхейде... Люди говорят: «Возможно ли такое? Куда же смотрит весь мир, что делает мир для того, чтобы заставить южно-африканское правительство отказаться от своей нацистской политики?»

И выясняется следующее.

Еще в 1948 г., когда к власти пришла Националистическая партия, Генеральная Ассамблея ООН по требованию Индии, обратившей внимание на дискриминацию, жертвами которой оказались индийцы, уже рассматривала эту проблему. В те времена слово «апартхейд» еще не было известно. Южная Африка состояла членом Британского Содружества Наций, равно как ООН и других международных органов, входящих в состав ООН.

Ныне она вышла из состава Британского Содружества из-за других африканских членов Содружества, потребовавших в 1961 г., чтобы Претория отказалась от провозглашения республики исключительно в интересах белого меньшинства.

После конференции в Аддис-Абсбе, на которой была создана Организация Африканского Единства, и под давлением афро-азиатской группы в ООН, Южной Африке пришлось отказаться и от участия в целом ряде международных организаций, таких, например, как МОТ (Международная организация труда), ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН), ВОЗ (Всемирная организация здравоохранения) и т. д. ЮАР покинула даже ЮНЕСКО после того, как

эти организация предприняла широкое научное исследование проблемы расизма⁷⁷.

На сессиях Генеральной Ассамблеи ООН Южная Африка оказывается во все большей изоляции, и резолюции, ее осуждающие, принимаются обычно подавляющим большинством голосов. (Франция при этом всегда воздерживается, прибегая к такому аргументу: «Мы против апартхеида, но считаем это внутренним делом, к которому ООН не имеет отношения».)

Однако специальный комитет, созданный для расследования возникшей ситуации и для выработки срочных решений (который, полагая, что создавшееся положение представляет угрозу всеобщему миру, поставил этот вопрос на рассмотрение Совета Безопасности еще в 1960 г.), констатирует в своем последнем докладе, что «неспособность ООН принять соответствующие меры явилась причиной неуклонного ухудшения положения в Южной Африке...» и указывает, что «правительство этой страны поощрялось на продолжение проведения в жизнь своей пагубной политики». Вину за это комитет возлагает на «упорное противодействие со стороны некоторых великих держав, которые являются главными торговыми партнерами Южной Африки».

Комитет вновь напоминает различные меры, которые он рекомендует принять:

— немедленное прекращение всех поставок оружия и боеприпасов, всех видов технического сотрудничества, а также ликвидация всех лицензий, предоставленных южно-африканскому правительству или частным компаниям с целью производства оружия, боеприпасов или военных средств транспорта, равно как и для всех отраслей нефтяной промышленности...

— запрет на эмиграцию в ЮАР технического персонала, который мог бы содействовать развитию вышеупомянутых отраслей;

— пересмотр всех договоров и соглашений, касающихся военных баз... и установок контроля за искусственными спутниками...

⁷⁷ Утверждают, что ЮАР очень дорожит своим членством в ООН, с трибуны которой она еще имеет возможность защищаться. Однако президент ЮАР Сварт заявил в начале 1966 г., что может возникнуть необходимость выхода ЮАР из этой организации, «продавшейся афро-азиатским странам».

— отзыв из ЮАР глав дипломатических миссий и консульских представительств...

— потребовать, чтобы все государства запретили своим гражданам осуществлять инвестиции в Южно-Африканской Республике и предоставлять займы и кредиты ее правительству...

— потребовать от всех государств, чтобы они отказались принимать и обслуживать любые суда или самолеты, направляющиеся в ЮАР или возвращающиеся оттуда... чтобы они запретили поставки в ЮАР нефти и нефтепродуктов... станков и оборудования... химических продуктов... минерального сырья... равно как и импорт из Южной Африки алмазов, золота, урана, железной руды и не разрешали оказывать техническое содействие и предоставлять станки и оборудование, предназначенные для производства моторизованных транспортных средств и других видов транспортной техники...

Прошло уже более двадцати лет с тех пор, как южно-африканская проблема впервые была поставлена перед ООН, и можно, пожалуй, подвести итог ее деятельности в этом направлении.

Южная Африка тесно связана с государствами — членами НАТО, а ее военно-морская база в Саймонстауне предоставлена британскому флоту. Порт этот имеет большое стратегическое значение для контроля морских путей в зонах Индии, Южной Атлантики и Тихого океана. Новая база Уолвис-Бей, расположенная на юго-западном берегу, дает возможность держать под прицелом весь Запад Африки.

Вопреки всем рекомендациям ООН относительно бойкота в области вооружений, принятым почти единогласно, вооруженные силы ЮАР являются самыми мощными на континенте. В общей сложности регулярная армия, отряды гражданской обороны (полувоенные соединения) и милиция⁷⁸ насчитывают более ста тысяч отлично подготовленных солдат и офицеров. Военный бюджет составил в 1966 г. 116 415 долларов.

Полиция, которая, по существу, является частью вооруженных сил, ибо в ее распоряжении есть и танки и самолеты, насчитывает 32 000 человек, в 1966 г. бюджет

⁷⁸ Двадцать тысяч молодых белых проходят курсы военной подготовки для борьбы против партизан и для участия в уличных боях.

ее составил 78 901 200 долларов. Мы не располагаем точными данными относительно числа бронетанковых единиц, находящихся в распоряжении южно-африканской полиции, но последние цифры были такими: 450 танков и около 100 «сарацинов» (это английские бронированные автомобили, которые были использованы для кровавой расправы в Шарпевиле).

Военно-воздушные и военно-морские силы ЮАР постоянно растут, даже вооруженная гражданская милиция располагает 250 транспортными и боевыми самолетами.

Список боевых единиц военно-воздушных сил ЮАР впечатляет тем, что в нем наряду с самолетами и вертолетами, предназначенными для участия в разгоне уличных демонстраций, как это было в Шарпевиле, есть и скоростные мощные машины, которые дают ей возможность воевать и за пределами собственных границ.

Не столь давно в Южной Африке появились свои заводы, производящие вооружение, выпускает она и самолеты. Компания «Атлас Эйкрафт Фэктори», чьи предприятия расположены возле Йоханнесбурга, выпустит к концу этого года 250 реактивных самолетов («Макчи 326 Джет Этгек Эйкрафт»), это улучшенный вариант одной из моделей, производимой по итальянской лицензии. Они будут именоваться «Импала».

Южная Африка усвоила опыт французской войны в Алжире, и границы ее охраняют мощные войсковые соединения. Хотя ЮАР теперь не входит в Британское Содружество, английский флот оказывает поддержку ее военно-морскому флоту.

Обладая таким непомерным военным потенциалом, Южная Африка продолжает оснащаться вооружениями и военной техникой благодаря западным державам, которые прямо-таки дерутся за обладание южно-африканскими рынками. Рассказывают, что некоторые официальные лица ЮАР являются объектом постоянного нажима со стороны чрезвычайных эмиссаров различных крупнейших западных фирм, производящих оружие.

Великобритания, дабы оправдать последние сделки по продаже ЮАР бомбардировщиков («Бакканиерз Марк II» и «Канберра») и вертолетов («Уэстленд Уосп»), заявила, что они предназначаются не для внутренних боевых операций, а для обороны Южной Африки в слу-

чае конфликта между «свободным миром» и Востоком. Этот же аргумент был использован Соединенными Штатами для придания видимости законности продаже ЮАР транспортных военных самолетов. В тех случаях, когда западные страны не имеют возможности открыто продавать свое оружие ЮАР, они пользуются услугами так называемых международных компаний, обосновавшихся в Италии или в Японии, которые скупают лицензии, чтобы затем перепродать их правительству Фервурда⁷⁹.

Совершенно особые отношения связывают ЮАР с Западной Германией. Судя по всему, Претория и Бонн заключили секретное соглашение с целью совместного производства атомного оружия с использованьем урана, большие запасы которого находятся в недрах ЮАР. Построена и начала действовать ультрасовременная производственная лаборатория, которую возглавляет генерал-майор В. Меллентин, бывший в свое время членом генерального штаба Гитлера. Связи между Меллентином и южно-африканской Националистической партией были установлены еще во время второй мировой войны, когда Форстер, будучи членом нацистской организации «Оссева Брандваг», собирал сведения о союзниках для немцев. После подписания соглашения Меллентин был сначала назначен «чрезвычайным представителем» западногерманской авиакомпания «Люфтганза» во всей Африке. Затем он стал тайным военным советником правительства ЮАР: благодаря ему Претория получила возможность закупать у всех крупнейших индустриальных государств Запада лицензии, позволившие ей увеличить производство оружия до чудовищно высокого уровня⁸⁰. Ныне все производство вооружения в Южной Африке контролируется трестами, связанными с западногерманским государством, банками и монополиями ФРГ.

Один из самых влиятельных людей Западной Германии, банкир Герман Иосиф Абс побывал в 1963 г. в Южной Африке под предлогом необходимости обсудить

⁷⁹ В марте 1966 г. в Йоханнесбурге два английских бизнесмена, майор Роджерсон и сэр Роберт Фостер, представляли компанию «Меркантиле итало-британика», которая торгует лицензиями на производство оружия.

⁸⁰ Автомат «Марк Р-1», производимый в Южной Африке, является улучшенным вариантом бельгийского «ФМ».

с Оштенгеймером цены на золото. В действительности же Абс представлял комиссию по атомным делам ФРГ и крупнейший в Западной Германии атомный трест «Дегусс». Он вел переговоры с Дидерихсом, главой «Этомик Инерджи Боард» Южно-Африканской Республики. Можно предполагать, что именно ЮАР станет первым среди африканских государств обладателем атомной бомбы⁸¹.

Быть может, этим-то и объясняется тот факт, что французское правительство, которое стремится прослыть самым ревностным сторонником освобождения стран «третьего мира», в действительности является одним из тех правительств, которое оказывает Южной Африке наибольшую поддержку в военной области.

Так, стало известно, что Франция продает ЮАР самолеты типа «Мираж» и «Мистэр»⁸², а также вертолеты «Алуэт», используемые полицейскими отрядами, патрулирующими локации африканцев. Автомобилестроительная фирма «Панар» построила в Претории завод по производству бронированных грузовых машин; филиалы различных французских компаний производят боеприпасы и, в частности, ракеты; французское правительство соорудило в Претории станцию обнаружения ракет дальнего радиуса действия. Эта станция, которой до сих пор ведали французские специалисты, будет передана впоследствии южно-африканцам, обучающимся в Сакле.

Так что же все-таки делает Южную Африку столь неуязвимой? Конечно, не только продукция сельского хозяйства, составляющая двадцать пять процентов экспорта, но и ее минеральные ресурсы. Это в первую очередь золото (702 673 145 рандов в 1965 г. — на 100 миллионов рандов больше, чем в 1964 г.) и алмазы (3 794 648 каратов, добытых в шахтах, и 466 316, обнаруженных в реках, на сумму 4 260 964 ранда — на 445 434 больше, чем в 1964 г.). И особенно излишки ура-

⁸¹ ЮАР, которая занимает второе место в мире по производству урана, располагает атомным реактором, установленным возле Претории американской фирмой «Аллис Чармерз».

⁸² Министр обороны ЮАР Фуше вел в 1965 г. переговоры с главой французского авиастроительного концерна Марселем Дассо и тогдашним министром обороны Франции Пьером Месмером относительно заказа на поставку в Южную Африку французских военных самолетов разного типа.

на, объем добычи которого держится в тайне. В уране заинтересованы все страны. Утверждают, будто бы Китайская Народная Республика покупает южно-африканский уран при посредничестве одной гонконгской фирмы ⁸³.

Может быть, и есть надежда уговорить домашних хозяек бойкотировать южно-африканские фрукты, но какая сила может заставить крупные международные тресты отказаться от закупки минерального сырья ⁸⁴. Не случайно важнейшие торговые партнеры Южно-Африканской Республики — Великобритания, США, ФРГ, Япония, Италия, Канада, Франция — не голосовали за экономические санкции против режима Претории.

Анализ эволюции внешней торговли ЮАР на протяжении трех последних лет позволяет утверждать (если причислить продажу золота на внешних рынках к экспорту), что во внешнеторговом обороте этой страны экспорт превышает импорт (в млн. фр.):

Год	Импорт	Экспорт	Баланс	Производство золота
1963	8 246	6852	1413	4699
1964	10 461	7119	3337	5008
1965	11 937	7134	4809	5255

Англия, на долю которой приходится 30% внешней торговли ЮАР, утверждает, что она не может позволить себе применение мер экономического давления, ибо это пагубно отразится на ее протекторатах, живущих главным образом за счет поступлений от труда тех рабочих, что эмигрируют в ЮАР и используются там на рудниках. На поверку же все выглядит совсем иначе. В 1964 г. английские капиталовложения в ЮАР достигали 12 933 млн. фр., что составляет 60% от общей суммы иностранных инвестиций. Кроме того, большая часть южно-африканского золота реализуется в Лондоне, ко-

⁸³ Объем торговли между ЮАР и фирмами, местопребыванием которых является Гонконг, постоянно возрастает. Импорт в Гонконг из ЮАР достиг в 1965 г. 130 480 104 долларов, что превышает примерно в два раза импорт в Швейцарию — другую «нейтральную» зону и перекресток международной торговли.

⁸⁴ Южная Африка — один из крупнейших производителей бериллия, лития, циркония, гафния и других минералов, которые также являются атомным сырьем.

торый вместе с тем служит перевалочным пунктом для южно-африканского минерального сырья. Великобритания является также самым выгодным рынком для продуктов сельского хозяйства ЮАР (кукуруза, сахар, фрукты, шерсть), в обмен на которые она продает Претории станки и оборудование. В 1965 г., например, эти поставки составили около двух миллиардов франков.

Другие страны, в том числе и США, говорят о невозможности установить настоящую блокаду ЮАР, так как это потребовало бы наблюдения за портами и аэропортами. «А это практически неосуществимо», — утверждают они. Такого рода аргументы звучат просто-напросто смехотворно. Те же самые люди, которые отказываются применить санкции против нацистского правительства ЮАР, не задумываясь осуществляют как вполне естественную акцию блокаду Кубы, обосновывая это лишь тем, что кубинцы избрали социализм. В этой связи следует напомнить, что после событий в Шарпевиле американские капиталовложения в ЮАР непрерывно растут. За один только 1962 г. прибыль от этих капиталовложений составила сорок четыре миллиона долларов.

Список американских фирм, получающих прибыль в ЮАР, выглядит весьма внушительно. В нем фигурируют самые различные компании, начиная от «Кока-Кола» и кончая «Ранд Майнз Корпорейшн». Всего в Южной Африке орудует сто шестьдесят американских монополистических объединений, капитал которых составляет приблизительно 1,2 млрд. долларов. Только в 1963 г. «Дженерал Моторз» вложила в ЮАР тридцать миллионов долларов; «Форд» — одиннадцать миллионов; «Файрстон» — семь миллионов; «Гудиэр» — три миллиона. Если до второй мировой войны США не вложили ни цента в южно-африканскую горнодобывающую промышленность, то к 1962 г. американские капиталы, инвестированные в эту отрасль, уже составляли 182 млн. долларов, а общий капитал предприятий, находящихся под американским контролем, достиг 430 млн. долларов.

Небезынтересно отметить, например, что директором «Ранд Майнз груп», фирмы, на которую ныне работает более ста тысяч африканских горняков и которая добывает семнадцать процентов золота в ЮАР, является некто Чарльз У. Энгельгард — американский бизнесмен, известный своими тесными связями с американским пра-

вительством хотя бы потому, что он был личным представителем президента Кеннеди на церемонии восшествия на папский престол Павла VI и представителем президента Джонсона на торжествах по случаю провозглашения независимости Замбии. Экспорт Соединенных Штатов в ЮАР достиг в 1965 г. двухсот пятидесяти миллионов долларов, что составляет семнадцать процентов от всего южно-африканского импорта. Значительная часть южно-африканского золота пополняет американские золотые запасы в Форт-Ноксе. Сорок процентов от общего объема южно-африканского экспорта в США составляет все тот же печально знаменитый уран⁸⁵.

Если учесть, что на 1963 г. французские капиталовложения в ЮАР составляли лишь 6% от общей суммы иностранных капиталовложений в этой стране, то возникает невольно вопрос: почему Франция столь цинично продает Претории оружие? Судя по всему, Франция убеждена, что ей удастся мало-помалу потеснить США в этой стране. Настойчиво и терпеливо она открывает для себя двери в ЮАР при помощи разного рода технических проектов. Фирма «Рено», например, образовала вместе с одной южно-африканской фирмой компанию со смешанным капиталом «Рено Африка», которая рассчитывает произвести в ближайшие три года крупные капиталовложения. Наряду с этим в Джермистоне, где расположен завод компании «Юнион Эр Ликид», с французским участием сооружается комбинат по производству жидкого воздуха. Именно французские фирмы (которых насчитывается по меньшей мере десять) участвуют в работах на реке Оранжевой, значение которой для экономического развития ЮАР известно⁸⁶. Французское правительство не только открыло зеленую улицу этим фирмам, но и обещало помогать им, а может быть, даже принять участие в их деятельности. Французское правительство заинтересовано в расширении и укреплении своего присутствия в Южной Африке. Не говоря

⁸⁵ В 1965 г. чистая прибыль США в некоторых отраслях южно-африканской экономики составила 27% от суммы капиталовложений.

⁸⁶ Это — «Дюмез», «Леон Балло», «Компани де Конструкторсьон Интернасьональ», «Сосьетэ де Гран Траво» и т. д.

уже о станции обнаружения ракет дальнего радиуса действия, официально именуемой «Стэйшн Паардефонтейн», Франция намерена создать смешанные компании с южно-африканским капиталом. Официальные лица двух стран часто обмениваются визитами. Парижский депутат от правящей партии ЮНР г-н Ру осуществил ознакомительную поездку по стране апартхейда. Из его заявлений после этого путешествия следует, что нынешнее экономическое развитие ЮАР лишь прелюдия к еще более широкой экспансии, осуществимой в том случае, если Претории будет предоставлен срок, необходимый для реализации ее проектов. «Эта республика, — сказал он, — является составной частью западной цивилизации, точно так же, как Северная Америка».

Министр экономики ЮАР Николас Дидерихс нанес в декабре 1965 г. десятидневный визит во Францию, целью которого было рассмотрение возможностей сотрудничества между двумя странами. Вернулся он в ЮАР, чрезвычайно довольный результатами своей поездки, и заявил: «Французская техника готова поддержать наше индустриальное развитие». Франция является одним из важнейших партнеров ЮАР, закупающих у нее шерсть, марганец, антрацит и алмазы. Взамен она продает Претории станки и оборудование, а также промышленные товары. В течение 1965 г. французский экспорт в ЮАР возрос в денежном выражении на 100 млн. фр. В начале 1966 г. одно из крупнейших финансовых объединений Франции «Шнейдер» инвестировало пять миллионов долларов в предприятия горнодобывающей компании «Англо-Америкен».

Япония — это торговые ворота ЮАР в Азию. В 1965 г. объем южно-африканского экспорта в Японию возрос на 45%. Эта страна является пятым по значению торговым партнером ЮАР.

Что же касается торгового обмена ЮАР с остальной Африкой, то следующие ниже цифры показывают, как выполняются решения Организации Африканского Единства о бойкоте Претории (в млн. рандов):

Год	Импорт	Экспорт
1962	89,3	119,6
1963	0,5	107,4
1964	80,0	120,4

Цифры за первые три месяца 1965 г. также показывают, что по сравнению с предшествующими годами имеет место явное расширение этой торговли. Точные и детальные сведения о коммерческих отношениях ЮАР со свободной Африкой привести трудно, ибо в большинстве случаев сделки осуществляются при посредничестве английских и израильских компаний. Известно, однако, что Уганда, например, продолжает обеспечивать южноафриканские рудники рабочей силой, что Конго (Леопольдвиль) закупает у Претории шахтное оборудование, что Конго (Браззавиль) по-прежнему поставляет в ЮАР фанеру, а Сенегал и Марокко продают расистскому режиму фосфаты. Страны же, входящие в стерлинговую зону (Гана и др.), совершенно спокойно торгуют с Преторией, пользуясь посредничеством Лондона и Тель-Авива.

В свете всего этого начинаешь понимать, чем объясняется столь безмятежное спокойствие южноафриканских нацистов и отчаяние последних «проклятым заклеянным» африканцев.

Аня Франкос

АФРИКА АФРИКАНЕРОВ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *М. Д. Панасьянц*
Младший редактор *К. А. Недорезова*
Художник *А. Озеревская*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *З. С. Теплякова*
Корректор *Р. Ш. Чемерис*

Сдано в набор 25/VII 1973 г.
Подписано к печати 24/X 1973 г.
Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага № 1
Печ. л. 7,25. Усл. п. л. 12,18
Уч.-изд. л. 12,65. Тираж 15 000 экз.
Изд. № 3108. Зак. № 663. Цена 68 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 68 коп.

